

Павел Ганипровский

Татьяна Минасян

Сабля

Цесаревича

Совершилось чудо — в середине XXI века в Москве происходит коронация русского царя, первого из новой династии. Но как такое стало возможно? Каким образом простой школьник прошёл от питерских подворотен до престола Российской Империи? И кем был его таинственный друг-сверстник, направлявший его первые шаги на этом пути?.. Мистическая повесть Павла Ганипровского и Татьяны Минасян «Сабля Цесаревича» — не только о юных годах будущего императора. Прежде всего она о русской катастрофе начала XX века и возможных путях её преодоления. Хотя, конечно, можно её прочитать и просто как приключенческую фантастику.

Это фантастическая повесть,
все сюжетные совпадения
с реальными событиями случайны

На длинном накрытом столе замерли расставленные в идеальном порядке тарелки, чашки и приборы. В центре блестели полукруглые фарфоровые колпаки, закрывавшие поданные к завтраку блюда — их так и не сняли, вся еда осталась нетронутой. Сидящий за столом мужчина даже не смотрел на них — о еде он теперь думал в последнюю очередь. Всеми своими мыслями и чувствами, всей душой он был в тот момент в соседней комнате, из которой сначала доносился негромкий стон, а потом пронзительные женские крики.

Он сидел неподвижно — только с каждой минутой все больше сутулился, а во время самых громких криков прижимал ладони к лицу. И лишь после того, как до него донесся новый крик — еще более пронзительный младенческий — он как будто бы вернулся в реальность и огляделся вокруг удивленным взглядом. Казалось, ему приходится не без труда вспоминать, где он находится и что вообще происходит.

Младенец, между тем, продолжал кричать, громко заявляя всему миру о том, что он теперь тоже стал его частью. А потом за дверью послышались торопливые шаги, и в комнату заглянула женщина в белом головном уборе, скрывающем волосы.

— Ваше величество, это мальчик! — выпалила она и тут же, смутившись, начала бормотать какие-то извинения.

Но мужчина махнул рукой, делая ей знак, чтобы она продолжала рассказывать.

— Мальчик? — переспросил он, словно не веря своим ушам. — И как..? Все хорошо..?

— Да, все хорошо, идите к ним! — быстро ответила женщина.

Ее собеседник шумно вздохнул и перекрестился. Взгляд его остановился на висящих на стене часах.

— Неужели прошло всего полчаса?! — изумился он и быстрым шагом вышел из комнаты.

Через несколько минут он уже стоял возле широкой кровати, на которой, утопая в подушках, лежала бледная, но счастливо улыбающаяся красивая женщина, и держал в руках крошечный сверток с младенцем. Ребенок больше не плакал, его личико было спокойным, а взгляд блуждал по комнате, как будто он пытался понять, где теперь находится.

А вот отец смотрел на новорожденного сына с нескрываемой тревогой. Словно боялся за его будущее, словно предчувствовал что-то плохое и даже трагичное...

— Надо дать телеграмму в Петербург, — сказал он, наконец, поворачиваясь к нескольким застывшим в дверях людям. — О том, что сегодня у меня родился сын. Наследник Российской Империи.

Император открыл глаза. Огромный зал вокруг него исчез, он был в собственной спальне, тоже довольно просторной, но все же меньших размеров. Сквозь щель между шторами пробивался розоватый луч света — солнце явно еще только восходило. Электронное табло показывало без десяти пять. Скоро его придут будить, скоро начнется самый важный день в его жизни. И в жизни его страны.

В памяти всплыл только что увиденный сон, и император грустно улыбнулся. Давно у него не было таких сновидений! Но как и прежде, оно было ярким и реалистичным — он не просто видел страницы истории, а как будто по-настоящему присутствовал в прошлом, невидимый для живших тогда людей, но слышащий каждый шорох, замечающий каждую деталь происходящего, ощущающий запахи...

Разница была лишь в том, что тогда, много лет назад, он долго не мог понять, что именно ему снится. И даже после того, как начал догадываться, кого видит во сне, ему не сразу удалось поверить в это, признаться самому себе, чему каждую ночь становился свидетелем.

Закрывать глаза на то, что кажется пугающим — роскошь, которую он уже давно не мог и никогда больше не сможет себе позволить.

Император встал с кровати, подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. Спальню залил свет восходящего солнца, и выглянувший в окно мужчина в очередной раз подумал о том, как же красива в это раннее время летняя подмосковная природа. И как же хорошо, что он проснулся чуть раньше, чем должен был встать — у него есть еще несколько минут, чтобы полюбоваться окружающими его резиденцию вековыми елями, подсвеченными розовым светом. Потом ему будет не до этого...

Он накинул халат, подошел к божнице, перекрестился и привычно погрузился в утреннюю молитву.

Скрипнула дверь, и в спальню заглянул свежеиспеченный царский камердинер.

— Ваше величество... — начал он негромко и тут же осекся. — О, вы уже встали!

— Доброе утро, — император поглядел на слугу с некоторым удивлением. — Но пока можешь звать меня на «ты» и по имени — не стал я еще величеством...

— Уже стали, — возразил камердинер. — С того дня, как Россия снова стала называться империей.

За тридцать лет до этого

Перед входом в седьмой «А» класс, в котором учился Пожарский, нужно было подготовиться к чему угодно. И Паша, как всегда, был готов ко всему. Поэтому, открыв дверь, он уже в следующую секунду успел уклониться от летящей прямо ему в лицо тряпки для стирания мела с доски, а еще через мгновение поймал вторую тряпку и бросил ее обратно, в ту сторону, откуда она прилетела. Тряпка попала в правильную цель — тот, кого она ударила по лбу, раздосадовано вскрикнул, а весь остальной класс залился смехом.

Павел пожал плечами и направился к своему месту. Возле его парты уже вертелись двое одноклассников с тетрадками в руках, и он, подходя к ним, привычно покачал головой:

— Списать не дам, могу только объяснить, как надо было решать.

Один из мальчишек с тетрадью недовольно скривился и, махнув рукой, отошел к своему месту. Другой остался стоять рядом с партой, неуверенно поглядывая то на Пожарского, то на дверь класса, в которую в любой момент могла войти учительница.

— А успеешь объяснить? — недоверчиво спросил он, не без труда перекрикивая стоящий в классе галдеж.

— Попытаюсь, — Паша уселся на свое место, кивнув товарищу на соседний стул, пока еще свободный — его соседка по парте, как всегда, опаздывала.

— Пожар! — крикнул еще один ученик с задней парты. — А англиш тоже не дашь списать?

— Не дам! — отозвался Пожарский. — На перемене объясню, если хочешь!

— А, ну давай на перемене, — не слишком охотно согласился его однокашник.

— Конне-е-ечно, Пожару легко говорить, всегда все сам понимает... — протянул еще один недовольный голос с задних парт, и несколько других голосов согласно загудели в ответ.

Павел, проигнорировав эти стенания, наклонился к тетрадке усевшегося рядом с ним товарища:

— Короче, такие задачи надо решать с помощью уравнения...

Следующие несколько минут прошли все в том же шуме и суете. В класс вбегали все новые школьники, над их головами пролетали тряпки, двое мальчишек на задней парте начали драться и скатились со стульев на пол, компания девочек бурно обсуждала «ту Катку из параллельного», а Паша продолжал решать на листке бумаги задачу, наклонившись к самому уху одноклассника и комментируя ему каждое свое действие. Тот в ответ лишь кивал головой и торопливо переписывал появляющиеся на листке цифры к себе в тетрадь.

— Ну ты хоть что-нибудь запомнил? — проворчал Пожарский, написав ответ. Сидящий рядом мальчик с серьезным видом закивал, и Павел не удержался от вздоха:

— Ладно, значит, после уроков я тебе еще раз все объясню.

К этим словам его одноклассник отнесся явно без восторга. Но спорить он не стал, тем более, что в коридоре уже звенел звонок, а в класс входила учительница, следом за которой вбежала запыхавшаяся соседка Паши по парте. Шум начал постепенно стихать, школьники разбежались по своим местам, и Пожарский, лишь теперь обнаружив, что еще не достал

нужные тетрадь и учебник, торопливо полез за ними в портфель.

— Успокаиваемся, успокаиваемся, — усталым голосом пробормотала учительница, усаживаясь за свой стол и оглядывая класс. — Кто сегодня дежурный? Пусть подберет тряпки и сотрет с доски.

Девочка, только-только устроившаяся за партой рядом с Пожарским, снова вскочила и бросилась вытирать изрисованную доску. На ее половине парты остались лежать стопка тетрадей и ворох каких-то бумажек. Паша скользнул по ним не особо заинтересованным взглядом, но тут одна, похожая на рекламную листовку, привлекла его внимание, и он, придвинув ее поближе, стал разглядывать более пристально, пользуясь тем, что хозяйка была занята доской.

В первый момент подростка заинтересовала большая красная надпись «12+», обведенная кружком. Приглядевшись к бумажке, он обнаружил, что это не реклама, а входной билет в расположенный на соседней улице ночной клуб. Вот только время на билете стояло весьма необычное для такого заведения: 14.00.

Дольше разглядывать билет Пожарскому не удалось — соседка вернулась на свое место и сдвинула все бумаги на край парты, а потом еще и положила на них дневник с тетрадью. Паша сделал вид, что смотрит в другую сторону.

— Так, есть ли желающие пойти к доске и решить там заданную на дом задачу? — поинтересовалась преподавательница. Особой надежды на то, что такие добровольцы найдутся, в ее голосе не было.

Паша мельком взглянул на доску с меловыми разводами. Ему бы не составило труда написать на ней решения всех заданных на дом задач, но он еще в первом классе понял, что не стоит быть выскочкой, который постоянно рвется отвечать. Учителя, конечно, будут этому рады, но вот с одноклассниками найти общий язык не получится. Так что он не стал тянуть руку, тем более, что к доске уже вызвалась сидящая на первой парте отличница. Вместо этого Пожарский пихнул локтем в бок свою соседку:

— Ты домашку сделала?

— Ну да, — отозвалась девочка.

— Тогда лучше вызовись на вторую задачу, — посоветовал Паша. — Иначе тебя наверняка завтра спросят. А завтра будут спрашивать новую тему.

— Ты-то откуда знаешь?

— В учебнике в следующие разделы заглядывал — это иногда полезно.

Девочка фыркнула, но потом с задумчивым видом открыла свою тетрадь и стала перечитывать вторую сделанную дома задачу. Паша же едва дождался, пока его одноклассница, вызвавшаяся к доске первой, не закончит отвечать и пока следом за ней не поднимет руку его соседка. Стоило ей уйти к доске, и он незаметно придвинул к себе билет в ночной клуб и внимательно изучил его. Билет действительно был на какое-то мероприятие в клубе, начинающееся в два часа дня для детей старше двенадцати лет, причем число на нем стояло сегодняшнее. И это оказалось не единственной его странностью. Ко всему прочему, он был на одного человека, но внизу Пожарский обнаружил приписку «Приводи с собой подруг!»

Пока Паша раздумывал, с чего бы это взрослый клуб начал устраивать какие-то мероприятия для несовершеннолетних, обладательница билета закончила отвечать и направилась к своему месту. Пожарский быстро отодвинул от себя билет и уткнулся в свою тетрадь, но краем глаза продолжил следить за соседкой. Вскоре его любопытство

разгорелось еще сильнее — девочка села за парту, достала из дневника чистый листок бумаги, оторвала от него небольшой кусочек и принялась что-то строчить на нем. «Галка, пойдем сегодня вместо шестого урока в «Юнити» — у них в два танцы для подростков, — с трудом разобрал Паша ее торопливый почерк. — Ответ пиши здесь, я мобилку дома забыла».

Дописав, ученица несколько раз сложила бумажку, стукнула по спине сидящего впереди мальчишку и, протянув ему записку, указала на свою подругу, скучающую на первой парте в соседнем ряду. Спустя несколько минут записка вернулась к ней с ответом: «Нас туда пустят?»

«Да, там специальная программа для тех, кому от 12 до 18, - написала соседка Паши. — У меня есть билет, по нему можно сколько угодно подруг привести».

На этот раз ответа пришлось ждать еще меньше. «А можно Ирку и Маринку позвать?» — спросила Галка, и ее подруга торопливо согласилась: «Зови всех, кого хочешь, я тоже сейчас Ключеву и Липкину приглашу».

— ...А теперь я вам расскажу про новый тип уравнений, — вещала, тем временем, учительница. — Пожарский, куда ты смотришь? Списывать пока нечего, и ты вроде бы не имеешь этой дурной привычки!

Класс захохотал, а Паша поспешно отвернулся от строчащей очередной ответ на свою записку соседки. Сама она, возмущенно хмыкнув, сунула бумажку, на которой вела беседу с подругой, под тетрадь. Больше Пожарский в ее переписку не заглядывал, но ему это и не требовалось — он и так узнал все, что хотел. Вот только теперь ему надо было решить, что делать с этой информацией...

Весь урок, куда бы он ни посмотрел, его одноклассницы незаметно писали сообщения в спрятанных под партами телефонах или записки для его оставшейся без мобильного соседки по парте. А на перемене, когда класс переходил в кабинет биологии, большинство девчонок, включая даже главную отличницу, сбились в кучу и ввалились в туалет, шепотом что-то обсуждая и громко хихикая. Можно было не сомневаться, что женская половина шестого «А» сбежит с последнего урока почти в полном составе. Да и те девочки, кого не позвали в клуб, скорее всего, скажут друг другу «Что мы, рыжие что ли?» и тоже смотятся из школы. А за девчонками — тоже можно не сомневаться! — разбегутся и парни, так что на шестой урок, скорее всего, вообще никто не явится. Хотя на нем новая молодая учительница русского языка собиралась устроить первую в этой четверти проверочную работу. И если на ее урок не явится весь класс, да еще на второй день нового учебного года, у нее будут неприятности с завучами и директором — а ее, как было известно Пожарскому из подслушанного разговора двух других учителей, начальство и так не особо любит, потому что на ее место хотели взять кого-то по блату. Может быть, за один сорванный урок ее из гимназии и не выгонят, но у начальства появится лишний повод для этого. Значит, «критическая масса» таких поводов наберется быстрее, и ее уволят раньше. А на ее место возьмут ту, другую, которую собирались взять по знакомству — скорее всего, ничего толком не умеющую, иначе она была бы в состоянии устроиться на работу без протекций. Классу от этого будет только хуже, и самому Паше учиться станет еще скучнее. Да и теперешнюю русичку жалко — пусть она не самый авторитетный преподаватель, зато ее интересно слушать, даже когда она рассказывает то, что он и так уже знает.

Все эти мысли пробежали в голове у Павла меньше чем за пару минут, пока он шел из одного кабинета в другой. А вот над следующей мыслью он уже задумался надолго: как помешать девчонкам слинять с урока?

Эту задачу Пожарский решал весь урок биологии, лишь изредка отвлекаясь от своих напряженных дум и прислушиваясь к тому, о чем говорила учительница. А его одноклассницы продолжали переписываться, явно обсуждая предстоящую авантюру — почти все держали руки под партами, на ощупь набирая сообщения и тихо хихикали в кулак, а на тетрадь его соседки то и дело прилетали свернутые бумажки. Некоторые девчонки уже сейчас, хотя шел только второй урок, доставали из портфелей зеркала и изучали свое отражение, поправляя растрепавшиеся волосы. Паша мог бы поспорить, что сразу после звонка они побегут на первый этаж, к гардеробу, где висело на стене большое зеркало, и всю перемену будут перед ним прихорашиваться.

Учительница биологии рассказывала что-то про амёб, но Пожарский ее почти не слышал. Он машинально перелистывал учебник, думая только об одном: как сделать так, чтобы с последнего урока не сбежала хотя бы часть класса? Рассказывать о том, что замыслили его однокашницы, он никому не собирался — если это сделать, классная руководительница непременно потом проболтается, что это он настучал на девчонок, и тогда ему наверняка объявят бойкот и девчонки, и парни. «И сбудется твоя мечта — никто не будет приставать, чтобы ему списать дали или непонятную тему объяснили!» — невесело усмехнулся про себя подросток, а потом вдруг почувствовал, что начинает злиться. Ну уж нет, избавляться от «просителей» такой ценой он не будет! Ему и так не с кем общаться на интересные для него темы — а уж если с ним вообще перестанут разговаривать... Нет, надо придумать что-то другое. Но что?

Он долистал учебник до конца и перевел взгляд на окно. Там светило все еще яркое, несмотря на осеннее время, солнце, и пролетала вытянувшаяся в клин стая каких-то птиц. «В теплые страны торопятся, — машинально подумал Паша, но потом его мысли снова свернули на больше всего волновавший его вопрос. — Прямо, как наши девчонки, когда им хочется в клуб сбежать. Потом наверняка захочется и по вечерам туда бегать, с какими-нибудь иностранцами знакомиться, чтобы, как эти птицы, за границу улететь...»

— Пожарский, на доску надо смотреть, а не в окно! — прервала его размышления биологичка. — О чем я сейчас говорила?

Паша понятия не имел, о чем только что шла речь, но, как всегда, быстро сориентировался.

— Извините, Ольга Викторовна, можно выйти? — спросил он, поднимая руку, и учительница нехотя кивнула:

— Иди.

Класс захихикал, но на это Пожарскому было наплевать. За мгновение до того, как его окликнула биологичка, ему как будто бы пришла в голову мысль о том, как можно помешать девчонкам сорвать последний урок. Кажется, пришла... Ее надо было срочно додумать, и сделать это можно было только в одиночестве и в тишине.

Подросток быстрым шагом вышел из класса и оказался в пустынном полутемном коридоре. Теперь можно было думать спокойно — никто ему не мешает, если только кого-нибудь из школьников не выгонят с урока за плохое поведение. Впрочем, такое было всегда возможно, так что Пожарский поспешил выйти на лестницу и спуститься на половину пролета. Взгляд его снова остановился на окне — в чистом синем небе уже не было перелетных птиц, но Паше казалось, что он по-прежнему видит их и даже слышит их голоса. И он уже знал, что может сделать, чтобы не дать одноклассницам сорвать урок и подвести новую учительницу.

Пожарский вернулся в класс и с трудом досидел до конца урока. На перемене, как он и предполагал, почти все женское население седьмого «А» класса переместилось на первый этаж к большому зеркалу и принялось прихорашиваться перед ним. Паша тоже спустился в холл, отошел в один из углов и, достав из кармана мобильник, сделал вид, что набирает чей-то номер.

— Алло? — заговорил он затем, приложив телефон к уху. — Привет, мам. Да, у нас перемена, вот, перезваниваю... — он сделал довольно длинную паузу, а потом продолжил с удивленным видом, повысив голос. — Да ну, правда что ли? Очень интересно... А он хоть по-русски нормально понимает? Иначе как с ним общаться-то... А, ну тогда еще ничего... Что? Да не замерз я сегодня, тепло же еще! Да, и зонтик у меня с собой. Ну все, мам, пока, скоро перемена кончится!

Сделав вид, что разъединяется, и сунув телефон обратно в карман, Паша завертел головой, словно выискивая кого-то в толпе школьников, а потом зашагал к лестнице мимо причешывающихся перед зеркалом одноклассниц. Девочки проводили его заинтересованными взглядами, а одна из них даже шагнула было за ним следом, но потом одернула себя и все-таки осталась на месте. Пожарский же с загадочным видом пришел в кабинет математики, где у их класса должен был быть следующий урок, поставил свой портфель на парту и принялся рыться в нем, то выкладывая, то убирая обратно учебники и тетради. За этим занятием его и застали прибежавшие в класс девочки. Они расселись по своим местам, бросая на него любопытные взгляды, но сам он, казалось, не обращал на них ни малейшего внимания.

И только когда его соседка по парте тоже заняла свое место и полезла в рюкзак за учебником и тетрадью, Паша внезапно повернулся к ней:

— Слушай, у тебя французского словарика с собой нет случайно?

— Да нет, — удивленно развела руками девочка. — Сегодня же нет французского. Зачем он тебе понадобился?

— Да мне мама позвонила, сказала, что к нам может прийти практикант-француз, который в Питере учится, — объяснил Пожарский. — Вроде бы как должен прийти в наш класс на русский и провести у нас проверочную. Маме еще утром позвонили, оказывается...

Его мать была не только активным членом родительского комитета, но и главой местного совета муниципальных депутатов. Так что причин не верить Павлу у соседки по парте не было — его маме и правда могли сообщить, что к ее сыну на урок придет практикант, или какая-нибудь проверка, или еще кто-нибудь важный. Слабым местом в легенде было только то, что обычно практикантов отправляли в гимназию в конце учебного года, а не в начале, но на случай, если бы одноклассница засомневалась в его словах, у Паши было заготовлено объяснение — он сказал бы, что практикант-иностранец пересдает практику, которую ему не удалось сдать весной. Однако, как оказалось, он зря так перестраховывался — соседке и в голову не пришло, что с мифическим студентом что-то не так, и она тут же засыпала Пожарского вопросами:

— Твоя мама что-нибудь конкретное про него говорила? Откуда он, из какого города? Почему у нас учится?

— Нет, она сказала только, что это студент из Герцена и что ему нужен зачет по практике, — ответил Паша, а потом, чуть помолчав, добавил, словно только что вспомнил. — А, еще она назвала его «симпатичным мальчиком» и сказала, чтобы я его не подкалывал умными вопросами. Так и говорит: «Не мешай ему, он такой милый мальчик,

симпатичный, жалко его в ваш класс отправлять!»

Рядом с их партой остановились еще две девочки, с интересом прислушивавшиеся к разговору. Соседка Паши поманила их еще ближе к себе и принялась заговорщицким шепотом пересказывать новость:

— Девки, Пашка говорит, на последний урок придет практикант-француз! Молодой, красивый и богатый!

Пожарский с трудом удержался, чтобы не засмеяться — о том, что выдуманный им иностранец богатый, он вообще-то не говорил. Но теперь созданный им образ практиканта уже начал жить самостоятельной жизнью.

— Откуда ты знаешь? Это точно? — заинтересовались девочки.

— Не совсем точно — мама сказала: скорее всего сегодня на последний урок, — ответил Павел. — У студентов иногда бывают внезапно какие-то дополнительные занятия.

— Что делать будем? — спросила его соседка своих подруг, и те растерянно переглянулись. В класс, тем временем, заходили остальные семиклассники, в том числе и девчонки. Соседка Паши заспешила к ним навстречу, и вскоре почти все девочки уже шушукались в углу, пытаясь сделать нелегкий выбор — сбежать с урока в ночной клуб, открывший днем двери для несовершеннолетних, или остаться в школе, чтобы познакомиться с молодым иностранцем, который когда-нибудь закончит учебу в России и вернется домой, в Европу, туда, куда мечтают уехать «все уважающие себя люди».

Их «военный совет» прервали звонок на урок и вошедшая в класс математичка. Девочки разбежались по своим местам, и в течение следующих сорока пяти минут яростно переписывались с помощью сообщений в чатах, СМС-ок и записок, содержание которых Пожарский мог бы «предсказать» с точностью до буквы. Его соседка ерзала на месте, вертелась, подавая своим подругам какие-то знаки, и не успокоилась даже после нескольких замечаний от учительницы. Паша приглядывал за ней краем глаза, но даже не пытался прочитать ее записки — он и так прекрасно знал, о чем в них сейчас идет горячий спор.

На следующей перемене седьмые классы обедали, но из девочек, учившихся в седьмом «А», большинство снова провели почти все время перед зеркалом в холле, и лишь немногие успели еще и забежать в столовую. Четвертый и пятый уроки прошли в бурной переписке, тщательно скрываемой от учителей и оттого еще более напряженной. Пару раз сообщения получил и Паша — кое-кто из девочек решил еще раз спросить у него, точно ли на шестой урок должен прийти француз, и Пожарский оба раза повторил, что «это не совсем точно, но скорее всего».

На последней перемене одноклассницы Пожарского в полном составе ушли в туалет — к ним присоединились даже те две девочки, с которыми никто не дружил и которые не прихорашивались на других переменах и явно не собирались идти в клуб. Судя по всему, в туалете спор о том, идти или не идти на урок, дошел до самой горячей стадии, потому что после звонка девчонки выбежали оттуда рассерженные и раскрасневшиеся. Паша, стоявший неподалеку у стены и делавший вид, что тоже переписывается с кем-то в телефоне, проследил, как его одноклассницы, поправляя свои навороченные прически, спешат в кабинет русского языка — туда направились все, кроме его соседки по парте. Ее Паша так и не дождался — в класс явилась учительница, и ему тоже пришлось войти туда. Впрочем, догадаться, что соседка затаилась в туалете, чтобы после звонка, когда в коридорах никого не будет, уйти из школы, было нетрудно. Некоторое время он еще ждал, что она все-таки передумает и прибежит на урок, но после того, как учительница отметила отсутствующих и

велела всем достать чистые тетрадные листы для проверочной работы, а соседка так и не появилась, ему окончательно стало ясно, что она выбрала поход в клуб.

Остальные же девочки вскоре пожалели, что не последовали ее примеру, но сбежать с урока было уже поздно. Русичка написала на доске задания, ни слова не сказав о практиканте, и на телефон Пожарского тут же посыпались новые сообщения. Тот, прочитав их и найдя глазами их возмущенных авторов, лишь развел руками, изобразив на лице удивление.

Потом он перестал переглядываться с обиженными одноклассницами и сосредоточился на заданиях. Было ясно, что девочкам, думающим только о несостоявшемся побеге в клуб, будет не до мягких знаков после шипящих, так что они вряд ли получат за эту работу хорошие оценки. Значит, у новой учительницы все равно будут неприятности, пусть и не такие серьезные, как если бы с ее урока сбежал почти весь класс, и стоило попытаться свести их к минимуму — хотя бы самому написать проверочную на «отлично».

После урока Павла ждало суровое испытание — ему пришлось отбиваться от разгневанных девчонок и раз за разом повторять, что «он вообще-то не обещал, что иностранец точно придет» и что «откуда ему знать, может, мама что-то перепутала». Мальчишки, глядя на эту сцену посмеивались, но не слишком громко — помнили, что в ближайшее время им наверняка понадобится помощь Пашки с уроками.

Девочки последовали за Пожарским в гардероб, а оттуда — на улицу, продолжая ругаться и обещать, что больше они «никогда-никогда ни одному его слову не поверят». В какой-то момент Паше показалось, что они будут сопровождать его до самого дома, и потом все соседские пацаны затроллят его тем, что он пришел «с почетным эскортом из красавиц». Но в конце концов, видя, что он не огрызается в ответ на их ругань и вообще пропускает все их обидные словечки мимо ушей, девчонки немного успокоились и переключились друг на друга.

— Я говорила — надо со Светкой в клуб идти! А ты заладила — «Нельзя такой шанс упускать, нельзя такой шанс упускать»! — крикнула одна из семиклассниц, тыкая пальцем в свою подружку.

— Ты же сама потом сказала, что одного француза на всех не хватит! — возмутилась та, и все остальные девчонки тоже загалдели, перебивая друг друга и высказывая свои мнения о том, кто из них виноват в случившемся.

Паша не стал дожидаться конца этой перебранки и зашагал дальше. Вскоре звонкие голоса его одноклассниц стихли далеко позади, и подросток вдруг почувствовал, что вовсе не рад удачно проведенной «операции по спасению русички». Наоборот, ему было как-то тоскливо. И не потому, что девчонки обиделись на него и теперь несколько дней будут болтать о нем всякие гадости — он с самого начала понимал, что так будет и что чуть позже они забудут о вымышленном иностранце и снова начнут просить у него списать или объяснить им что-то сложное.

Нет, противно ему было от чего-то другого. И он знал, что уже не первый раз испытывает это чувство. Иногда оно накатывало на него после школы, иногда — после общения с родителями или после визитов к дядям и тетям, а бывало и после поездки в метро или маршрутке среди ругающихся и толкающихся пассажиров... Пожарский не отказался бы поговорить об этом с кем-нибудь, попробовать объяснить, что ему не нравится в людях — но с кем он мог бы это обсудить? Не с самими же этими людьми!

Паша в сердцах пнул попавшуюся ему на пути банку из-под пива и прибавил шаг.

Обычно он не сразу шел после уроков домой, а подолгу бродил по улицам — дома его ждало давно надоевшее мамино ворчание и упреки в том, что он опять забыл что-то убрать за собой. Но сейчас гулять не хотелось, сейчас почему-то было особенно паршиво...

Пожарский почти бегом преодолел ведущую к дому дорожку, и уже открывая дверь своего подъезда, снова увидел того парня. В последние дни летних каникул Павел постоянно встречал его в самых разных местах — то у школы, то там, куда его заносило во время прогулок. Каждый раз этот невысокий, худой и аккуратно причесанный подросток лет четырнадцати как будто бы случайно попадался ему на глаза, и Паша успевал заметить, что он наблюдает за ним. Но стоило Пожарскому самому посмотреть в его сторону, и он уходил, сворачивал за угол или скрывался среди кустов.

«Может, ему тоже не с кем дружить, потому что все вокруг... такие идиоты?» — пришло вдруг Пожарскому в голову. Мысль была для него слишком сентиментальна, но он, к собственному удивлению, уже собрался было подойти к этому мальчишке и прямо спросить у него, что ему надо. Но тут дверь его подъезда открылась, из дома вышел сосед, и Паша на секунду отвлекся от незнакомца, чтобы поздороваться — а когда он снова посмотрел в ту сторону, где стоял странный подросток, там уже никого не было.

Впервые этот дурацкий приступ тоски накатил на Павла года два назад, а в последнее время это повторялось все чаще. Ничего не радовало, не хотелось играть во дворе с пацанами, смотреть любимый канал Discovery, рубиться в Crusader Kings II, перебирать свою небольшую коллекцию ножей. Даже читать неудобные бумажные книги не хотелось, хотя уж это занятие ему не приедалось никогда. Он думал, что заболел, но потом понял, что дело не в его организме, а в душе.

Тогда Павел переставал общаться с родителями и больше не встречал во всевозможные школьные движухи, которые в нормальном состоянии мог и сам замутить. Просто уходил из школы или из дома и бродил по городу — медленно шел вдоль речек и каналов, подолгу сидел в скверах, пробирался запутанными маршрутами проходных дворов, забирался через открытые парадные на крыши и сидел там, глядя вниз. Довольно часто в этих походах происходили приключения, порой такого свойства, что, узнай о них мама, она слегла бы с сердцем. Но все кончалось, как правило, благополучно, через пару дней тоска отходила, и он становился самим собой — умным, ироничным, общительным, хоть и слегка суховатым Пашкой Пожаром.

Сегодня на него снова накатило прямо на уроке истории. Учительница, рассказывая о временах Ивана Грозного, упомянула вдруг убийство Павла I — в том смысле, что в XVI веке гражданское общество в России не достигло еще того уровня, чтобы возникла сама идея убийства царственного тирана. Пожарский знал, что Павел никаким тираном не был, и вообще эту тему не любил. Он прочитал книгу историка Натана Эйдельмана о Павле года полтора назад, и от нее на него повеяло чем-то жутким. Теперь под рассказ учительницы он видел мрачные темные коридоры замка, ломящихся в двери убийц, прячущегося за кроватью обреченного царя...

В общем, он сбежал после истории, отряса с ног прах урока геометрии, которую недолюбливал, и сейчас нелегкая занесла его на Сенную. Впрочем, бывать здесь ему в таком состоянии даже нравилось. Ему доставляло невеселое и странное для его возраста удовольствие выхватывать взглядом из суетящейся толпы какого-нибудь человека и размышлять, кто он и что здесь делает. Вон тот чернявый, надо думать, мелкий драгдилер, высматривающий клиентов. А вон тот — карманник, работает в метро, но сейчас у него перерыв на шаверму и кофе. Но все равно он профессионально-хищным взглядом оценивает поднимающихся в толпе по лестнице вестибюля метро людей. А этот — полицейский опер под прикрытием, пасет, скорее, дилера, чем щипача — по тому работают коллеги из подземки. Но дилер тоже не идиот и прямо на площади палиться не станет. Мимо него неверной походкой тащится неряшливо одетый юнец, они как будто незнакомы, но еле заметно переглядываются. Дилер лениво идет во дворы, потрепанный юнец — за ним, чуть позже за ними следует и опер.

Девушка не дождалась парня, раздражена и подавлена, в гневе уходит, цокая каблучками... Бабка уже третий раз раскладывает на ящике на продажу свою зелень с морковкой. Сейчас к ней в третий раз подойдет мент и прогонит. Но потом она вернется — и так до бесконечности.

Бомж нашел солидный окуроч дорогой сигареты и важно дымит на углу вестибюля, взирая на толпу с превосходством человека, жизнь которого удалась.

Город живет...

— Ты что, следишь за мной? — спросил, не поворачивая головы, Пашка только что усевшегося на скамейку рядом с ним парня. Того самого.

Пожарский уже несколько минут как вычислил этого незнакомца, стоящего у ларька «Роспечати» и незаметно рассматривающего его.

— Не то чтобы, — спокойно ответил парень. — Присматривался.

— Ты что, этот..? — довольно враждебно буркнул Павел.

Мальчик протестующе взмахнул рукой.

— Да нет, что ты, я не «бугор». Просто, вполне возможно, у меня к тебе дело.

Паша был достаточно начитан, чтобы знать, что «бугор» — жаргонное словечко, обозначающее гомосексуалиста. Очень давнее словечко. Дореволюционное.

Странно, однако, было не это — просто незнакомец для пущей важности вставил в свою речь старинное словцо. Но удивительно, как он его произнес: с невыразимым налетом брезгливого недоумения, промелькнувшем на его тонком лице. Словно увидел что-то вопиюще неправильное и убрал это с глаз долой.

Павел внимательнее взглянул на собеседника. Он, конечно, плохо разбирался в мужской внешности, и не понял, что мальчик попросту красив. Вместо этого в голове Пожарского всплыло что-то вроде: «Зачетный чел».

Лицо мальчика было чистым, открытым и каким-то мягким, но вовсе не слабавольным. Казалось, он вот-вот улыбнется, и улыбка действительно часто мелькала на его лице, открывая белоснежные зубы с заметной щелью между двух передних, а на покрытых легким пушком щеках играли ямочки. Это было как-то очень... симпатично. Паренек был худым, но не производил впечатление болезненности. И судя по всему, очень аккуратным: светлые свитшот и джинсы в обтяжку как будто только что висели в магазине — хотя и совсем новыми не казались. А белые кроссовки словно бы чудесным образом избежали тесного контакта с питерской грязью.

— Так какое у тебя ко мне дело? — уже гораздо мягче спросил Павел.

Подросток его заинтересовал, хотя обычно он не так легко шел на контакт с незнакомыми.

— Возможно, будет, — благожелательно, как и раньше, проговорил парень. — Я еще не определился. — И прежде, чем Паша успел что-то сказать, представился:

— Алексей.

— Павел, — Пожарский протянул руку.

Новый знакомый долю секунды словно не понимал, что от него требуется, но потом всё же пожал Пашину руку. Его ладонь была сухой и горячей, а рукопожатие неожиданно сильным.

Затем новый Пашин знакомый откинулся на спинку скамейки и с любопытством огляделся.

— Грешная площадь, — с легким неодобрением произнес он.

«Фанат Макса Фрая», — подумал Павел, отметив характерное для героев этого писателя слово, но тут же понял, что ошибся.

— Когда тут стоял храм, она была не такой грешной. Хотя тоже... — задумчиво продолжил Алексей, будто говорил это не собеседнику, а кому-то другому.

— Ты-то откуда знаешь, какой она тогда была? — с удивлением спросил Паша.

Разговор мало походил на общение двух пацанов.

— Он стоял вот здесь, — вместо ответа сказал Алексей, указывая на вестибюль.

— Ну да, а потом его взорвали и поставили метро, — кивнул Павел.

— Ну и зря, — его собеседник с неподдельным разочарованием отвернулся. —

Батюшка... — начал он, но замолчал.

Паша смотрел на него выжидательно.

— Мой отец имел отношение к строительству метро, — наконец, продолжил Алексей. — Но он не хотел взрывать церкви ради станций.

— Ну, кто бы его спросил, если бы наверху решили, — пожал плечами Пожар, подумав, что новый знакомый, скорее всего, из мажоров — сынок какого-нибудь большого чиновника или другого начальника. В общем-то, ему было все равно — он способен был общаться и с «золотыми мальчиками», и с детьми пролетариев. Критерием была лишь степень интереса, который вызывал в нем собеседник. К сожалению, тех, кто вызывал его достаточно, чтобы Паша захотел общаться дальше, было исчезающе мало.

Но этот парень... Интерес Павла к нему был велик.

— Слушай, Леш, пойдём куда-нибудь, прогуляемся что ли, — неожиданно для себя предложил он.

— Пойдем, — легко согласился Алексей и гибким движением поднялся со скамейки.

Они дворами направились в сторону Исаакиевской площади. Павел шел вперед, его спутник — чуть поодаль, с любопытством рассматривая все кругом.

— Ты что, этого пути не знаешь? — не выдержал наконец Пожарский.

Леша кивнул.

— Я никогда тут не ходил, — признался он. — Я вообще Петербург знаю плохо.

— Ты не местный что ли? — продолжал допытываться Пашка.

— Нет, родился я здесь... — помотал головой Алексей. — Вернее, в Петергофе, а жили мы в Царском селе. Но в Питере с родителями бывал часто.

— А потом?

Алексей еле заметно пожал плечами.

— Потом пришлось уехать.

«В Москву, наверное, папа перебрался, на повышение», — подумал Паша.

— А в детстве ты разве по городу не гулял? — спросил он.

— Мне не позволяли, — ответил Леша. — Всегда возили. Я... хворал, родители беспокоились очень.

— А сейчас?

— А сейчас у меня все хорошо, — широко улыбнулся Алексей.

— И когда же ты в Питер вернулся? — продолжал допрос Павел.

Новый знакомый интересовал его все больше.

— А я только что... сию минуту приехал, — как-то рассеянно ответил Леша, но когда Пожарский посмотрел на него с удивлением, весело рассмеялся.

«Станный... Но интересный», — в который раз промелькнуло в голове у Павла.

За разговорами они не заметили, как выбрались на Мойку.

— Там башенка была, и вообще оно совсем другим стало, — произнес Алексей, глядя на тяжеловесное здание ДК работников связи на противоположном берегу.

— Такое и было, сколько себя помню, — ответил Павел, мельком глянув на спутника.

Тот промолчал.

— А давай на колоннаду залезем, — предложил Пашка, указав на золотящийся в небесах

купол Исаакия.

— Конечно! — с энтузиазмом отозвался Леша.

По набережной они вышли на площадь. Собор открылся перед ними во всей своей грандиозной красоте. К удивлению Павла, Алексей остановился и истово перекрестился на купол.

— Ты верующий что ли?.. — не очень тактично вырвалось у Паши.

Но Алексей, похоже, не обиделся.

— Да, — просто ответил он.

Павел мысленно пожал плечами: ему было все равно. В его классе училась пара детей из мусульманских семей, одна девочка — из хасидской и несколько, чьи родители были православными. Самому же Паше религиозные вопросы не то чтобы были неинтересны — он просто еще не решил для себя, как относится к идее Бога. В его характере было заложено стремление сначала разобраться в теме досконально, прежде чем выносить какие-то суждения.

Сегодня на колоннаду пускали, и даже туристов было немного, очередь отстояли совсем небольшую. Потом долго поднимались по кажущейся бесконечной винтовой лестнице. Пашка, вообще-то, по физкультуре был не последним в классе, но к концу подъема стал слегка задыхаться. А вот Леша двигался вверх легко — словно взлетал.

«По ходу, спортсмен», — подумал Пожар.

Как всегда, когда он оказывался здесь, Павел с радостным изумлением стал рассматривать раскинувшийся ниже его родной город. Они медленно двигались по площадке, следя за разворачивающейся перед ними панорамой бывшей имперской столицы. Из-за спин охраняющих храм фигур апостолов и архангелов, в обрамлении серо-стальных плоскостей крыш и новомодных стеклянных световых фонарей, возникали памятник Николаю I, Мариинский дворец, Манеж, Сенатская площадь с Медным всадником, блестяла лента Невы, золотилось Адмиралтейство. Дальше — Дворцовая площадь с Александровской колонной, Зимний...

Павел перевел взгляд на лицо нового приятеля и поразился его выражению. Оно тоже было радостным, но вместе с тем каким-то сурово-торжественным. И слегка печальным. Странно было видеть такое лицо у улыбчивого и открытого Леша.

Но тут он повернулся к Паше со своей прежней доброжелательной улыбкой.

— А на самый верх полезем? — спросил он, кивая на закрытую решеткой железную винтовую лесенку, ведущую на балюстраду.

— Кто же нас туда пустит? — хмыкнул Паша.

— А я там был... — ответил Алексей, но продолжать не стал.

«Опять через папу, наверняка», — подумал Павел, зная, что на Ангельскую балюстраду обычных посетителей никогда не пускают.

...Внизу они купили по мороженому в полуподвальном магазинчике на Почтамтской и неторопливо пошли вдоль Мойки в сторону Пашиного дома на Английском проспекте. Говорили о всякой всячине, но Леша так и не сказал, какое-то «дело» у него к Паше. А тот не спрашивал — был безумно рад, что этот странный парень появился в его жизни, и боялся, что, если он, Павел, не подойдет для того «дела», Алексей снова растворится в белом шуме города, из которого он, казалось, материализовался.

Напротив арки Новой Голландии мальчишки остановились и, облокотившись на парапет, продолжали беседу. Разговор шел о политике — тема, на которую Павел говорить не

слишком любил, но на которую много размышлял. В последнее время он склонялся к анархизму.

— Тут уже ничего не исправишь, — горячился он. — Воруют, лгут народу, выборы — сплошной фейк, депутаты думают только о своем кармане, причем все — и которые за власть, и которые против. Президент несменяемый, считай царь.

— Паша, подожди, не лезь в бутылку, — Леша почему-то кивнул на Новую Голландию. — Ты-то что предлагаешь? Революцию что ли?

— Да толку с этой революции, — досадливо махнул рукой Павел. — Раз уже устроили, ничего хорошего не вышло.

Алексей задумчиво кивнул.

— Если революцию возглавят те, кто сейчас больше всего о ней кричит, и потом придут через это к власти, будет еще хуже, — горько продолжил Пожарский. — Нет, вот если бы революция смела всех этих кровососов и уродов, а новых уродов народ бы до власти не допустил...

— И как ты себе это представляешь? — иронично спросил Алексей.

— Да никак, — Пашка снова с досадой рубанул рукой воздух. — Не получится это никогда. Так и продолжим в этом дерьме вариться.

— Ты и прав, и неправ, — рассудительно заговорил Леша. — Проблема в том, что во власть все время рвутся люди, ничего в этом не понимающие. Для них власть — возможность потешить себя и хорошо жить. Это само по себе не так уж и плохо — люди всегда хотят для себя жизни получше. Но вот управлять они совсем не умеют. А знаешь почему?

— И почему?

— Да их просто никто не учил. Вот смотри: пришел во власть депутат, ничего там не знает и не умеет. Посидел года четыре, чему-то научился, но больше тому, как извлекать выгоду для себя. Приходят выборы, если он их проиграет, придет другой такой же — неученый, но голодный до власти и денег. Если выиграет — останется еще на один срок, еще чему-то научится, украдет побольше... Но все равно работать будет не очень хорошо, даже хуже — его же переизбрали, что уж теперь... А в государстве таких сотни тысяч, и все за что-то отвечают. В результате Паша говорит: «Везде плохо, ничего не исправишь». Это и называется «демократия»...

Пожарский с удивлением посмотрел на собеседника: не ожидал таких «взрослых» рассуждений от ровесника.

— И что, так все и оставить? — однако спросил он с вызовом.

— Почему же, — пожал плечами Алексей. — Вот ты говоришь: «Президент — царь». Но он же не царь в том смысле, что получил это место по наследству. Иначе его бы с детства учили, что на этом посту можно делать, а чего нельзя. И это, знаешь, не школа, а университет, потому что так передается опыт всех царей, которые до него правили.

— Царя у нас давно свергли, — заметил Паша.

— Да, — коротко ответил Алексей.

Стремительно опустились ранние осенние петербургские сумерки. Стало очень тихо, даже вечный рокот города, к которому его жители так привыкли, что почти не замечали, стал как-то ровнее и приглушеннее. Лишь в речке мерно плескалась вода. Стало прохладно, запахло сыростью.

— Революция — это не всегда плохо, — нарушил молчание Леша.

Говорил он тихо и мерно, словно в темной тихой комнате тикали старинные часы.

— Помнишь про Смуту в семнадцатом веке? — продолжал он. — Она же случилась и от того тоже, что люди пытались сохранить старую династию. А потом, как ты говоришь, все стало еще хуже, страна чуть не погибла. Но потом народ во главе с твоим... однофамильцем поднялся — и спас страну. И новую династию поставил. Это же тоже была революция, только такая, которая что-то строит, а не разрушает. Ведь правда?

Павел пожал плечами — он не знал, как к этому относится. Но то, что говорил ему новый знакомый, было каким-то... значительным что ли. И очень ему нравилось.

Леша, похоже, намеревался сопроводить Павла до дома. Чтобы кратким путем попасть на Английский, надо было пройти через сквер и потом по двору под аркой. Но когда мальчики вошли в сквер, Паша тут же пожалел, что они не пошли кружным путем по набережной.

В сквере сидела компания, от которой распространялась аура опасности — настолько сильная, что в обычно людном месте все остальные скамейки теперь стояли пустыми.

«Зомбик, — с тревогой узнал одного из этих парней Паша. — Вот ведь нарвались...»

Сергея по прозвищу Зомбик учился в параллельном классе. То есть, «учился» — это было немного не то слово. Просто пятнадцатилетнего второгодника определили в седьмой класс, чтобы дождаться, пока ему стукнет шестнадцать и благополучно спровадить в колонию. Причем это желание органов опеки и полиции вполне совпадало с желаниями самого Зомбика, с детства варившегося в атмосфере блатной «романтики» и всей душой стремившегося на «малолетку». Он полагал, что сразу же войдет там в авторитет. Поскольку у юного урки была жива бабушка, которую он, впрочем, не видел месяцами, сдать его в детдом было невозможно по бюрократическим причинам. Потому он и пребывал в статусе обычного школьника.

Таковым, однако, Сергей не был — в школе он появлялся лишь затем, чтобы стрясти денег с учеников и устроить очередную бузу. Учителя не знали, что с ним делать, и относились к нему с опаской — бил он легко и с удовольствием, и не только детей. В принципе, он мог делать все, что угодно, ну, разве что, не мог убивать. За остальное же ему ничего нового не грозило — через год его в любом случае ждала колония, а других способов воздействия на него у властей просто не было.

В последнее время, впрочем, в школе он появлялся редко. Говорили, связался с какими-то гопниками с Лиговки — постарше него — и постоянно тусит с ними. В школе этому были только рады — само его присутствие создавало напряженную атмосферу. Но он никогда не ограничивался одним присутствием...

Паша, как и все прочие ученики, старался с ним не сталкиваться. Однако для определенного контингента школьников Зомбик был героем и объектом для подражания.

Но теперь Павел столкнулся с ним нос к носу. Да еще, судя по всему, с ним были его лиговские друзья — мрачные почти взрослые парни, трое или четверо. Они сотрясали вечерний воздух уныло составленными матерными фразами и громко гоготали. Паша хотел было завернуть Алексея и идти другой дорогой, но понял, что поздно: Зомбик его уже заметил и осклабился щербатой улыбкой.

Не сказать, что малолетний преступник так уж сильно терроризировал Павла — настоящих стычек у них до сих пор не было. Пожарскому даже иной раз казалось, что Сергей проявляет к нему то же невольное уважение, которое испытывали по отношению к нему многие одноклассники. Впрочем, пряталось это уважение у Зомбика глубоко. А сейчас,

похоже, и вообще улетучилось — еще издали Павел увидел, что тот настроен агрессивно.

— Эй, Пожар, — хрипло крикнул он, — пошел сюда!

— Пойдем дальше, Леша, — бросил Павел своему спутнику и порадовался, что его голос не дрожит. — Нам некогда, Сергей, — ответил он Зомбику.

Однако тот отпускать их не собирался — вскочил со скамейки и преградил путь. Поднялись и другие парни, обманчиво лениво сгрудившись за его спиной.

Паша шагнул к ним, нащупав в кармане куртки перцовый баллончик, хотя и понимал, что он в этой ситуации бесполезен — вдвоем от коды здоровых взрослых парней им не отбиться. Но делать было нечего.

«Как же не везет... — горько подумал Павел. — В такой вечер...»

— Пожар, садись к нам, — позвал Зомбик. — Мы тут соль дуем. И кореш твой пусть садится.

Его зрачки были безумно расширены — он действительно «находился под воздействием». Как и все они. Еще хуже.

— Да нет, Сергей, я же сказал, нам некогда, — собственно, это было все, что Паша мог сейчас сказать. Было ясно, что, подсядут они к гопной компании или нет, дело все равно закончился грабежом и побоями. И различными унижениями.

— Некогда?! — сразу же разъярился Зомбик. Он, казалось, только и ждал повода начать блатную истерику, искусство которой уже неплохо перенял от старших товарищей.

— Их как людей зовут, а они ломаются? Падлы!

Он резко вытащил руку из кармана. Щелкнула пружина «выкидухи», в свете фонаря синим выблестнуло лезвие стилета.

Гопники за его спиной придвинулись ближе, полукругом охватывая двух мальчиков.

— Щас тебя на перо надену, чмо, — прохрипел Зомбик.

Но тут же замер.

Его руку со стилетом перехватила другая рука — Алексея.

Он словно и не прилагал никаких усилий, но Зомбик не мог вырваться, хоть и старался. Потрепыхавшись немного, он оставил попытки, изумленно уставившись на Лешу.

— Я заберу это, — с легкой извинительной интонацией сказал Алексей, осторожно извлекая из руки Зомбика стилет.

К изумлению Паши, тот позволил это сделать, по-прежнему тупо пялясь на Лешу.

— Господа, пропустите нас, пожалуйста, — вежливо попросил тот гопников, до которых дошло, что в их игре что-то идет не так, и пытавшихся сообразить, как на это реагировать.

К еще более великому Пашиному удивлению, коды, слегка помедлив, дрогнула и расступилась.

— Пойдем, Павел, — позвал Алексей. — Доброго вам вечера, господа.

Паша без лишних слов последовал за Алексеем, все еще держащим в руке трофейную «выкидуху».

— Подожди-ка немного, — попросил Леша, когда они вошли в арку.

Подойдя к стене, он вставил лезвие в щель между кирпичами и резко надавил на него. К великому изумлению Пожарского, сталь с громким щелчком сломалась. Хотя удивление невероятной силой нового друга у него тут же сменилось сожалением начинающего «ножевого маньяка» об испорченном оружии.

— Зачем?! — вскрикнул Паша. — Это же «Ти-лайт», шестерка, он тысяч пять стоит!..

— Злой клинок. Не люблю такие, — пояснил Алексей и выбросил обломки в мусорный бак.

— Ну ты даешь! — выдохнул Пожар.

Других слов у него не было.

— Пустяки, — улыбнулся Леша. — Такие люди легко поддаются внушению. Просто надо знать, как это делать.

Но Павел понимал, что, учись он хоть всю жизнь, сам он так никогда бы не смог. То есть, он видел чудо. Первый раз в жизни.

— Да нет тут никакого чуда, — рассмеялся Алексей, словно читая его мысли. — Поверь, ты тоже научишься. Со взрослыми, правда, это гораздо труднее. Но это же дети...

— Мы, вообще-то, и сами дети, — возразил Паша.

— Да, конечно, — ответил его спутник.

— Слушай, ты что, в клинах шарить? — задал вертевшийся у него на языке вопрос Павел, которому до этого не приходило в голову, что новый друг может разделять его увлечение.

— Немного, — коротко ответил тот, и до самой арки в Пашин двор мальчишки увлеченно говорили о холодном оружии.

Вернее, говорил в основном Леша, а Паша, открыв рот, внимал этому потоку совершенно потрясающей информации. Сам он мог поведать, разве что, о двух своих «Опинелях», норвежской и американской финках, недорогом балисонге и фолдере «Ганзо», подаренным ему мамой на прошлый день рождения — недавно она наконец пересилила в себе неприятие «опасных» игрушек сына.

Что касается Алексея, то, судя по объему его знаний в этой области, он в свое время передержал в руках чуть ли не все клинки мира.

Они проговорили еще четверть часа, стоя у арки, пока Леша не сказал:

— Ну, мне пора.

— А тебе далеко до дома? — спросил Павел.

— Нет, совсем близко, — ответил Алексей. — До встречи!

— А когда мы встретимся?

— Я тебя сам найду. Скоро. Пока.

Паша смотрел в спину уходящему Алексею, пока тот не свернул за угол. На мгновение у него возник порыв посмотреть, куда новый знакомый пойдет. Но он не сделал этого — вдруг появилось удивительное чувство, что, пробежав до угла, он не увидит никого...

Вздыхнув, Паша вошел в арку. Он пока не разобрался в переполнявших его ощущениях, но одно понимал прекрасно: его утренняя тоска рассосалась бесследно.

И лишь растянувшись дома на тахте, он понял, что его беспокоило все это время: «Твой однофамилец».

Князь Дмитрий Пожарский.

Паша ни разу не назвал Леше свою фамилию, но тот откуда-то ее знал.

Паша Пожарский лежал в кровати, уставившись в потолок, и пытался «переварить» только что приснившийся ему сон. Раньше он не имел такой привычки, но в последнее время ему все чаще снилось что-то очень яркое и реалистичное, какие-то события, в которых он не участвовал сам, а будто смотрел на них со стороны, оставаясь невидимым для остальных действующих лиц. Поначалу такие сны не запоминались — лишь в самые первые секунды, когда Павел, выключив пищащий будильник в сотовом телефоне, пытался прийти в себя, он еще помнил отдельные картинки из своего сновидения, но потом они развеивались, словно дым. Теперь же, в выходной день, когда ему не пришлось резко вскакивать по будильнику, сон не забылся. Пожарский попытался удержать его в памяти, и вскоре воспоминания об увиденном даже как будто бы стали еще ярче, чем в первый момент.

Он был в какой-то большой, просторной комнате... да пожалуй, что в целом зале, хотя обставлен этот зал был, как жилая комната, спальня. Паша находился в одном из ее углов и рассматривал оттуда полки с игрушками, пушистый ковер на полу и кровать, на которой спал закутанный в одеяло светловолосый мальчик лет пяти-шести. Кровать казалась слишком большой для него, он почти утонул в одеяле, огромной подушке и мягкой перине.

Поначалу в спальне стоял полумрак, но небо за окнами быстро светлело, и вскоре ковер и одеяло осветили лучи восходящего солнца. А потом бесшумно открылась дверь, и в комнату вошла молодая женщина в старинном на вид длинном светлом платье. Она наклонилась к спящему ребенку и стала что-то тихо говорить ему, он зашевелился, открыл глаза и что-то ответил, а потом отвернулся и натянул одеяло себе на голову — кажется, женщина будила его, а он хотел еще поспать.

Потом женщина вышла из комнаты, но вскоре вернулась в сопровождении мужчины в белом медицинском халате — вполне современном, не таком, как ее платье. Мальчик высунулся из-под одеяла, увидел, кто пришел, и снова спрятался. Было видно, как он пополз под одеялом в конец кровати, а потом затаился там. Врач же приблизился к его постели, приподнял одеяло и с улыбкой что-то сказал — вновь слишком тихо, Паша не разобрал слов, хотя и находился не так уж далеко от кровати.

Женщина тоже заулыбалась, но потом сказала что-то с укоризненным видом и подняла угол одеяла с другой стороны. Небольшой бугорок одеяла снова задвигался, уползая от нее. Теперь он полз в сторону подушки, но потом отклонился к краю кровати, и лица обоих взрослых мгновенно приняли испуганное выражение. Обежав вокруг кровати, они замерли возле нее, подставив руки, явно готовые в любой момент поймать ребенка, если он свалится с края. Паша удивленно смотрел на их застывшие в напряжении фигуры. И чего они так занервничали? Кровать у этого ребенка, конечно, высокая, но не настолько, чтобы с нее было больно падать. Да и сам он уже не грудной младенец, если и свалится с такой высоты, ничего страшного с ним не должно случиться... Хотя если к нему пришел врач, значит, он чем-то болен. Тогда, может, и не зря за него беспокоятся, мало ли, что с ним...

Ребенок так и не упал. Он снова пополз к подушке и выглянул из-под одеяла. Взрослые облегченно вздохнули и заговорили одновременно — Пожарский по-прежнему не разбирал слов, но слышал их интонацию — укоризненную, но в то же время очень доброжелательную. Мальчик послушно кивнул и сел, облокотившись на высокую подушку, а женщина тут же стала поправлять ее и придвинула к ней еще две подушки поменьше, чтобы ему было

удобнее. После этого врач присел на стул возле кровати и некоторое время о чем-то разговаривал с ребенком, а потом помог ему снять ночную рубашку — она оказалась длинной и украшенной кружевами, как у девчонки — и долго молча его осматривал. Женщина на это время куда-то вышла, а потом вернулась, неся в руках какие-то свертки — приглядевшись, Павел понял, что это одежда мальчика.

Врач направился к двери, но внезапно остановился, а потом отступил назад, пропуская в комнату стайку девочек в белых старинных платьях. Одна из них, на вид самая младшая, лет примерно семи, вырвалась вперед и первой подбежала к кровати мальчика.

— Доброго утра! — донеслось до Паши, и она, наклонившись над подушкой, поцеловала маленького пациента в щеку. Ее примеру последовала еще одна девочка, более высокая и крупная, а потом и две остальные — они выглядели старше нее, почти подростками, но были более худенькими и изящными. Все эти девочки уселись с обеих сторон на кровать и стали о чем-то разговаривать с мальчиком, пока женщина помогала ему одеться. А потом из-за дверей донесся еще чей-то голос, и девочки, спрыгнув с кровати, заспешили в соседнее помещение. Самая младшая бросилась вперед, явно торопясь обогнать остальных, и первой выбежала из комнаты. За ней потянулись и остальные, а мальчик, уже одетый, недовольно заерзал на краю постели.

— Машка! — крикнул он обиженным голосом — на этот раз достаточно громко, чтобы Паша мог хорошо его слышать. — Ну куда же ты? Отнеси меня!

Девочка, показавшаяся Пожарскому самой крупной и сильной, хотя она явно была не самой старшей, оглянулась и в два прыжка снова очутилась возле кровати.

— Садись! — звонко сказала она, поворачиваясь к мальчику спиной, и он, приподнявшись, обхватил ее руками за шею. Девочка чуть поднатужилась и посадила его к себе на спину, после чего быстрым шагом пошла догонять остальных. Ей как будто бы не было тяжело нести на себе пусть и худого, но все-таки уже не совсем крошечного ребенка.

— Машка, догоняй! — послышался из соседней комнаты голос кого-то из старших девочек.

— Иду! — девочка с малышом на спине прибавила шагу, и это вновь как будто бы почти не потребовало от нее особых усилий.

Дверь за ней бесшумно закрылась. Еще несколько мгновений из соседнего помещения доносились детские голоса, какие-то обрывки слов, которые вновь нельзя было разобрать, а потом солнечный свет, заливавший пустую спальню, начал медленно меркнуть, как люстры в театре, и она постепенно погрузилась в полную темноту.

Паша открыл глаза и обнаружил, что лежит в собственной кровати. В комнате, несмотря на задвинутые шторы, было уже довольно светло. Проспал?! Впрочем, подросток тут же вспомнил, что сегодня воскресенье, так что вскакивать и собираться в школу ему не требовалось. Можно было спокойно полежать и попытаться понять, что же такое он видел ночью. Лица детей, которые ему приснились, как будто бы были ему смутно знакомы. Но где он мог их видеть? В школе? Точно нет. Просто на улице? Тогда он вряд ли запомнил бы их... Обычно ему снились или совершенно незнакомые люди, созданные его собственным воображением, или те, кого он хорошо знал — родные, одноклассники, учителя... Это, конечно, не значило, что он не мог увидеть во сне кого-нибудь еще, но почему именно сегодня..?

Хотя самым удивительным было другое. Во всех своих снах Паша всегда играл главную роль — какие бы события ему ни снились, он принимал в них самое деятельное участие. А

на этот раз он просто смотрел на происходящее и даже не пытался ни заговорить с людьми, которых видел, ни выйти из комнаты, ни спрятаться, чтобы его не заметили... Он как будто бы знал, что его и так никто не увидит, что бы он ни делал. Словно ему показали отрывок какого-то очень реалистичного фильма. Может, это и был кусок какого-то телесериала о прошлом, который он краем глаза видел совсем маленьким, прочно забыл, а теперь вот он вдруг возник в его сне? Игры подсознания, бывает...

Да и мало ли что тебе привиделось! Стоит ли придавать снам, пусть даже очень ярким и реалистичным, значение? Тем более, что ничего особенно интересного в этом сне не было. Просто кусочек жизни какой-то большой семьи, встреча маленького мальчика со старшими сестрами...

Да, скорее всего, это были его сестры, очень уж они все были похожи друг на друга, решил Паша и вылез из-под одеяла.

Однако мысли о странном сне не отпускали его и позже, пока он одевался и умывался. Почему-то хотелось узнать, что было с этими девочками и их братом дальше. Или хотя бы просто увидеть их еще раз, посмотреть, как они весело болтают и улыбаются друг другу, как сестры заботятся о больном младшем брате, как одна из них даже таскает его на руках.

Вот оно! Внезапно Пожарский понял, что особенно «зацепило» его в этом сне. Он ни разу не видел, чтобы братья или сестры так хорошо ладили между собой и были так ласковы друг с другом. Он вообще видел не так уж много братьев и сестер. Сам он был единственным ребенком, большинство его одноклассников — тоже. Но у пары девчонок в седьмом «А» были младшие братья, о чем знал весь класс — они при каждом удобном случае жаловались, какие эти братья ужасные и как им надоело за ними присматривать. А еще у одной девочки была старшая сестра, уже совсем взрослая, и она тоже жаловалась, что эта сестра все время занята какими-то своими делами и не уделяет ей внимания. Слушая все эти стенания, Паша иногда радовался, что в его семье больше нет детей, так что и сам он ни на кого не обижен, и его никто не ненавидит просто за то, что он появился на свет. Нет, он, конечно, понимал, что должны в мире существовать и такие семьи, где братья или сестры дружат и ни в чем друг друга не упрекают — но лично ни с одной такой семьей знаком не был.

Кажется, сегодня во сне он вообще впервые увидел любящих друг друга сестер и брата собственными глазами.

Впрочем, Павел довольно быстро перестал думать о ночном видении. Мама дома не было — настала жаркая предвыборная пора, и муниципальные депутаты по выходным дома сидели редко. Отец тоже уехал — сегодня он дежурил в больнице. Так что Паша быстро проглотил оставленный матерью завтрак, не потрудившись разогреть кашу в микроволновке, и, крутя одной рукой балисонг, что наловчился делать уже прилично, второй стал водить по столу мышью, просматривая чаты и группы ВКонтакте в поисках интересного. Такого было мало, так что он выключил комп, влез в джинсы и прочую одежду и покинул квартиру, сбежав по старинной, но жутко загаженной лестнице.

Конечно, он пошел гулять не потому, что в Сети не оказалось ничего стоящего — все равно бы пошел, как делал на прошлой неделе при каждом удобном случае. Потому что только так он мог встретиться с Лешей.

После их знакомства таких встреч было еще две, и оба раза это случалось неожиданно. Алексей никогда не говорил, когда появится — просто возникал, когда Паша гулял в одиночестве. Первое время тот пытался назначить новую встречу, но Леша всегда вежливо уходил от ответа. Лишь один раз сказал:

— Понимаешь, я бы сам хотел чаще с тобой встречаться. Но это зависит не от меня.

— А от кого?

— От тех, кто дает мне на то дозволение, — ответил Алексей в свой обычной олдовой манере.

Прозвучало это настолько строго и веско, что Павел больше не возвращался к этой теме.

Хотя вообще-то, Алексей нечасто бывал таким сановито-важным. Основную часть времени он вел себя и говорил, как обычный мальчишка. Они болтали обо всем, о чем обычно болтают между собой неглупые начитанные подростки — об оружии, книгах, фильмах. Правда, Леша недолюбливал компьютерные игры и плохо в них разбирался. А Пашу потрясала осведомленность друга в истории. Он знал такие вещи, которые вряд ли были известны и выпускникам истфака. Сам немало читавший по истории Павел признавал свое полное невежество, когда Алексей начинал рассказывать о каком-то давнем событии так, словно самолично там присутствовал.

В общем, можно сказать, теперь Павел жил от встречи до встречи с другом, а вся остальная его жизнь порядком поблекла. Родители решили, что парень влюбился и не особенно к нему приставали, и хотя им казалось, что в последнее время он отдаляется от них, полагали это естественным симптомом взросления. А одноклассники держались от него в стороне больше, чем обычно. Причиной этому неожиданно стала та стычка с Зомбиком и компанией. Конечно же, по району среди подростков о ней пошли слухи, и, многократно искаженная история гласила, что Пожар связался с каким-то настолько крутым деятелем АУЕ, что его шугается и лиговская гопота. Забавно, что вскоре в эту байку, похоже, поверил и сам Зомбик, которому надо было как-то самооправдаться за свое поражение, и больше к Павлу не приставал. Побочным же эффектом стало то, что школьники начали смотреть на Пожарского с тайным восхищением, но и с некоторой опаской — мало ли что может прийти в голову ему и его блатному другу. Даже списывать стали просить гораздо меньше.

Павел был этому даже рад — времени на одноклассников не было, его всецело занимала личность Алексея. Он прекрасно понимал, что в этом парне загадка громоздиться на загадке. Сначала он был уверен, что его отец какая-то очень уж важная шишка и именно этим объясняется вся окружающая парня таинственность. Но теперь уже думал, что дело гораздо более сложно.

— Привет, — Леша появился, как всегда, словно ниоткуда.

Очнувшийся от своих мыслей Павел радостно улыбнулся другу и огляделся. Задумавшись, он не видел, куда идет. Оказалось, что забрел к зеленоглавой церкви недалеко от дома. Паше она всегда нравилась, но он ни разу не был внутри и понятия не имел, что это за храм.

— Исидора Юрьевского, — Алексей, как всегда, словно бы читал его мысли. — Этого святого убили за его веру немцы. Давно, в пятнадцатом веке. Отец пожертвовал на этот храм много денег.

«Опять его отец, — мелькнуло в голове Паши. — Да кто же он такой?..»

Но мысль эта тут же погасла и затерялась среди теплого чувства от новой встречи с Алексеем.

А тот вел себя так, словно они расстались час назад, а не на прошлой неделе — тут же продолжил прерванный тогда разговор о рыцарях.

— Да нет, это неправда, что рыцари, когда падали с лошади, не могли сами подняться.

Вот ты подумай — как бы они тогда воевали?.. Конечно, их учили драться и пешими, и без доспехов, и вообще, чем попало. Движения-то одни и те же в основном — хоть ты на кулачки дерешься, хоть серпом отбиваешься, хоть рапирой...

— Хочешь сказать, это не фигня в фильмах, когда они во всем своем железе двойные сальто в воздухе крутят? — скептически хмыкнул Паша.

— Это, конечно... фигня, — Леша чуть запнулся перед жаргонным словом. — Но такая же фигня в том фильме про Ледовое побоище, где они падают с коней и их дубинами добивают, а они пошевелиться не могут. Кстати, великий князь там тоже совсем на себя не похож... Нет, на самом деле рыцарь — что конный, что пеший — это очень опасно.

— Слушай, откуда ты все это знаешь?.. — не выдержал Павел.

— Читал много, — чуть замявшись, ответил Алексей. — Ну и сам иногда фехтую. В детстве я очень хотел заниматься фехтованием, но врачи не позволяли... А теперь здоров, так что...

Леша сделал в воздухе несколько замысловатых выпадов.

— Круто! — выдохнул Паша.

Друг поднялся в его глазах еще на одну ступеньку, хотя, казалось бы, куда уж выше...

— А давай... — начал Алексей, словно ему только что пришла в голову эта мысль, — давай в Эрмитаж сходим. В Рыцарский зал. Был там?

— Конечно, — кивнул Павел.

— А перед рыцарями становился?

— Это как?

— Ну там четыре манекена конных рыцарей в полном доспехе, помнишь?

Паша кивнул.

— Встань прямо перед ними, и представь, что эти четверо — настоящие, и что они — только острие клина. За ним — ряд в пятнадцать таких же. За ним — в тридцать, дальше — в шестьдесят. И так далее... И все эти железные статуи несутся на тебя, уставив пики. Лязг, конское ржание, все орут страшно... А ты стоишь в ряду пеших воинов, и в руках у тебя копье. И вы должны эту лаву сдерживать. Если хорошо себе это представить, очень даже пробирает...

— Мне уже стремно стало, — поежился Паша. — Пошли, конечно, я там давно уже не был.

Продолжая увлеченный разговор, они двигались по направлению к Дворцовой, но чем ближе подходили, тем больше сгущалось в воздухе какое-то напряжение. Часто встречались полицейские, а рядом с Исаакием их уже были целые подразделения, причем не только в обычной форме, но и омоновцев в бронекаках и круглых шлемах, многие с большими щитами. Стояло тут и множество полицейских машин, а также сурового вида фургонов с маленькими окнами.

Площадь была перекрыта для транспорта, а у Мариинского дворца шумело скопище людей и раздавалась усиленные мегафоном голоса. Говорили несколько человек, и обрывки слов сплетались в странные фразы.

— Друзья, Петербург — это великий город, который в последние годы управляется наместниками, присланными из Кремля. Каждый из них неизменно оказывается хуже...

— Уважаемые граждане! Ваше мероприятие не согласовано в законном порядке и нарушает...

— ...не выборы, а насилие. И я считаю своим долгом восстать против...

— ...законодательство о митингах и собраниях. Предупреждаю вас об административной...

— ...без всякой ответственности, не чувствуя Петербурга, не понимая его, не любя его, не уважая его, и попирая...

— ...действия по проведению несогласованного массового мероприятия...

— ...нужен губернатор, который будет служить петербуржцам...

— ...прошу вас разойтись!

— ...а не олигархам и попам!

— ...правонарушения, влекущего за собой...

— ...мою кандидатуру на губернаторских выборах, вызывающую панический страх...

— ...ответственности...

— ...у воровской власти.

«Ах, да, у них же сегодня митинг какой-то...» — вспомнил Павел.

Он мало интересовался городской политикой, но, будучи сыном муниципального депутата, поневоле был в курсе основных событий. С приближением дня губернаторских выборов страсти накалялись. Сегодня сторонники оппозиционного кандидата вывели людей перед городским парламентом — Павел не помнил, по какому поводу, да это было и неважно. Митинг власти, конечно, не согласовали.

Вещающего пытались перебить пара полицейских с мегафонами, предупреждавших о печальных последствиях для участников несанкционированного мероприятия. Тем, однако, это было до лампочки — они увлеченно слушали оратора, периодически сами разражаясь криками. В основном там была зеленая молодежь — разве что чуть постарше двух друзей. Но попадалось и немало немолодых бледных личностей в потертой одежде, с беспокойными взглядами, активничавших едва ли не сильнее своих юных соратников.

— Долой власть мошенников и воров! Долой царя! Да здравствует будущий умный губернатор! — завершил речь вещавший в мегафон с импровизированного возвышения пожилой человек. Он тоже был оснащен неопрятной седой бородой и демократично потертым шмотом. Но чем-то он все же от своих адептов отличался — может быть, поставленной речью и умением вести себя перед публикой.

Мальчики неосторожно приблизились к не очень большой, но разгоряченной толпе, и их в нее затерло. Они попытались выбраться, но тут события понеслись вскачь.

— Долой воров! Долой царя! Долой власть! Слава Зайчику! — словно по команде заорала часть митингующих.

И так же синхронно многие из них развернули спрятанные плакаты с самыми нелестными по отношению к нынешним городским и российским властям лозунгами.

Из толпы кто-то бросил в ОМОН полупустую пластиковую бутылку с водой. Она ударилась об один из полицейских щитов и отлетела.

Полиция этого тоже словно бы ждала. Их мегафоны замолкли, а ОМОН, сдвинув щиты стал смыкаться вокруг митинга. Одновременно группы полицейских врезались в толпу, рассекая ее на несколько частей. Другие стали выборочно выхватывать из толпы людей — самых голосистых и тех, кто держал листы с надписями. Плакаты при этом рвались и кидались на асфальт, а задержанных тащили к фургонам.

— Позор! Позор! Позор! — начала, опять словно бы по команде, скандировать толпа.

Похоже, никто из митингующих не удивился такому развитию событий — более того, оно было ожидаемо. Многочисленные люди с фотоаппаратами, видеокамерами и

телефонами принялись снимать задержания.

Впрочем, кажется, кто-то был все же к этому не готов. Павел краем глаза увидел, как полиция и протестанты, вступившие уже в открытую схватку, затирают визжащую девчонку немного помладше его самого. Она пыталась протиснуться между плотно сомкнутыми телами, но было ясно, что ей это не удастся — вот-вот она упадет, и ее затопчут.

Павел поймал отчаянный девчоночий взгляд и кинулся к ней, краем глаза видя, что Алексей бросился туда же одновременно с ним. Они схватили девочку за руки и с трудом вытянули ее из гущи драки — испуганную, растрепанную, но целую.

Однако тут же почувствовали на своих плечах тяжелые длани — полицейские решили, что этих активных парней тоже следует «свинтить». Двое «космонавтов» опрокинули Пашу лицом в асфальт, а один в это время удерживал порывавшуюся убежать девочку.

— Отпустите моего друга, прошу вас, — раздался негромкий спокойный голос.

Павел с удивлением увидел, что Лешка каким-то непостижимым образом остался на ногах и даже вывернулся из цепких омоновских объятий.

Было в его голосе что-то такое... некая внутренняя сила, как будто перекрывшая гомон мятежной толпы.

И вновь произошло чудо — омоновцы разжали хватку. Павел поднялся с асфальта.

— Старшина, пропустите нас, пожалуйста, — безошибочно выбрав главного среди полицейских, продолжал говорить Алексей — все так же спокойно, словно не было бушующего вокруг хаоса.

Теперь Павел уже не удивился тому, что полицейские по знаку старшины расступились, давая им путь за оцепление.

— Девочка с нами, — Леша не просил, а констатировал факт.

Омоновец отпустил и ее.

И тут Паше все же пришлось удивиться.

— Мы же тут... работаем... — негромко произнес старшина.

Походу, он оправдывался! Перед кем?! Перед мальчишкой, которого только что готов был волочь в автозак?..

— Я знаю, — кивнул Алексей, словно воспринял реакцию полицейского, как должное. — Вы выполняете свой долг. Выполняйте.

Как будто следуя приказу, полицейские тут же вернулись к своим трудам. Трое подростков вышли из зоны военных действий, быстро дошли до сквера за царским памятником и уселись на скамейку.

Девочка, судя по всему, просто не понимала, что происходит. Лицо ее было мокрым от слез.

— Ты как тут очутилась? — спросил Паша, подавая ей бутылочку с минералкой. — С ума сошла в такую кашу лезть? Что тебе вообще здесь нужно было? Новый губер? Так тебе все равно голосовать нельзя еще!

— Я с па-апой пришла, — заговорила наконец девочка, захлебываясь слезами. — Он меня с собо-ой взял...

Лицо Алексея потемнело.

— Твой папа революционер? — спросил он.

— Ага, — уже с явно гордостью ответила девчонка.

— Значит, твой папа привел тебя сюда, а потом тебя стали крутить полицейские и фотографировать журналисты? — строго продолжал Алексей.

— Ну... вроде бы, так, — согласилась девочка несколько растеряно.

— А где твой... папа? — спросил Леша.

— Его еще раньше менты свинтили, — легко пояснила девочка. — Это ничего, отсидит суток десять, штраф заплатит и домой вернется. Зато он герой, против воровской власти борется! Вот.

— А мать у тебя есть?

«Прям как взрослый девчонку допрашивает», — подумал помалкивающий Павел.

Впрочем, осуждения в этой мысли не было.

— Мама ушла... — потупилась девочка, но тут же опять встрепенулась. — Спасибо вам, что вытащили. Но мне бежать надо, смотреть, в какое отделение папу увезут.

Она вспорхнула со скамейки и кинулась к омовскому оцеплению с явным намерением прорваться к автобусам.

— Что-то мне не нравится этот ее папа, — заметил Паша, но вздрогнул, бросив взгляд на гневное лицо Алексея.

— Каналья, — холодно бросил тот. — Канальи.

Павел проследил за его взглядом и увидел, что разглагольствовавший в мегафон оратор спокойно стоит рядом с группой полицейских начальников, наблюдая, как омоновцы волокут демонстрантов в автозаки.

— А этого что же не свинтят? — поразился Паша.

— А его нельзя винтить, — все с тем же холодом медленно ответил Алексей. — Он депутат Государственной Думы. Господин Зайчик. Игорь Савельевич. Кандидат в губернаторы Санкт-Петербурга.

Павел вспомнил эту фамилию — мать несколько раз упоминала «главного питерского оппозиционера» и «героя борьбы с режимом». Правда, особого пиетета к нему не испытывала, мимоходом упомянув слухи о его взяточничестве и прочих неприглядных поступках.

— Хорошо, что мы его встретили, — заметил Леша. — Я тебе потом кое-что про него расскажу. Пошли в Эрмитаж.

И мальчишки продолжили свой путь, благо, дойти оставалось совсем немного.

В отличие от возбужденной Исаакиевской, Дворцовая пребывала в расслабленном спокойствии. Погода для Питера стояла просто чудная, туристический сезон еще продолжался, и по исторической площади сновали группки глазующих на архитектурные красоты приезжих, которых заманивали для совместных фотографий многочисленные ряженые под «петров» и «екатерин».

Когда друзья подошли к дворцу, Леша быстро дотронулся ладонью до его стены — так мимолетно, что Паша едва заметил этот жест.

Музей должен был закрыться часа через полтора, потому очереди в кассу, несмотря на выходной, уже не было. Выписав школьные входные билеты, мальчишки сразу направились к своей цели — Рыцарскому залу.

Эта часть музея всегда захватывала Павла, пробуждая в душе восторг и зависть. А теперь он еще и был накручен рассказами Леша.

Постояв перед рыцарями и представив несущееся на себя средневековое войско, Павел и вправду пробудил в себе ужасные ощущения, какие и были, наверное, у противостоящих стальной волне пехотинцев.

— А что я говорил? — негромко заметил стоящий рядом Алексей.

Паша давно привык, что друг отзывается на его невысказанные мысли и даже чувства.

Мальчишки пошли осматривать остальные витрины — великолепные шпаги, рапиры, даги, алебарды, глефы, фальшионы и бургиньоты, всячески ублажая инстинктивную мужскую тягу к оружию.

Слегка устав и пресытившись впечатлениями, они сели отдохнуть на скамейку.

— Леш, как ты думаешь, это оружие все царям принадлежало? — спросил Паша с легким сожалением, что он не царь и не может позволить себе такую коллекцию.

— Не все, конечно, что-то уже потом добавили... когда царей не стало, — отозвался друг. — А чего-то, что было, уже нет.

Он произнес это слегка напряженно, и Павел вскинул на него взгляд. Лицо Алексея вновь приняло холодное выражение.

— Что случилось? — спросил Паша тревожно.

— Вспомнил кое-что, — хмуро отозвался Алексей.

А потом, помолчав, продолжил:

— Я тебе говорил, что кое-что расскажу... Про этого... Зайчика.

— И что? — нетерпеливо взвился Павел, почувствовав, что дальнейшие слова друга будут очень важными.

— Он... плохой человек, — заговорил Алексей тихо. — Такой же плохой, как и... Ну ладно, это неважно. В общем, раньше он был связан с бандой воров, которые грабили этот музей.

Павел смутно припомнил, что когда-то давно взрослые обсуждали при нем историю о кражах из эрмитажных фондов, но он был тогда мал, и его это не интересовало.

— Он же коллекционер, этот господин Зайчик, — продолжал Алексей. — Собирает холодное оружие. И многое из ворованного попало в его коллекцию.

— Так что же его не арестовали? — недоуменно спросил Паша.

Мутная история была неприятна, но интересна.

— У него были сильные покровители, — ответил Леша. — И до сих пор есть. А потом он стал депутатом, и тронуть его стало вообще очень непросто. Ну и, кроме того, когда банду разоблачили, он от части ворованных вещей избавился, а на некоторые подделал документы. Знаешь, есть такие жулики, которые за деньги могут сделать любой вещи чистую историю, как будто ее и не крали никогда...

«Откуда ты все это знаешь?» — хотел спросить Павел, но уже понимал, что это бесполезно. Вместо этого спросил:

— Он что, какую-то очень ценную вещь украл?

Алексей кивнул.

— Саблю, — чуть запнувшись, ответил он. — Офицерский клыч. Маленький, как будто для... ребенка. На клинке надпись...

Он опять замолчал было, но тут же продолжил:

— Он принадлежал... одному из членов царской семьи. Пока в России был совдеп, эту саблю держали в кладовой, как и все такие вещи. Потом Зайчик ее украл и подделал документы — что это обычная старая сабля, никакой исторической ценности... Она ведь и правда не очень роскошная. Но из-за ее истории за нее на аукционе могут дать очень много денег.

— Так он же подделал документы, — заметил Паша.

— Но настоящие припрятал, — ответил Алексей. — И сейчас хочет вывезти ее с настоящими документами за границу и продать — уже как... царскую. Ему деньги нужны на губернаторскую кампанию — так бы ни за что не продал. Если быстро продать на аукционе, Эрмитаж на нее права предъявить не успеет — сабля уйдет в частую коллекцию, концов не найдешь. И никто не докажет, что это он продал... Понимаешь, продать эту вещь за рубеж, все равно, что... Ну, часть России.

С этим Павел был согласен, но все равно история казалась ему очень странной.

— А если стукнуть? — спросил он. — В полицию. Или на таможню — он же будет ее вывозить...

— А кто стучать будет? Я? Ты? Кто нам поверит?..

Это была правда. «А твой папа?» — опять хотел спросить Павел, потому что был уверен, что друг слышал эту историю именно от своего отца. Но опять не спросил — почему-то ему стало не по себе.

— Ну ладно, — встряхнулся Леша, — что о вещах жалеть... Пойдем, Паша, уже закрывают.

Действительно, смотрительницы выпроваживали припозднившихся посетителей.

Они шли по набережной Невы и молчали. Павлу по-прежнему было не по себе — и от рассказа о сабле, и от впечатлений от митинга, и от чего-то еще.

— Слушай, — спросил он вдруг Алексея, — а у тебя есть братья или сестры?

Его сон вновь предстал перед ним — очень ярко, словно это было воспоминание о реальном событии. Теперь Павел понимал, что ему по ассоциации напомнили залы музея: ту детскую комнату из сна — с множеством в порядке расставленных чудесных игрушек.

— Есть... — перед ответом Леша опять немного помолчал. — Сестры. Я их люблю.

Павел вскинул голову и пристально взгляделся в лицо друга, но ничего не сказал.

Оставшийся путь они прошли молча.

В голове у Павла вертелось множество мыслей, но были они чересчур необычны — настолько, что ему страшно было не только высказать их, но даже и молча на секунду

допустить, что они могут оказаться правдой.

Однако перед самым домом он решился хотя бы намекнуть на них другу — пусть даже тот не поймет намека.

«Конечно, он не поймет — это же невозможно...»

«Да что же я, в самом деле!»

— Ну, пока, — сказал он, глядя Алексею прямо в лицо. — Передавай привет сестрам. Всем четверым...

Лицо Алексея озарилось мягкой улыбкой.

— Спасибо, Павел, — ответил он, слегка склоняя голову. — Покойной тебе ночи.

Дома у Паши уже горел свет, и с кухни доносился звон посуды и вкусные запахи. Родители готовили ужин и, судя по долетевшим до мальчика обрывкам фраз, бурно что-то обсуждали.

— В школе дети должны учиться, а не слушать всяких... политиков! — громко возмущалась мать. — И так времени на уроки почти нет — то экскурсии, то стенгазеты какие-то надо выпускать, то из полиции в школу приходят технике безопасности учить...

— И правильно делают, это все поважнее будет, чем сочинения про «лучи света в темном царстве», — возражал отец. — Техника безопасности им в жизни точно пригодится.

— Это, может, и пригодится, а болтовня кандидатов в депутаты точно ничего полезного им не даст!

— Пап, мам, привет! — заглянул на кухню Паша. — О чем это вы тут..?

— Здравствуй, дорогой. Нагулялся? — мать отложила в сторону помидор, который собиралась нарезать, и попыталась чмокнуть сына в щеку, заставив его привычным движением увернуться. — У меня для тебя новость — в вашу школу на следующей неделе припрется один... В общем, у вас там организуют встречу с одним кандидатом в губернаторы, на которой он будет вещать, какой он замечательный.

Было видно, что Людмила Алексеевна страшно этим недовольна. Павел уже видел ее такой раздраженной: так бывало всякий раз, когда ей что-то не нравилось, но она не могла ничего изменить. Например, они собирались ехать в выходной день за город на шашлыки, но погода внезапно портилась, и весь день шел дождь, так что поездку приходилось откладывать на неделю. Но если повлиять на погоду она при всем желании была не в силах, то в школе во время организации разных мероприятий обычно прислушивались к ее мнению. В чем же теперь было дело, почему она не смогла настоять на своем? Почему какой-то политик оказался для школы важнее, чем один из самых активных членов родительского комитета, и, в конце концов, депутат?

Если мать Паши была рассержена и не скрывала этого, то отца создавшаяся ситуация явно забавляла.

— Смотри, сынок, если эта важная шишка придет в ваш класс, вы его там не обстреливайте бумажками и не подкладываете ему на стул кнопки! — сказал он, шутливо грозя сыну пальцем. — Или как там современные дети над учителями издеваются? В общем, пожалейте этого кандидата, дайте ему уйти из школы живым!

— Тебе все шуточки! — вспыхнула Людмила и метнулась к плите, где на сковородке шипели три куска мяса. — Павел, ты, конечно, веди себя прилично, когда у вас будет встреча с этим человеком, но слушать ту лапшу, которую он будет вам на уши вешать, вовсе не обязательно.

— А раньше ты мне говорила, что в школе всех надо внимательно слушать! — хихикнул мальчик.

— Мало ли, какие я глупости говорю! — фыркнула в ответ его мать. — Иди лучше руки мой!

— А кто это вообще такой? — спросил Паша, войдя в ванную, но оставив дверь открытой.

— Да Игорь Зайчик, «борцун с кровавым режимом»! — проворчала Пожарская переворачивая мясо и поглядывая краем глаза, хорошо ли сын намыливает руки.

Павел замер, держа руки под струей воды, не замечая, что она очень горячая.

— Дети его на смех поднимут, как только услышат эту фамилию! — снова хохотнул Юрий Павлович. Супруга повернулась к нему, и под ее тяжелым взглядом он стал расставлять на столе тарелки.

— Он вам будет морочить головы, говорить, что все остальные кандидаты — продажные, а он один — порядочный, хотя на самом деле все они одинаковы, — сказала она, закрывая крышкой сковородку с мясом.

— Тебе, как депутату, виднее, — снова подал голос глава семейства.

— Можешь делать вид, что его слушаешь, кивать, но особо вникать в эту чушь не стоит, — игнорируя супруга, продолжила Пожарская.

Оба родителя не видели, как напрягся сын. Еще недавно он, скорее всего, сделал бы именно так, как советовала ему мать — просто пропустил бы и фамилию депутата, и информацию о встрече с ним мимо ушей. Но не после того, что он видел сегодня и что рассказал ему Алексей. Впрочем, матери об этом знать, естественно, не следовало.

— А зачем этот Зайчик вообще к нам в школу собирается? — спросил младший Пожарский, напуская на себя равнодушный вид. — Мы же несовершеннолетние, голосовать за него все равно не можем.

— Зато ваши родители могут, — усмехнулся Пожарский-старший. — Он наверняка не только у вас будет выступать, но и по другим школам поедит.

— И скорее всего, он не единственный, кому пришла в голову эта «светлая идея», — добавила его жена, снимая сковородку с огня, — так что вслед за ним в нашу школу наверняка и другие кандидаты попрутся. И будет у наших детей вместо уроков сплошная политинформация, прямо как в старые добрые времена!

— Ну, теперешние дети только рады будут! — глава семейства по-прежнему был в хорошем настроении, сколько бы его жена ни хмурилась.

Паша пожал плечами и, увидев, что мать так и забыла про помидор, который собиралась нарезать, схватил нож и торопливо покромсал его неровными кружками, после чего вывалил их на блюдо с аккуратными ломтиками огурцов и головками редиски. Мама, взглянув на эти кружки, вновь недовольно закатила глаза:

— Ну чего так некрасиво? Я бы лучше сама нарезала! Столько возишься со своими ножами, а пользоваться ими нормально не умеешь!

— Своими ножами я пользоваться умею, а этот нож тупой и никуда не годится! — тут же принялся защищаться Павел.

Людмила только махнула рукой:

— Ладно, все, давайте есть! И я все-таки поговорю завтра с директором — может, Зайчику еще и откажут.

Голос ее, правда, звучал не очень уверенно, и Паша мог бы поспорить, что она уже

требовала и от директора, и от завучей не отрывать учеников от уроков, но с ней никто не согласился. И это все-таки было очень странно — зачем школе лишние проблемы, суета с организацией такого мероприятия, споры с родительским комитетом? «Алексей сказал, что Зайчик — политик и коллекционер, значит, человек он небедный, — думал Павел, ковыряясь в тарелке. — Наверное, он пообещал школе какую-нибудь матпомощь — может, купить что-нибудь для учебы, или ремонт сделать, или просто денег дать... Но почему тогда директор не сказал об этом маме?»

Все это стоило как следует обдумать, но за ужином Паша постоянно отвлекался — родители, забыв на время и о Зайчике, и о других проблемах, перешли на разные «мирные» темы и периодически подшучивали друг над другом. Подобные вечера случались в их семье не так часто: и отец, и мать обычно были заняты или так уставали за день, что почти сразу после ужина укладывались спать, так что в другой раз Павел посидел бы с ними за столом подольше, пользуясь возможностью пообщаться с обоими. Но сейчас мальчику было немного не до того, так что он быстро расправился с едой и вскочил из-за стола.

— Мам, пап, спасибо! Очень вкусно было! — он поставил тарелку в раковину и отправился к себе в комнату.

— Как у тебя с уроками? — крикнула мать ему вслед.

— Да еще вчера все сделал! — отозвался подросток. Это было правдой — он только не уточнил, что сделал все задания еще в школе, во время двух последних уроков литературы.

В своей комнате Паша включил компьютер, открыл сразу несколько страниц своих виртуальных знакомых, бегло проглядел, что нового они написали, и отодвинулся от стола. Мысли его снова вернулись к готовящемуся визиту в гимназию Игоря Зайчика. Скорее всего, он предложил директору взятку. Наверное, и мама об этом догадывается, но доказать ничего не может, потому и злится. А было бы здорово, если бы Зайчик заявился в их актовый зал, начал бы там выступать — и тут Павел бы вышел к нему и крикнул в микрофон, что он подкупил директора! Зайчика бы с позором выгнали, директору пришлось бы уволиться, а он, Паша, был бы героем... Подросток фыркнул, понимая наивность этой картины. Что бы сказал Алексей, если он поделился с ним такими фантазиями? Ничего бы не сказал, только посмотрел бы на него, как на дурака.

Думать об этом было совсем неприятно, и Павел решил переключиться на одно из своих любимых занятий. Он выдвинул верхний ящик стола, в котором лежала основная часть его коллекции ножей, взял один из них и задумался, разглядывая его. У Зайчика таких ножей еще больше... Точнее, не такой дешевки, заказанной через Интернет, а гораздо более ценных. И не только ножей — шпаги, сабли, кинжалы, шашки... В том числе турецкая сабля — клыч кого-то из царской семьи. Интересно, кому именно она принадлежала? Алексей сказал, что на вид она была довольно простой — значит, видимо, ее хозяином был кто-нибудь из дальних царских родственников? Их, надо полагать, было много, но если о самом последнем императоре и его семье Павел из школьных уроков истории кое-что знал, то об остальных Романовых ему мало что было известно.

Но уж этот-то пробел в знаниях было несложно восполнить! Пожарский снова повернулся к ушедшему в спящий режим компьютеру и следующие полтора часа провел на всевозможных исторических сайтах. Он бы просидел в Интернете и дольше, но ближе к полуночи мама постучала в его дверь и напомнила, что завтра ему вообще-то надо рано вставать и идти в школу. Пришлось выключать компьютер и нехотя тащиться в ванную, а потом и в кровать.

Паша и не думал, что так сильно устал за этот длинный день. До того, как он лег, ему как будто бы вовсе не хотелось спать, но стоило его голове коснуться подушки, как он провалился в сон. И снова оказался в большой, как актовый зал, комнате, уставленной игрушками...

Была ли это та же самая комната, которую Пожарский видел в своем вчерашнем сне, или просто похожая на нее, сказать было сложно. Если и та же самая, то в ней все изменилось — мебель стояла по-другому, ковер на полу тоже был новый, и на нем в беспорядке лежали разные игрушки. Хотя нет, не совсем в беспорядке — сидящий на ковре худенький мальчик лет шести, одетый в матросский костюмчик, с серьезным видом выстраивал ровными рядами множество крошечных металлических солдатиков. На ковре явно готовилось какое-то масштабное сражение между двумя армиями.

Паша, хоть и считал себя уже давно выросшим из таких детских игр, стал с интересом присматриваться к солдатикам, сработанным с потрясающим искусством и вниманием к деталям. Поэтому он не заметил, как дверь комнаты распахнулась, и в нее вошла высокая девочка-подросток, державшая на руках большого рыжего кота. Следом за этой девочкой в комнату вбежали еще три — это совершенно точно были те четыре сестры, которых Павел видел в прошлом сне. В отличие от своего младшего брата, они изменились не так сильно, хотя и выглядели года на три-четыре старше. Одеты все четверо были одинаково — в белосиние платья-матроски, похожие на костюм мальчика.

— Алексей! — подбежала к брату младшая из девочек. — Смотри, кого Оля тебе принесла!

Ее брат и сам уже поднялся на ноги и неуверенно потянулся к пушистому рыжему коту, дремавшему на руках у своей хозяйки.

— Не бойся, — сказала ему старшая из сестер, которую называли Олей, — Васька добрый и никогда не царапается. Можешь его гладить, он тебя не тронет.

Пожарский, в отличие от девочек, видел, что их брат не боится кота — скорее, он просто не знал, как с ним обращаться, словно никогда раньше не имел дела с животными. Он медленно провел ладонью по голове кота, и тот лениво приоткрыл глаза, посмотрел на мальчика и снова закрыл их.

— Замурлыкал! — воскликнула державшая его на руках девочка. — Ты ему понравился!

Она опустилась на пол, положила полусонного кота рядом с собой и принялась гладить его по рыжей полосатой спине. К этому занятию присоединились и остальные девочки вместе с окончательно осмелевшим братом. Кот вытянулся на ковре, а потом перевернулся на спину, подставляя для ласки светлый живот. Дети засмеялись и стали гладить его с удвоенной силой.

— Какой же он мягкий... — задумчиво проговорил мальчик. — Даже не верится, что у него еще и когти есть и он может царапаться.

— Может, но это очень редко бывает, — ответила младшая из девочек. — В последние года два я вообще не помню, чтобы он когти выпускал. Вот когда я помладше была, иногда царапался...

— Это потому что ты, Настя, его то за хвост дергала, то так к себе прижимала, что он едва не задышался, — сказала Оля. — От такого обращения любой бы из себя вышел, даже Васька!

— Неправда твоя, никогда я его не дергала за хвост! — тут же горячо принялась

возражать младшая сестра.

Остальные девочки засмеялись, и она изобразила на лице обиду:

— Будете так про меня говорить — не буду с вами играть. И Машка не будет. Машка, пойдем в наши комнаты, сами там во что-нибудь поиграем! — повернулась она к той девочке, которая в прошлом сне Павла носила младшего брата на спине.

— Никуда вы без нас не пойдете, — подала голос еще одна из сестер. — Мама вам запретила шуметь в спальнях.

— Таня, не командуй! Она нам только теннис запретила! — запротестовала самая младшая.

— Что вы опять натворили? — удивилась самая старшая.

— Ну да, они же вчера, когда играли в теннис, две картины со стен сбросили, — рассказала Таня. — И шумели так, что их услышали на первом этаже, там, где мама принимала гостей. Она даже Аннушку отправила наверх — сказать, чтобы они немедленно прекратили безобразия.

— А я и не знала! Ну тогда вы действительно никуда не пойдете, — объявила Оля. — Будете под нашим с Таней присмотром.

Маша, молча слушавшая этот спор, виновато опустила глаза и принялась еще старательнее чесать за ушами кота Ваську. А вот самая младшая из девочек сдаваться не собиралась — у нее, как оказалось, тоже имелся «компромат» на старшую сестру.

— Тогда мы останемся здесь, а вот тебе придется уйти в свою комнату, — заявила она. — Потому что ты в ней сегодня так и не прибралась. И если мама об этом узнает, тебе придется убираться еще и в нашей комнате!

Оказалось, что и старшую сестру можно смутить — она отвела глаза в сторону и сделала вид, что эти слова ее совершенно не касаются. Младшая из девочек торжествующе рассмеялась, и ее поддержали Маша и Алексей. Одна лишь Таня не разделила этого веселья: услышав о неубранной комнате, она еще сильнее нахмурилась.

— Ольга, ты правда не навела порядок? — спросила она. — Тогда пойдем сейчас приберемся.

Оля продолжила гладить кота, который теперь мурлыкал так громко, что его слышал даже наблюдавший эту сцену со стороны Паша.

— Вот всегда ты, Таня, не даешь спокойно поиграть, — проворчала она и машинально поскребла пальцем по ковру рядом с кошачьей мордой. — Успею еще, приберусь.

— Мама расстроится, если узнает, — стояла на своем Татьяна.

Рыжий Васька, услышав шорох, открыл глаза, а потом перевернулся на живот и приподнялся на передних лапах. Теперь он уже не выглядел сонным и ко всему безразличным — в нем проснулся охотничий инстинкт хищника. Ольга стала быстро водить пальцем чуть в стороне от него, и кот прижался к полу, приготовившись к прыжку.

— Оля! Он же сейчас когти выпустит! — ахнула Таня и жестом велела брату отодвинуться. — Алеша, все, не трогай его больше! Просто смотри, как он играет.

— Хорошо, — мальчик нехотя убрал руки подальше от кота, хотя его вид явно говорил о том, что он хотел бы и дальше перебирать его густую рыжую шерсть. Васька, тем временем, прыгнул на руку своей хозяйки, но она успела убрать ее у него из-под самого носа.

— Говорю же вам, он не царапается, — сказала она. — И не кусается. Только делает вид.

Младшая сестра, схватив одного и выстроившихся у нее за спиной солдатиков,

принялась водить им по ковру, и кот переключился на новую цель. Теперь уже смеялись все дети, включая и строгую Татьяну. Васька прыгнул на стройные ряды солдатиков, и они разлетелись в разные стороны, после чего кот на мгновение замер, не зная, на какую «добычу» ему теперь бросаться, а потом сделал еще один прыжок, выбрав крошечного всадника, откатившегося дальше всех.

— Сражение придется отложить, — улыбнулся Алексей.

— Ничего, зато Васька, уж, наверное, поинтереснее твоих солдатиков, — отозвалась Настя.

Брат взглянул на нее снисходительно — играть с котом ему, конечно, нравилось, но разве можно было даже предположить, что кот или еще что-нибудь могут быть интереснее его любимой игры? В этом Паша с ним, пожалуй, был согласен.

Разрезвившийся Васька сделал еще несколько прыжков за солдатиком, которым его дразнила младшая из сестер, и окончательно разгромил обе оловянные армии. Но в конце концов, убедившись, что ему не удастся поймать маленькую блестящую игрушку, он утратил к ней интерес и снова улегся на ковер, подставив девочкам живот, и стал перекатываться с боку на бок. Сестры с новым рвением принялись его гладить, и Алексей тоже протянул к нему руку, на этот раз уже более уверенно.

Долго эта идиллия не продлилась. Дверь неслышно распахнулась, и на пороге появился высокий широкоплечий человек с пышными усами, одетый в морскую форму.

— Ваши высочества! — обратился он к играющим на полу детям. — Его высочество наследника ожидает отряд казаков Лейб-Гвардии Атаманского полка. Его величество их уже принимал, а теперь они хотят видеть своего верховного атамана.

Мальчик оторвался от своего занятия, и его лицо мгновенно стало серьезным и каким-то слишком взрослым для его возраста.

— Иду, Андрей Еремеевич, — сказал он, поднимаясь на ноги, а потом с важным видом обратился к оставшимся сидеть на ковре сестрам. — Дамы, прошу прощения, я вынужден вас оставить. Наследника ждут государственные дела.

С этими словами он направился к дверям. Младшие сестры разочарованно вздохнули, Ольгу это неожиданное преображение брата насмешило, и она тихо хихикнула, Татьяна же одобрительно кивнула.

Павел тоже проследил взглядом за Алексеем и пришедшим за ним моряком, выходящими из комнаты, и внезапно обстановка вокруг него изменилась. Теперь он был в другом зале, еще более просторном, с картинами на стенах и лепниной на потолке. В окна, как и раньше, светило солнце, но его лучи были уже не такими яркими и красноватыми, словно оно клонилось к закату, словно с тех пор, как Алексей покинул детскую, прошло много времени...

Выстроившиеся вдоль одной из стен зала казаки — посмотрев много исторических фильмов, Паша понимал, что это именно они — тянулись по стойке «смирно». А потом один из них, по всей видимости, командир, отделился от строя и подошел к стоявшему перед ними маленькому и худенькому Алексею, держа на вытянутых руках сильно изогнутую саблю в красных кожаных, отделанных металлом ножнах. Слишком короткую для взрослого человека, но слишком большую для стоящего перед казаками ребенка.

Но этот ребенок все-таки взял ее в руки — Пожарскому понял, что она еще и довольно тяжелая для него — и наполовину вытащил из ножен. В угасающем свете дня блеснули золотом выгравированные на клинке буквы.

Паша подался вперед — он все еще опасался, как бы его не увидели, но в глубине души уже понимал, что этого не будет. Да и очень уж сильным было его желание рассмотреть саблю поближе. Настоящее оружие, не то, что все его ножики!

«Ангель наш, Родимый красавчикъ, Великий Государь Цесаревич...» — успел он прочитать часть надписи на клинке, прежде чем свет вокруг него начал меркнуть и зал со всеми находившимися в нем людьми погрузился в темноту.

С той самой минуты, как Павел открыл глаза от пиликания будильника, он старался отодвинуть от себя воспоминание о том, что видел во сне. Удавалось ему это плохо. Все это было настолько необычным и пугающим, что мальчик с тревогой прислушивался к своим ощущениям, пытаясь понять, не сходит ли он с ума. Он даже первым делом включил компьютер и посмотрел в Интернете симптомы шизофрении. Ему показалось, что он замечал у себя некоторые из них, но выяснилось, что других у него нет вовсе, так что в итоге мальчик разозлился на себя и побежал в ванную — в школу он уже почти опаздывал.

«Просто мне очень нравится Алексей, — пытался он анализировать свое душевное состояние по дороге в школу. — Ну и что, что у него тоже четыре сестры, как у того наследника из сна. Леша совершенно точно настоящий, никакой он не «воображаемый друг»!..»

Вскоре Пожарский окончательно решил, что образ друга, который так влияет на него и производит настолько сильное впечатление, трансформировался в его собственном подсознании в эти яркие сны, где тот выступает в образе какого-то сказочного царевича. «И ничего необычного, просто психология», — заключил Павел, подбегая к школе.

О том, что в этой стройной версии зияли огромные прорехи, он предпочел забыть.

Тем более, что события в школе довольно быстро заслонили собой ночные видения. После второго урока, когда школьники еще шумели на перемене, включилась громкая связь, и раздался голос директора.

— Внимание, третий урок отменяется, — говорил Арутюн Леонович с легким кавказским акцентом. — Учителям привести классы в актовЫй зал. Сейчас начнется встреча с депутатом Государственной Думы Игорем Савельевичем Зайчиком.

Школьники, конечно, были в восторге и от отмены урока, и от фамилии гостя школы. Да и Павел шел на встречу охотно — ему было любопытно посмотреть на Зайчика в другой обстановке и послушать, что тот скажет.

Даже сменив потертые джинсы и ветровку на костюм с галстуком, Игорь Зайчик не производил внушительного впечатления. Хотя говорил гладко и достаточно внятно, но, казалось, ему было все равно, перед кем выступать — перед разгоряченными митингующими или перед школьниками, которым его речи были, по большому счету, до фонаря. Как-то адаптировать свои слова для детей он или поленился, или не счел нужным.

— Друзья, Петербург — это великий город, который в последние годы управляется наместниками, присланными из Кремля... — слегка картавя, вещал он. — Они попирают петербургские святыни. А они, эти святыни, это не новодельные церкви и не торжественные пробки в день приезда московского начальства, а то, в защиту чего люди выходят на улицы. Как Исаакий, которые мы отстаивали и не позволили передать в жадные руки церковников.

Пафос гладких фраз пребывал в заметном противоречии с тускловатой манерой оратора выражать свои мысли.

— Петербургу нужен губернатор, который будет служить его жителям, а не считать себя «солдатом президента», более всего озабоченным, как ему угодить, — продолжал распинаться депутат, совершенно игнорируя то обстоятельство, что школьники в зале его попросту не слушали. Они усиленно шушукались, а если и вспоминали выступающего, то лишь, как напоролил отец Павла, чтобы повторить фамилию депутата и в очередной раз

прыснуть.

Впрочем, судя по всему, Зайчик обращался не к школьникам, а, скорее, к учителям.

— Поэтому именно меня — в отличие от заранее отобранных кандидатов — пытаются не допустить до участия в выборах, используя позорный механизм «муниципального фильтра».

Павел насторожился: он не раз слышал в последнее время от матери это выражение. Насколько он понимал, чтобы стать кандидатом в губернаторы, желающий должен был собрать определенное число подписей муниципальных депутатов. Людмила Алексеевна частенько жаловалась отцу, что кандидаты — а их уже набралось немало — донимают ее просьбами отдать им свою подпись или повлиять в этом смысле на других членов местного совета, который она недавно возглавила. Некоторые предлагали довольно большие деньги, но она до сих пор так никому свой автограф и не отдала, поскольку не видела среди кандидатов людей, достойных занять кресло градоначальника. Другие депутаты тоже придерживали подписи — глава мунсовета пользовалась среди них большим авторитетом. Хотя, как понял Павел по намекам матери, давление на нее и совет осуществлялось на достаточно высоком уровне.

— Осталось очень немного времени, но я буду до конца биться за право принять участие в выборах губернатора, — завершил речь Зайчик. — Мы обязательно победим, друзья. Вместе с вами. У нашего любимого города будет умный губернатор!

«Друзья» депутата в зале с облегчением вздохнули, что эта нудятина закончилась.

Вопросов к докладчику было немного, и не один не был задан школьником. К перемене собрание завершилось.

— Ты ведь Пожарский? — услышал за собой выходящий вместе с одноклассниками Павел голос, который только что звучал со сцены.

Развернувшись, мальчик пристально глядящего на него Зайчика.

— Да, — удивленно ответил Паша.

— Сын Людмилы Алексеевны Пожарской? — уточнил депутат.

Мальчик кивнул.

— Остайся тут на минутку, — попросил депутат. — Нам надо побеседовать. Арутюн Леонович разрешил тебе опоздать на третий урок.

Игорь Савельевич доброжелательно улыбался, но Павел уловил в его взгляде что-то неприятно тревожное. Однако мальчик кивнул и пошел вслед за Зайчиком в глубину зала, где они сели на стулья.

— Я слышал о тебе много хорошего, — начал депутат, по-прежнему улыбаясь. — Собственно, я вашу школу приехал в основном для того, чтобы посмотреть на тебя.

Павел молча слушал, старясь дышать пореже — у Зайчика прилично несло изо рта.

— Знаю, что ты очень хорошо учишься, но при этом умеешь думать самостоятельно, — ровно и рассудительно продолжал он. — Стране нужны такие умные молодые люди, на которых не действует правительственная пропаганда. Вам обустроить Россию, приводить ее к ценностям цивилизованного мира...

По поводу «цивилизованного мира» у Павла было свое, не очень комплементарное, мнение. Но он продолжал слушать молча, пытаясь понять, куда клонит депутат. А тот, похоже, начал переходить к главной теме.

— Твоя мама ведь глава муниципального совета? — спросил он вкрадчиво.

Павел кивнул.

— Я слышал и про нее много хорошего, но, к сожалению, так и не удалось с ней познакомиться.

— Никогда не были в нашем муниципалитете? — спросил Паша, стараясь, чтобы это звучало как можно более наивно. Он прекрасно знал, что мать была бы вовсе не рада визиту Зайчика — судя по тому, как она о нем отзывалась.

Депутат слегка замялся.

— Понимаешь, у нас с твоей мамой несколько различаются политические взгляды. Но я очень ее уважаю и буду рад встрече в любое время. Если бы ты...

Зайчик на секунду замолчал, похоже, прикидывая, не слишком ли он форсирует, но потом продолжил:

— Если бы ты поговорил с ней, рассказал про меня... Понимаешь, умные и порядочные люди во власти этого города должны быть вместе. Несмотря на различия во взглядах. Нас же так мало... Гораздо больше дураков или воров.

При этих словах на лице Зайчика промелькнуло раздражение, но он тут же вернул улыбку на место.

— Конечно, я расскажу маме о нашей встрече, — вежливо ответил Паша.

— Вот и молодец! — с энтузиазмом воскликнул депутат. — Понимаешь, какое дело...

Он опять слегка запнулся, но тут же продолжил.

— Я ведь могу сделать для города много хорошего. Если бы я стал губернатором, я бы дал людям больше свободы. Разрешал, например, все митинги и шествия, кто бы их ни заявлял — только так можно стать демократическим обществом. Мы ведь не вправе препятствовать людям самовыражаться, даже если их взгляды нам не нравятся. Вот, к примеру, гей-парад...

Тут он, кажется, понял, что несколько переборщил, и прервался, хотя, видимо, готов был развивать эту тему и дальше.

— А еще я бы дал отпор всяким темным силам, которые стараются погрузить наш прекрасный культурный город в мракобесие. Вот ты современный умный парень, скажи, нужны тебе все эти храмы, которые постоянно строятся — на месте скверов, как правило?..

Ответа от Павла он, похоже, по-прежнему не ждал, поскольку был уверен, что тот полностью солидарен с ним в этом вопросе.

— По моему мнению, храмов у Церкви более, чем достаточно. И так пустыми стоят. При мне попы не смогут построить ни одного храма в Питере! И из старых ни одного не отдам. Знаешь, как сказал один питерский поэт? «Не будем жить во мраке, глотая горький дым. Любимый наш Исаакий попам не отдадим».

Зайчик довольно рассмеялся — похоже, строчки ему очень нравились.

— Шиш им, а не Исаакий! — злобно произнес он, отсмеявшись.

Пожарскому было тоскливо и противно, но он продолжал сохранять на лице выражение вежливой заинтересованности.

— Но меня хотят не пустить на выборы, — неожиданно прервал Игорь Савельевич поток своих проектов. — Есть такая мерзкая штука — муниципальный фильтр. Он придуман режимом специально для того, чтобы не допускать честных порядочных современных людей до власти. Но если хорошие люди объединятся, они смогут этому противостоять. Вот почему я бы очень хотел поговорить с твоей мамой...

Павел уже давно понял, куда клонит Зайчик — ему нужны были подписи мамы и членов ее совета. Может быть, он полагал себя тонким манипулятором, но мотивы его лежали на

поверхности.

Однако тут Игорь Савельевич совершил действительно удачный ход, чтобы произвести впечатление на своего слушателя.

— Совсем забыл! — воскликнул депутат и сунул руку во внутренний карман пиджака. — Смотри! — он махнул рукой в сторону, раздался щелчок, и в его кулаке появилось прекрасное лезвие.

Павел тут же узнал клинок танто.

— Держи, — сказал Зайчик, вкладывая в его руку красавец-нож. — Я знаю, что ты этим увлекаешься. Вот, зацени!

«И где он обо мне все это узнал?» — мелькнула у мальчика мысль, но тут же ушла, поскольку его захватил оказавшийся в его руке нож.

Это был «Вояджер танто», прекрасный, удобный и опасный. Все, как любил Павел. Только он не мог позволить себе купить такой нож — тот был довольно дорог. Не за пределами, конечно, но...

— Он твой, — произнес Зайчик тоном доброго дядюшки, одаривающего любимого племянника.

Первым порывом Пожарского было отдать нож назад. Но он был не в состоянии это сделать — не мог даже просто оторвать взгляд от острого матового клинка и фактурной рукояти.

Хотя потом мальчик все-таки нашел в себе силы помотать головой.

— Игорь Савельевич, — сказал он, протягивая нож назад, — я не могу это взять.

Но Зайчик замахал руками.

— Даже не думай отказываться, обижусь! Я ведь сам это собираю — не только ножи, но и другие клинки, и душу коллекционера понимаю! Бери-бери, это в знак нашего взаимопонимания.

Павел понимал, что его банально подкупают, и ему было очень мерзко. Но отдать клинок было выше его сил — ему казалось, что этот нож уже стал его собственностью, более того, что он сам просит принять его в небольшую семью Пашиных клинков.

В общем, он сложил фолдер, опустил его в карман джинсов и поблагодарил Зайчика:

— Спасибо, Игорь Савельевич.

— Вот и славно, — рассмеялся депутат. — Мне пора бежать. Не забудь поговорить с мамой... И, да. — Он снова полез в карман. — Вот тебе моя визитка. Звони в любое время если что-то от мамы будет. И если хочешь, можешь прийти ко мне — покажу тебе свою коллекцию. Там есть прекрасные вещи, уж поверь...

Из школы Павел пошел не домой, а в противоположную сторону. Дойдя по Английскому до площади Тургенева, он купил мороженое, чтобы успокоить нервы, и сел на скамейку, продолжая переживать беседу с Зайчиком и свое поведение.

На себя он был зол страшно: «Отдать, надо было его отдать! Ну почему я его не отдал?!» — мысленно повторял он. Но постепенно злость на себя сменилась злостью на обольстителя-Зайчика и на тех, кто готов был за него проголосовать. «Ну почему они не понимают, кто он такой? Он же насквозь виден — властолюбивый гад! Тупорезы!»

— Нельзя осуждать людей, если они чего-то не понимают, — раздался мягкий голос.

Рядом на скамейке сидел Алексей — тоже с мороженым, которым лакомился не без заметного удовольствия.

Паша давно уже не удивлялся неожиданным появлениям своего друга и его способности

читать мысли. Он только ощутил великую радость от его появления. А еще почему-то — какую-то неловкость...

— Ну нельзя же быть такими глупыми, — пожал он плечами.

— Люди не глупы, — помотал головой Леша. — Просто привыкли интересоваться исключительно своими делами и не заглядывают на два шага вперед. Ну и слишком доверяют своим ощущениям.

— Это как? — спросил Павел.

— Ну вот смотри, — произнес Алексей, доев мороженое и деликатно промокнув губы белоснежным платком, неизвестно откуда извлеченным. — Этот Зайчик производит на многих впечатление порядочного человека. Демократичен, доброжелателен, умные книги читает и цитирует, борется против плохой власти, за город, за все хорошее против всего плохого. Все время говорит, что он — настоящий петербуржец. А людям тоже хочется быть такими — порядочными, начитанными, настоящими петербуржцами. Они не понимают, что он не петербуржец, и даже не ленинградец, хоть и родился тут — просто циничный политик, использующий образ великого города для своих целей. Зайчик — и те, кто его поддерживает — выбрал этот образ, потому что он привлекателен здесь для всех. Так что не надо злиться на тех, кто еще не определился и с удовольствием Зайчика слушают. Нужно относиться к ним с пониманием, жалеть, и делать так, чтобы такие зайчики снова не повели за собой толпу оболваненных людей — как они это сделали сто лет назад.

— Не могу не злиться на этих тупых, — упрямо помотал головой Пожарский.

— Павел, ну кто из нас без греха? — Алексей посмотрел в лицо другу так, словно смотрел в самую его душу. — Разве ты сам идеален? Нигде не ошибся, ничем не соблазнился?..

Павел мучительно покраснел. Ему очень хотелось рассказать Алексею про подаренный нож, но было ужасно стыдно. И он молчал.

Леша понимающе улыбнулся и встал со скамейки.

— Прости, мне сегодня нельзя долго.

Он, как всегда, слегка поклонился другу и зашагал в сторону Садовой.

Паша проводил его тоскливым взглядом.

— Ну как, приходил к вам Зайчик? — спросила Людмила Алексеевна за ужином.

Павел кивнул.

— И что ему было нужно? — продолжала допрашивать его мать.

— Подписи от тебя, — Паша решил ничего не скрывать. — Он говорил со мной после встречи.

— Так я и знала! — лицо матери побелело от гнева. — Сволочь! Я кому угодно подпишу, только не ему! Пусти его во власть — он со своими дружками разворует все, что еще осталось, и такой наведет б...

Мама проглотила грубое слово, вскочила из-за стола и в сердцах так бросила в раковину тарелку, что та чуть не раскололась.

— Тише, тише, Люда, — начала увещевать жену отец, с тревогой посмотрев на нее. — Ничего же не случилось.

— Еще к сыну моему подкатывает, мерзавец! — продолжала бушевать женщина. — Я ему подкачу!.. А ты с ним больше не смей разговаривать! — бросила она сыну.

На том семейный ужин завершился.

Перед сном Павел стоял перед раскрытым ящиком со своими ножами, созерцая положенный им туда «Вояджер». Нож по-прежнему был прекрасен, но мальчик уже не восхищался им, воспринимая его среди своих честно приобретенных экспонатов, как нечто чужеродное.

Конечно, он имел полное право оставить его себе — нож ему вручили как неприкрытую плату за разговор с матерью. Паша поговорил с ней, она высказала свое негативное отношение к делу — где тут его вина?..

Но менее чужим от этой мысли прекрасный фолдер не стал.

С досадой задвинув ящик, Павел отправился в постель.

«Нужно относиться к людям с пониманием», — на грани засыпания услышал он слова Леши.

И увидел новый сон.

...Ему снова снился Алексей, и теперь его друг стал еще старше — на вид ему можно было дать лет девять или десять. Он сидел за столом в уже знакомой Павлу комнате, которая тоже в очередной раз изменилась. Теперь на полу в ней стояли новые игрушки — несколько больших кораблей, еще более крупная меховая собака, железная дорога... А под потолком висели прикрепленные веревками к люстрам аэропланы — тоже довольно большие и, наверное, способные по настоящему планировать, если бы кто-нибудь запустил их в воздух с большой высоты.

На столе, за которым сидел юный хозяин этой комнаты, тоже стоял корабль, но мальчик не обращал внимания ни на него, ни на другие игрушки. Его рука медленно, старательно выводила буквы на лежащим перед ним небольшом квадратном кусочке бумаги.

Пожарский уже знал, что может не скрываться в углу комнаты и что его не заметят, даже если он подойдет к Алексею вплотную и заглянет в письмо ему через плечо. Еще недавно он непременно бы так и сделал — приблизился бы к столу, чтобы узнать, что тот пишет — но теперь что-то удержало его от того, чтобы сунуть свой нос в чужие дела. Пусть даже это были дела ребенка, вряд ли особо серьезные. Павел понимал, что для него они были важны, и к этому надо было отнестись с уважением.

Так что Паша остановился в паре шагов от стола и стал рассматривать стоящий на нем парусник и другие вещи. Кроме корабля, там был старинный чернильный прибор — Пожарский видел похожий в каком-то музее — и несколько листов бумаги. А еще на краю стола лежало несколько маленьких колокольчиков, связанных серебристой лентой. Алексей поставил точку в конце очередной фразы и посмотрел на эти колокольчики, а потом поднял их за ленту и слегка встряхнул. По комнате разлился тонкий мелодичный звон. На лице мальчика появилась довольная улыбка, он кивнул каким-то своим мыслям и снова обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать.

Наверное, Павел все-таки не удержался бы и прочитал это письмо, если бы в комнату не вбежала самая младшая из сестер Алексея. На этот раз Настя была одна, без сопровождающей ее почти всегда Маши, и казалось, что она куда-то спешит и забежала к брату всего на минутку.

И по всей видимости, так оно и было.

— Алеша, — скороговоркой затараторила девочка, — ты пойдешь гулять? Мы там собираемся кататься на санях, Оля с Таней одеваются уже... Ты ведь хорошо себя чувствуешь? Сможешь выйти?

— Да, все хорошо, — заверил ее Алексей. — Но кататься я не пойду, идите без меня. Мне письмо надо закончить.

— Что за письмо? — Анастасия, в отличие от наблюдавшего за этой сценой Павла, без стеснения наклонилась над столом и даже протянула руку к листку плотной бумаги.

Мальчик, глядя на нее, укоризненно покачал головами и сам поднял этот листок, оказавшийся, как только теперь понял Пожарский, открыткой — на другой его стороне была нарисована нарядная новогодняя елка. Точнее, не новогодняя, а рождественская, сообразил Паша, подойдя еще ближе и рассмотрев на этой елке горящие свечи и фигурки ангелов.

— Хочу сделать подарок Ивану, — пояснил Алексей и, снова положив открытку на стол изображением вниз, коснулся рукой колокольчиков. — Их можно повесить на елку или просто на стену, и звенят они очень красиво — вот, послушай, — он еще раз поднял связку колокольчиков и на этот раз звенел ими чуть дольше. — Они из Новгорода.

— Очень красиво! — воскликнула сестра и, забрав у него колокольчики, принялась звонить каждым из них по очереди, то громче, то тише. — Ване понравится, он так рад будет!

«Интересно, кто этот Ваня? — промелькнула в голове Пожарского мысль. — Может, я это узнаю сейчас из их разговора?» Но брату и сестре не нужно было уточнять, о ком идет речь — оба и так это знали.

— Я тоже очень надеюсь, что ему понравится, — кивнул Алексей. — И я ему написал, что он может нарисовать эти колокольчики — помнишь, какие у него красивые картинки с цветами получались? Чуть-чуть не дописал, видишь... Сейчас закончу и, пожалуй, и правда покатаюсь с вами.

Он еще раз макнул перо в чернильницу и вывел на открытке еще несколько слов. Настя по-прежнему стояла рядом, рассматривая колокольчики, которые время от времени издавали то звонкие, то совсем тихие и нежные звуки.

— Все, готово, — мальчик взял из песочницы щепотку песка и посыпал ею чернильные строчки, после чего поднялся со стула. Его сестра тут же схватила открытку и пробежала глазами весь написанный на ней текст.

— Ты подпись забыл поставить, — сказала она, возвращая письмо на стол. — Давай скорее, дописывай! Или потом...

— Нет, я здесь не буду подписываться, — покачал головой Алексей. — Я же его не просто поздравляю с Рождеством, я ему пишу, чтобы он нарисовал мой подарок... если захочет.

— Ну и что? — не поняла его сестра.

Мальчик чуть снисходительно улыбнулся:

— Настя, а как ты сама думаешь? Если сын слуги получает от наследника престола письмо с его подписью, где тот просит его что-то сделать, он сможет этого не делать, если ему не захочется?

— Ты хочешь сказать... — девочка все еще не понимала, что пытается объяснить ей брат, но потом вдруг ее лицо прояснилось. — Ой, а ведь верно — с твоей подписью это будет государственный документ! Приказ наследника, отданный подданному.

— В том-то и дело. А без подписи это — просто почтовая карточка с поздравлением. Теперь понимаешь?

— Да... понимаю, — кивнула Настя с серьезным видом и положила колокольчики на стол, в последний раз наполнив комнату их звоном. — Но мне бы все это даже в голову не

пришло... — она немного помолчала, а потом вдруг посмотрела на своего брата с нескрываемым восхищением. — А тебе пришло... потому что ты наследник!

Алексей улыбнулся ей в ответ, и выражение его лица тоже изменилось — всегда серьезное, оно вдруг стало по-детски веселым и легкомысленным.

— Обязанности наследника я на сегодня выполнил, — сказал он, продолжая улыбаться. — А теперь можно и погулять! Пойдем, нас уже ждут, наверное.

Брат с сестрой вышли из комнаты, и она, как это всегда бывало в конце таких сновидений Пожарского, стала плавно, но быстро погружаться в темноту. Несколько секунд — и все вокруг него, все корабли и самолеты, исчезли, растворились в стремительно сгущающихся сумерках. Только белела на столе открытка, и чуть заметно блестели серебристые колокольчики.

На следующий день в школе Павел был задумчив и погружен в свои мысли. Очередной «сон про Лешу», как он теперь называл эти свои видения, заставил его задуматься о вещах, над которыми он раньше не слишком ломал голову. И еще его не покидало чувство стыда, когда он вспоминал лежащий дома в ящике великолепный нож.

Так что, обычно внимательный, он не почувствовал едва заметного изменения обстановки вокруг него. В последнее время отчуждение между ним и одноклассниками углубилось, но сегодня они словно бы все с любопытством и напряжением наблюдали за ним.

Поэтому он был немного удивлен, когда соседка по парте, ткнув его локтем в бок, пододвинула к нему записку: «Пожар, зачем тебя сегодня хочет вызвать Григ?» Григом в школе звали директора, носившего фамилию Григорян. Девочка глядела на Пашу круглыми глазами — похоже, она поймала какой-то обрывок носившегося по школе слуха, и теперь ее пожирало любопытство. Но Павел лишь пожал плечами, и она разочарованно отвернулась.

На перемене Паша попытался выяснить, в чем дело, но никто ничего толком не знал — кто-то кому-то сказал, что, мол, Пожара, хочет вызвать Григ, да чуть ли не исключить из школы... Может быть, конечно, были знавшие и побольше, но эти молчали. Лишь один из парней, с которым Пожарский был более-менее близок — несколько раз ходили в кино и играли в компьютерные игры — прошептал:

— На тебя настучали. Кто, не знаю, но, говорят, Грига бомбит конкретно.

Поскольку Павел никакой вины за собой не чувствовал, он подумал, что дело в визите Зайчика и ноже. Может, депутат рассказал директору про свой подарок, а тому, почему-то, это не понравилось. Но Павел ошибся — речь шла совсем о другом.

Его вызвали к директору с третьего урока. Григорян ходил из угла в угол по своему кабинету, словно тигр в клетке.

— Садись, Пожарский, — бросил он.

Когда Григ волновался, его армянский акцент становился более явным. Павел сел на неудобный стул, предназначенный для разносимых учеников, с удивлением глядя на директора. Обычно тот всегда был уравновешен и даже несколько вальяжен. Но ходили истории, что периодически в нем просыпался взрывной темперамент. Сам Паша этого не видел, но, судя по рассказам, это было зрелище ужасное и величественное. И, похоже, сейчас Арутюн Леонович впадал в такой амок.

— Павел, — начал директор, тоже присаживаясь в свое кресло с таким видом, будто готов был в любую минуту снова вскочить. — Ты прекрасно учишься, и при этом не дурак, что не всегда сочетается.

Эту вроде бы похвалу он высказал таким тоном, словно бросал обвинение. А потом, сделав короткую паузу, окончательно вышел из себя.

— Павлик, как ты мог?! — взревел вдруг директор, вздев руки к небу.

Пожарский впал в еще большее недоумение — все это напоминало какую-то плохую черную комедию.

— Ты пойми — эти... паршивцы, — похоже, Григорян с трудом сдержался, чтобы не вставить еще более сильное слово, — ты им совершенно безразличен. Они тебя втянут в преступление, и бросят, чтобы самим выбраться. Если вас поймают на горячем — а вас

поймают — они, не задумываясь, тебя предадут.

Теперь Павел, кажется, начинал что-то понимать.

— Арутюн Леонович... — начал он, но глава гимназии лишь махнул рукой, после чего вскочил с кресла и снова забегал по кабинету.

— Молчи и слушай! Ты еще ничего не понимаешь, для тебя это ваше... АУЕ — свобода, романтика и все такое прочее. Но поверь, никакой романтики там нет — только грязь и мерзость! Я уж знаю...

Похоже, кто-то из школьников — Павел даже догадывался, кто именно — и правда «настучал» директору о том, что у Пожарского появился опасный друг. В Паше сразу же вспыхнуло желание объяснить директору, как он ошибается, но тот продолжал вещать, даже не пытаясь слушать:

— Это все из-за этого... Васютина, — Пожарский не сразу сообразил, что речь идет с Зомбике. — Нашей школе его навязали, я сразу говорил: у нас учатся дети из хороших семей, а вы к ним этого малолетнего уголовника суете. Слушать не хотели! «Арутюн Леонович, вы заслуженный учитель, а он просто ребенок, воздействуйте, перевоспитайте...» Да не перевоспитается он, это я вам как заслуженный учитель говорю! Тут и Макаренко бессилён бы был — он уже гнилой внутри весь, зараженный. Может, в колонии поймет что-то, да только я в это слабо верю. Перевоспитать... Я своего собственного не смог...

Директор осекся, по его лицу промелькнула боль.

— Арутюн Лео... — еще раз попытался вставить слово Паша, но педагог снова завелся.

— А теперь вот ты! — он обвиняюще указал пальцем на Павла. — Такие родители у тебя, мама депутат, отец врач, сам умница. Депутат Госдумы... — Григ уставил палец в потолок, подчеркивая высокий статус произносимого им титула, — с тобой встретиться просит! И вот, пожалуйста — АУЕ! Говорил я им — этот Васютин плохо на детей влиять будет. И что, не прав я был?.. Вот — один из лучших учеников теперь...

— Арутюн Леонович! — почти выкрикнул Пожарский. — Зомбик... Васютин тут ни при чем!

От несправедливых обвинений Павла самого охватил горячий гнев, и он безрассудно продолжил:

— А ваш депутат... он... мерзавец! И взятку вам дал!

— Пожа-арский! — взревел Григорян еще громче, с размаху опустив на стол внушительный кулак — так, что зазвенела и зашелестела вся расставленная на нем в идеальном порядке канцелярская дребедень.

Павел осекся, с ужасом осознавая, что он сейчас сказал, и не представляя, какие кары на него за это обрушатся. Директор же с явным трудом подавил свою вспышку, отвернулся к окну и заговорил севшим голосом:

— В общем, так. Завтра придешь сюда с матерью. Буду просить ее... настоятельно просить перевести тебя в другую школу. Мало мне одного... малолетнего преступника тут, второй — это уж слишком. Что касается твоего обвинения во взятке...

— Арутюн Леонович, разрешите вмешаться, — раздался ясный мальчишеский голос.

С радостным изумлением Павел увидел стоящего рядом с ним Алексея, неведомо как оказавшегося в неприступном обычно кабинете директора.

— Ты как тут очутился?! — уставился на объявившегося в святая святых школы мальчишку, спросил Григ. Не было ни малейшего сомнения, что он сейчас налетит на обоих подростков, как ураган, и вышвырнет их из кабинета. А потом учинит над ними суд и

расправу.

Но ничего такого не произошло.

— Я сяду, Арутюн Левонович? — спокойно спросил Алексей, присаживаясь на второй стул и устраиваясь на нем не то чтобы по-хозяйски, но вполне уверенно. — И вы тоже присядьте, прошу вас.

И — о чудо! — грозный Григ, не отрывая взгляда от мальчика, тяжело опустился в свое кресло.

— Господин Григорян, позвольте представиться — я Алексей, тот самый друг Павла, о котором вам... сообщили. И, заверяю вас, я ни малейшего отношения не имею к мазурикам и каторжникам. Честью ручаюсь, что наша дружба с господином Пожарским совершенно невинна и не нарушает никаких законов. Я готов дать вам любые объяснения.

— Но... — начал глава школы, однако почему-то замолчал.

А Леша был не смущен ни в малой мере. Помолчав пару секунд и поняв, что директор вопросов задавать не станет, он заговорил снова:

— Теперь, когда мы все выяснили, разрешите, мы с моим другом уйдем? Думаю, его присутствие на уроках сегодня не столь необходимо?

Григорян лишь кивнул. Выражение изумления не покидало его лица.

— Пойдем, Павел, — произнес Алексей вставая.

Пожарский встал, тоже не отрывая удивленного взгляда от своего друга. А тот обратился к директору:

— Позвольте от себя и от имени моего отца выразить сочувствие вам в вашей горе и вашему многострадальному народу. И вот еще что...

Леша опять на секунду примолк, а затем продолжил:

— С сожалением должен сообщить, что господин Зайчик вас обманул.

Директор вздрогнул, но смолчал и на этот раз.

— Он не станет ни перед кем хлопотать о вашем деле, — с печалью продолжал мальчик. — По некоторым причинам ему это невыгодно.

Лицо Григоряна исказилось от боли.

— Но надеюсь... нет, я уверен, что с Арсеном все будет благополучно.

Мальчик широко и искренне улыбнулся ошеломленному педагогу, поклонился и они с Пашей вышли из директорского кабинета.

На улице Павел, не удержавшись, тронул Алексея за плечо и ощутил под тканью ветровки крепкие плотные мышцы.

— Ты... ты правда настоящий? — произнес он тихо.

Его друг весело рассмеялся.

— Ах ты Фома неверный! Да настоящий, настоящий, никакой не воображаемый друг. Персты вложить не хочешь?..

После этих непонятных слов, посерьезнев, Алексей добавил:

— Рано еще, не время.

И тут же снова стал веселым мальчишкой:

— Паш, а поехали в парк, на аттракционах кататься? Я там не был никогда...

Предложение показалось Павлу идеальным — именно после всего случившегося забыться на лихих аттракционах было самое то.

— Поехали! — с энтузиазмом согласился он.

Они поймали на ходу маршрутку и поспешно загрузились ее. Павел заметил, что Леша

не очень понимает, как тут себя вести и что делать. Понимаяюще кивнув в душе, Паша расплатился с водителем и усадил друга на место.

Парк встретил их шелестом желтеющей листвы и приятным легким ветерком. А еще — множеством людей, гулявшим по дорожкам, по большей части с детьми всех возрастов. Отовсюду слышался смех, веселая болтовня и отчаянные требования купить билет «еще на одну, самую последнюю карусель». А когда Павел с Лешей немного углубились в парк, к этим звукам прибавились еще и истошные визги подростков и взрослых, катавшихся на разных экстремальных аттракционах. Алексей по-прежнему выглядел очень заинтересованным, и Паша решил сделать так, чтобы визит в этот парк произвел на его друга самое сильное впечатление, какое только возможно.

Правда, у кассы выяснилось, что денег у Пожарского хватит только на какой-нибудь один взрослый аттракцион. Может быть, у Леша было с собой больше, но он молчал, и Павел решил для начала выбрать что-нибудь самое-самое. Вот только что? Мальчик поднял голову — и тут же увидел ответ на свой вопрос: над деревьями возвышалось самое высокое сооружение парка, узкая «башня», уходящая вертикально в небо, вокруг которой с невероятной скоростью взлетали к ее вершине, а потом падали вниз кресла с пристегнутыми к ним любителями «остренького».

— Два билета на «Свободное падение», пожалуйста, — попросил Паша кассиршу, когда подошла их очередь, и с загадочным видом повернулся к своему другу. — Если ты не был в таких парках, то этого еще точно никогда не испытывал!

С этими словами он потащил Алексея к «башне», решив ничего не отвечать ему, если он начнет спрашивать, что это за аттракцион. Леша, впрочем, молчал — он по-прежнему много смотрел по сторонам, разглядывал людей и другие аттракционы и улыбался своей обычной мечтательной улыбкой.

Очередь на «Свободное падение» продвигалась быстро, и вскоре мальчики уже сидели в соседних креслах, крепко вцепившись в удерживающие их «хомуты». А еще через секунду их кресла взмыли в небо и на несколько мгновений застыли в самой верхней точке.

— А-а-а-а-а! — как всегда, не смог удержаться от крика Павел. Во время первого взлета на высоту двадцатиэтажного дома ему никогда не удавалось рассмотреть ничего вокруг — все его сознание заполняло одно-единственное невероятное ощущение. Следующие «прыжки» вверх воспринимались уже чуть менее остро — можно было не только вопить от восторга, но и любоваться открывшимся видом на весь парк, Невку и дома на ее берегах.

— Ну как тебе? — принялся Паша расспрашивать своего товарища, когда их кресла остановились внизу, а «хомуты» поднялись вверх. — То ощущение, которое было в самой верхней точке, до того, как начинаешь падать — это самая настоящая невесомость! Ничего подобного ты нигде больше на Земле не испытываешь — только в космосе! Еще, говорят, во сне такое бывает, когда тела совсем не чувствуешь, но такого мне не снилось.

— Да, я понял, — улыбнулся Алексей. — Интересное развлечение...

Он не выглядел особо ошарашенным, и у Павла даже закралось подозрение, что его друг когда-то все-таки катался на подобных аттракционах и чувство свободного парения ему знакомо. Вот только зачем ему было обманывать? Разве что просто из вежливости — он ведь видел, что Паша очень хочет доставить ему удовольствие?

— А вон та конструкция всегда медленно вращается или тоже сейчас разгонится? — спросил вдруг Леша, указывая на колесо обозрения.

— Это — всегда медленно. Хочешь туда? — предложил Пожарский, вспомнив, что билеты на колесо стоят дешевле, чем на экстремальные аттракционы — денег на него должно было хватить.

После такой эмоциональной встряски спокойное величественное колесо обозрения казалось оптимальным вариантом. Он уселись в кабинке друг напротив друга и стали плавно подниматься.

— Леш, — задал Павел мучавший его все это время вопрос, свербевший внутри даже во время «свободного паления». — Что ты там с Григом говорил про его горе и обещание Зайчика?

— Печальная история, — покачал головой Алексей. — Его сын связался с этими вашими... ауешниками. Они его втянули в ограбление ларька. Он просто стоял, как это у них говорится, на шухере. А его дружки в это время зверски убили приказчика. Когда их поймали, они все свалили на него. Ему пожизненная тюрьма может выйти. А у Арутюна Леоновича нет таких денег, чтобы дать взятку сыщику, который это дело расследует. Вот наш с тобой знакомец господин Зайчик ему обещал похлопотать о сыне, подключить свои депутатский связи — если он его пустит в школу выступать. И что, ты думаешь, ваш директор ему на это сказал?..

Павел молчал, переваривая сказанное. Он вспомнил, что в десятом классе действительно учился сын Грига — высокий черноволосый юноша. Однако, поскольку между седьмым и десятым классом стоял почти непреодолимый возрастной барьер, с директорским сыном он ни разу не разговаривал.

— Да только Зайчик его обманул, — голос Алексея посуровел. — Главарь этой банды ему нужен — выполняет разную грязную работу для Игоря Савельевича, очень тому удобно. Поэтому Зайчик сыщика «подмазал» — но чтобы тот все свалил на сына господина Григоряна.

— Но это же подло! — взвился Паша.

Алексей пожал плечами.

— А Зайчик именно подлец. Ты ведь и сам это знаешь.

Пожарский осекся, вспомнив вдруг про подаренный ему нож. Алексей поглядел на него с пониманием.

— Вот ты думал, что ваш Григ плохой, взятку взял. А оно вот так оказалось... Нельзя людей судить сразу. Вообще людей осуждать нельзя.

— А как же Зайчик? — поднял лицо Павел.

— Тут другое дело — он враг. Даже не он, а то, что сидит в нем... Не твой враг лично, а всего доброго, что есть в мире. Но все равно не наше дело его карать — пусть его закон карает. И даже у него есть возможность стать лучше. Маленькая, правда, очень маленькая... А так — все мы совершаем поступки, которых потом стыдимся.

Мальчики были в самой высокой точке подъема.

— Красиво тут у вас стало, — вздохнул Алексей.

Они любовались городской панорамой — парком, блестящими протоками и заливом, северными районами с телевышкой, похожей на устремленный в небо палец и похожим на гигантское НЛО новым стадионом.

— Арутюн Леонович ведь математик? — спросил вдруг Леша.

Павел кивнул.

— Меня учил арифметике и физике Эраст Платонович, наш дальний родственник,

очень хороший человек, — начал Леша. — Однажды папа подарил мне на день рождения игрушечного пса на колесиках — совсем как настоящего. А Эраст Платонович — настоящую будку для него. Мне тогда было лет десять, я очень хотел собаку, но мне не позволяли. С игрушечной я возился, конечно, но все равно донимал маму просьбами подарить настоящего щенка. Наконец ей это надоело, и она прислала ко мне специального врача по моей болезни, чтобы он объяснил, почему при ней нельзя играть с животными. Но я его не слушал — мне было очень обидно, что у всех есть собаки и кошки, даже у моих сестер, а у меня никого нет. И я велел врачу залезть в эту будку — он маленький был, щуплый, как раз поместился. «Если у меня не может быть собаки, вы будете вместо нее», — сказал я ему.

Паша фыркнул, но Алексей посмотрел на него строго:

— И ничего смешного. Я не должен был так делать. Когда об этом узнал Эраст Платонович, он сказал мне, что конура для собаки, а не для человека, и что если мне это непонятно, то он заберет конуру. «Считай, что я тебе ее не дарил», — сказал он. Мне было очень стыдно, я потом долго просил у врача прощения и больше так не делал никогда. А собаку мне потом подарили — когда я немного вырос и стал понимать, как с ней безопасно обращаться. И кот у меня тоже был потом...

Он немного помолчал, видимо, вспоминая своих питомцев, и Павел не стал торопить его.

— Страшно не поступать плохо, страшно не стыдиться этого, — продолжил затем Леша. — А Зайчик не стыдится.

Паше было нечего на это сказать. Он просто смотрел на город.

— А с Арсеном Григорьяном все будет хорошо, — снова начал Леша, и лицо его осветилось улыбкой. — Настоящий убийца раскается и признается на суде в своем злодействе. Арсену дадут условный срок. Я рад — их несчастному народу и так досталось лиха. Папа им сочувствовал очень.

Павел уже и не думал спрашивать, откуда его друг знает все это и как могла произойти невероятная история с врачом в будке — кажется, он уже это понимал...

— А чем ты болел в детстве? — спросил он Лешу, когда они выходили из парка.

— Гемофилией, — коротко ответил тот.

Пожарский лишь молча и задумчиво кивнул.

...День был настолько эмоционально насыщен, что Паша заснул, как только положил голову на подушку. И, конечно, к нему пришел новый сон — правда, на сей раз не совсем «про Лешу».

Поначалу было так темно, что мальчик толком ничего не видел. Он лишь чувствовал, что находится где-то на улице, как будто бы за городом, потому что его со всех сторон обдувал холодный ветер, и воздух при этом был свежим и чистым, непохожим на наполненный автомобильными выхлопами городской. В темноте с трудом можно было различить дорогу, чуть более светлую, чем все остальное, и медленно движущиеся по ней силуэты людей. Множества людей, десятков или даже сотен... В темноте, опять же, сложно было сказать точнее.

Пожарский стоял на обочине и смотрел, как они проходили мимо него. Поодиночке и небольшими группками, поддерживая друг друга, о чем-то тихо переговариваясь. Некоторые несли на руках детей, и не только младенцев, но и уже довольно больших — эти люди явно шли издалека, и все они успели страшно устать. Большинство с угрюмым видом смотрели

себе под ноги. Но каждый из них стремился куда-то вперед, и Паша невидимой для них тенью двинулся рядом с ними в том же направлении. Он шел по обочине, держась на расстоянии в пару шагов от остальных, достаточно близко, чтобы можно было слышать их негромкие голоса, но вскоре понял, что они говорят не по-русски. Языки, которые Павел учил в школе, английский и французский, ему тоже ничем не помогли — этого языка он не знал. Правда, где-то позади ему послышалась и русская речь, но она звучала так тихо, что до него донеслись только отдельные слова: «...еще верста или две... Ты должна дойти... Мы сможем...»

Паша замедлил шаг, чтобы оказаться поближе к тому, кто говорил по-русски, и еще раз попробовал приглядеться к бредущим по дороге измученным людям. То ли его глаза привыкли к темноте, то ли вокруг стало светлее, но теперь он стал видеть лучше и смог рассмотреть шедших рядом с ним путников. В первый момент ему показалось, что все они очень похожи друг на друга, чуть ли не на одно лицо — черноволосые, с густыми черными бровями, а мужчины еще и с такими же густыми усами, темно-карие глаза, носы с горбинкой... Совсем как у Арутюна Леоновича, сообразил вдруг Паша, только директор, пожалуй, не такой смуглолицый, как эти люди. Хотя и среди них вроде бы были белокожие, если, конечно, он хорошо разглядел их при таком слабом свете.

Но вокруг и правда было уже не так темно, как в первые минуты этого сна. И чем больше проходило времени, чем дальше Павел шел по дороге, глядя на не видящих его попутчиков, тем лучше ему были видны их лица. Посеревшие от усталости, испуганные, а порой словно бы безразличные ко всему... И вовсе не одинаковые. Теперь Пожарский прекрасно отличал их одно от другого — несмотря на многие сходные черты, каждое из лиц обладало и индивидуальными. Даже волосы не у всех были черными — оглянувшись назад, мальчик заметил двух довольно светлых мужчин, один из которых нес на руках маленькую девочку-шатенку.

Павел еще больше замедлил шаг, пропуская эту странную процессию вперед и приглядываясь к каждому обгонявшему его человеку. Мальчик надеялся, что еще кто-нибудь заговорит по-русски и он сможет понять, кто все эти люди и куда они идут по ночной дороге, но теперь все путники либо молчали, либо шептали что-то себе под нос на своем языке, так что о цели их путешествия можно было только догадываться. Ясно было лишь одно: они идут откуда-то издалека, они провели в дороге уже не один день, и все они в буквальном смысле слова падали с ног от усталости. Никто не тащил с собой много вещей — у некоторых были небольшие свертки в руках или мешки за спиной, а часть людей и вовсе ничего не несли. Зато все больше путников подставляли плечо идущим рядом женщинам или старикам — и двигались дальше, сгибаясь под их тяжестью.

Позади всех с трудом ковыляли, опираясь на палки, несколько особенно ослабевших пожилых людей. Они заметно отстали от остальной группы, и в первый момент, когда Павел увидел их, ему показалось, что она них никто не обращает внимания и что они могут окончательно отделиться от других и затеряться в темноте. Но нет — те, кто шел впереди них, постоянно оглядывались на отстающую группу, а когда расстояние между ней и остальными стало особенно большим, к ним направились двое мужчин помоложе. Они подхватили под руки с двух сторон одну из сгорбленных женщин в черном платке и повели ее вперед, помогая ей идти быстрее. Она быстро заговорила — и без знания языка нетрудно было понять, что ей не хочется быть обузой и что она обещает попытаться идти самостоятельно. Но ее не слушали. Один из мужчин крикнул что-то шедшим впереди, и к

отстающим заспешили еще несколько молодых людей и девушек, которые тоже принялись помогать ослабевшим, чуть ли не взваливая их себе на спину.

Паша невольно приблизился к ним почти вплотную — вдруг на этот раз у него получится самому стать частью сна и тоже помочь кому-нибудь? Но путники по-прежнему смотрели сквозь мальчика, явно не видя его, а когда он попытался дотронуться до одного из них, его рука словно натолкнулась на невидимую преграду. Он мог только смотреть на происходящее, не способный вмешаться и изменить что-нибудь.

Убедившись, что от группы никто не отстал и что более сильные не потеряли по дороге никого из слабых, Пожарский побежал по обочине вперед — раз уж он не мог никому помочь, стоило хотя бы посмотреть, куда же идут все эти люди. Обогнать процессию было несложно: теперь она шла еще медленнее, чем когда мальчик увидел ее впервые. Да и видно теперь все было намного лучше. Паша больше не сомневался, что все это происходит ранним утром, перед рассветом, потому что темнота вокруг постепенно сдавала свои позиции и небо над головами путников, изначально бездонно-черное, теперь посерело. А еще впереди появился какой-то свет — теплый, красновато-оранжевый. Павел сперва принял его за восходящее солнце, но, пройдя еще немного вперед, понял, что там просто горят костры. До восхода, скорее всего, оставалось уже немного времени, но пока еще солнце скрывалось за горизонтом, а ночь уходить не спешила.

Света костров хватало только для того, чтобы впереди можно было разглядеть несколько человеческих силуэтов, небольшую постройку позади них и какой-то столб. Все это медленно выплывало из темноты, приближаясь, обретая все более четкий вид. Стало видно, что столб раскрашен черно-белыми полосами в елочку, а наверху ее изображен двуглавый орел...

— Застава, в ружье! Всем стоять! Здесь граница Российской Империи! — громко произнес один из стоящих возле столба людей в зеленых фуражках, взявших винтовки наперевес. — Показать бумаги!

Первые ряды дошедших до границы людей остановились, остальные, растянувшиеся на десятки метров, из последних сил ускорили шаг. По рядам пробежал громкий шепот — путники передавали друг другу слова пограничника. Некоторые полезли в свои заплечные мешки или за пазуху, доставая оттуда помятые бумаги, но большинство обеспокоенно завертели головами и начали что-то спрашивать у тех, кто шел рядом с ними.

— У меня нет паспорта, я Григорян, Армен Григорян! — заговорил по-русски один из остановившихся перед шлагбаумом путников. — Здесь у многих нет паспортов.

Акцент у него был точно такой же, как у Арутюна Леоновича, когда тот сильно волновался. Человек сутулился от усталости и поначалу показался Павлу взрослым и даже не очень молодым мужчиной. Но голос у него был совсем юным, и внезапно Пожарский понял, что его просто старят усы и густая черная борода, а на самом деле этот парень ненамного его старше.

— Без паспортов пустить никак невозможно... — строго начал один из пограничников, явно старший, но к нему внезапно обратился один из его подчиненных:

— Господин вахмистр, указ же зачитан государя императора: армян пропускать... Они же тоже во Христа Иисуса веруют, а их там турки режут.

— Рядовой! — рявкнул вахмистр, но затем продолжил тоном ниже. — А как ты, дурик, узнаешь, что они армяне, а не турки? Война идет, солдат, они все время шпионов к нам засылают...

Он немного помолчал и зычно обратился ко всей заставе:

— Служивые, кто по-армянски понимает?

— Ммм... — неопределенно протянул кто-то из темноты. — Я слегонца знаю. Девка у меня была армянская...

Один из беженцев слегка хлопнул своего молодого товарища, говорившего по-русски, по плечу и о чем-то спросил его — наверняка интересовался, о чем говорят охраняющие границу люди. Парень, не оборачиваясь, бросил какую-то быструю фразу, и остальные армяне начали передавать ее дальше, тем, кто только что дошел до заставы и еще не понял, что происходит. Пара минут — и гул голосов, прокатившийся по этой группе людей в одну сторону, вернулся назад искаженным эхом: испуганными и умоляющими возгласами, резкими выкриками, тихим плачем...

— Нас же обещали пустить! — послышался откуда-то из дальних рядов женский срывающийся на рыдания голос. — Мы не можем вернуться, там нас убьют!

Настала тяжелая тишина. Беженцы, опустившиеся прямо на землю, сидели или лежали молча — даже те, кто сперва не смог удержаться от слез, заставили себя успокоиться и больше не показывали ни малейшей слабости.

— Мы из Эрзерума, — снова заговорил по-русски оставшийся стоять Армен Григорян, — Нас предупредили в последний момент, что турки уже близко, пришлось сразу бежать, никто даже вещи собрать не успел. Мы знаем, что ваш император Никогос обещал защитить нас...

— Докажи, что из Эрзерума! Как мне тебя от басурмана отличить? — резко повернулся к нему неуступчивый пограничник, и лицо молодого беженца вспыхнуло от гнева. Он взмахнул рукой, словно собираясь ударить стражника, но в последний момент сдержался и резким движением рванул ворот своей рубашки.

— Вот чем мы отличаемся! — за землю полетела оторвавшаяся пуговица, а пальцы юноши сжали висевший у него на шее крошечный металлический крестик. — Вот, смотрите! Мы тоже христиане, как и вы!

Парень дернул за крестик, и тонкий шнурок, на котором он висел, тоже порвался, позволив армянину поднять его высоко над головой.

— У нас есть... как они называются по-русски? — молодой человек оглянулся на своих соотечественников, которые теперь не спускали с него полных надежды глаз. — У каждого из нас есть хач! — крикнул он еще громче, показывая пограничникам крест, а потом снова посмотрел на остальных армян и произнес несколько слов на своем родном языке.

Павел, не понимая по-армянски, только слышал, что последним словом в этой короткой фразе было все то же слово «хач».

И снова по рядам сидевших вдоль дороги людей пробежала волна шепота — каждый спешил передать соседу слова переводчика. «Хач... хач...» — шелестели их голоса и шуршала одежда, из-под которой они доставали маленькие нательные крестики. Кто-то аккуратно снимал их через голову, кто-то спешил и разрывал запутавшийся в волосах шнурок...

— Застава, отбой! — раздался зычный голос вахмистра. — На пле-ечо!

Стражники вскинули винтовки стволами вверх. Вахмистр шагнул в сторону от дороги и сделал знак одному из своих подчиненных, стоящему около полосатой будки.

— Проходите! — прозвучал в тишине его голос. — Не толпитесь только, всех пропустим, у кого крест.

Шлагбаум плавно взлетел над дорогой.

— Хач! — повторил переводчик и двинулся в сторону костров, подняв свой крестик еще выше. Его товарищи по несчастью, один за другим поднимались на ноги, помогая друг другу, и длинной вереницей направились следом за ним, пересекая невидимую черту, разделявшую два государства.

— Хач! Хачик! — повторяли они, проходя мимо русских пограничников и показывая им свои крестики, а затем снова поднимая их как можно выше, словно стремясь показать их всей стране, которая спасла их жизни.

Первые лучи показавшегося, наконец, из-за горизонта солнца загорелись на этих крестиках яркими огоньками.

В субботу был урок истории в этнографическом музее. Послушав рассказы учительницы про крестьянскую культуру народов России в XVII веке, подкрепленные лицезрением соответствующих экспонатов, Павел распрощался с одноклассниками и в одиночестве пошел домой пешком — на сегодня учеба закончилась.

Выйдя по Михайловской на Невский, он пораженно остановился. Главная улица города была перекрыта, а со стороны Дворцовой прямо по свободной от машин проезжей части, под пение множества голосов и перезвон неведомо откуда взявшихся колоколов, двигалась огромная пестрая толпа. Мальчик застал самое начало многотысячной процессии. Впереди шло много духовенства в золотистых облачениях, во главе в центре несли икону Богородицы в тяжелом киоте. Одного из держащих ее Паша, кажется, где-то видел — да, точно, рыжебородый депутат Госдумы в очках, часто мелькавший в телевизоре. Он, почему-то, тоже был в облачении.

«Сегодня же этот... да, крестный ход Александра Невского», — вспомнил Павел.

Таких шествий он еще никогда не видел. Толпа была совершенно спокойной и какой-то величавой. Над толпой в солнечном свете сияли золотые кресты, мерно колыхались яркие хоругви, раздавалось пение молитв. Священники в ризах и монахи в черных развевающихся одеяниях шагали впереди. А за ними — обычные люди, горожане, которых мальчик ежедневно встречал на улицах. Но лица их изменились — в них почти не осталось озабоченности, напряжения, а часто и злобы, обычных в городской суете. Кто-то отрешенно улыбался, кто-то сосредоточенно шевелил губами в такт молитвенному пению, кто-то был погружен в себя и задумчив. Но все эти лица были... Да, они были светлыми.

Большинство этих людей были в повседневной одежде — лишь на головах многих женщин были платки, которые в обычное время на улицах почти не видно. Но мелькали и празднично разодетые, и казаки в разнообразной форме и папахах, шла группа детей в национальных кавказских костюмах, кажется, грузинских. Было и много военных с наградами на груди. Кроме многочисленных развевающихся над головами людей триколоров, Паша заметил в толпе два или три имперских черно-желто-белых стяга с двуглавым орлом.

Неким глубинным восприятием мальчик ощутил, что величественная эта процессия — каждый человек в ней — четко знает, куда идет, какова ее конечная цель. И что она будет двигаться к ней, что бы ни стояло у нее на пути.

А кое-что там-таки стояло. Вернее, не на пути — это бы пресекла охраняющая шествие полиция, а по тротуарам. Помимо многочисленных зевак, там были и люди с плакатами. Они сохраняли между собой приличную дистанцию, но, как убедился Павел, пройдя метров пятьсот в сторону площади Восстания, их было довольно много. Кто-то был в модных шмотках, другие производили впечатление опустившихся маргиналов, третьи вообще представляли из себя нечто непонятное, неопределенного пола. Но у всех были очень схожие выражения лиц — смесь глумливой насмешки и едкой злобы. Некоторые показывали участникам крестного хода непристойные жесты.

«Мракобесие в культурной столице не пройдет!», «Долой опиум для народа!», «Александр Невский — предатель России!», «Черт с вами, Мефистофель — с нами!» — гласили плакатики. Была тут и строчка из любимой песни депутата Зайчика: «Не будем

жить во мраке, глотая горький дым!» Один худосочный юнец с радужным значком на груди и розовыми волосами держал даже лозунг: «Идите вы с вашим ходом на..!» Однако этот плакат довольно скоро отобрали полицейские, а брыкающегося юнца утащили.

Идущие, впрочем, по большей части попросту не обращали на протестующих внимания, продолжая двигаться к своей цели.

«Легок на помине», — подумал Павел, увидев Зайчика.

Тот, облаченный в свою «митинговую» одежку, суетливо перебежал от пикета к пикету, часто вступая в пререкания с полицейскими, которые проверяли у протестантов документы и пытались выхватывать наиболее одиозные плакаты.

— Это одиночные пикеты, — донесся до Паши возмущенный голос депутата, — на них не нужно согласование! Люди мирно выражают свой протест против мракобесия и клерикализации, оставьте их в покое!

Пожарскому совсем не хотелось встречаться с Зайчиком, поэтому он предпочел смешаться с толпой. За головой процессии колонна расширялась и стала уже захватывать тротуары, вытесняя оттуда зевак и оплакаченных протестующих. Те сворачивали свои лозунги и скрывались в боковых улицах.

Сам того не заметив, Павел оказался внутри колонны и теперь шел вместе с ней. И ему казалось это правильным. Наверное, он так и дошел бы вместе с этими людьми до их таинственной цели...

— Давай-ка уйдем отсюда, — раздалось у его правого плеча.

Обернувшись, Паша с радостью, но без всякого удивления увидел идущего рядом с ним Лешу с «имперкой» на груди.

— Привет! — улыбнулся он другу. — Ты должен был тут быть!

Алексей серьезно кивнул.

— А зачем уходить? — с недоумением спросил Павел. — Пошли дальше. Круто же!

Леша покачал головой.

— Не хочу, чтобы этот господин нас видел, особенно вместе, — он кивнул головой на размахивающего руками в отдалении Зайчика. — Еще рано. А глаза у него острые.

Паша поглядел на друга с сомнением — ему было хорошо и хотелось идти и идти дальше.

— Поверь, ты еще вдоволь находишься... под крестом, — грустно улыбнулся Алексей. — Пошли!

Безоговорочно доверяющий другу Пожарский стал протискиваться за ним из движущейся толпы. Это было непросто.

Выбравшись, они нырнули на Садовую, а потом пошли по Итальянской, в противоположную ходу сторону.

— Молодцы вы, что снова стали по Невскому к Великому князю ходить... — заметил Алексей.

Но Паша все это время думал про другое.

— Зачем они это делают? — спросил он, имея в виду протестующих с плакатами. Он и правда не понимал — ему казалось, что величественная красота этого шествия в центре города для всех должна быть очевидна. Откуда же столько злобы к нему?..

— А для них все это глупый цирк, — пояснил Леша, как всегда, прекрасно понявший не только о чем друг спросил, но и что он об этом думает.

— Но видно же, что никакой не цирк, все серьезно и очень... правильно! — горячился

Павел.

— Это для тебя, — отвечал Леша. — А ты можешь объяснить, почему считаешь это правильным?

Мальчик задумался. Пожалуй, объяснить ему было бы трудновато. Но он попытался:

— Ну... это красиво. Поют хорошо, и звон какой-то... радостный. Люди идут... не злые. Они это для себя хотят делать, им самим это нужно, и они понимают, зачем идут...

— А тем, кто стоял с плакатами, кажется, что это очень уродливо и даже жутко, пение и перезвон их тревожат, а про этих людей они думают, что они или глупые, или их туда согнали насильно, — подхватил Алексей.

— Но почему?! — вырвалось у Павла.

Леша пожал плечами.

— Если я тебе скажу, что этими протестующими руководит злая сила, которой они не ощущают, но которая ими владеет, ты же не поверишь, наверное? — спросил он в свою очередь.

Пришла пора пожать плечами Павлу.

— Не знаю... — протянул он. — Трудно поверить. Я не понимаю...

Алексей кивнул.

— Ты собак бьешь? — неожиданно спросил он.

— Нет, конечно! — ошеломленно отозвался Паша.

— А почему?

— Ну, они же живые, за что их бить? Что они мне сделали?..

— А ты знаешь людей, которым нравится бить собак? — продолжал допытываться Алексей.

Павел задумался, и понял, что знает.

— Да... — ответил он. — В детстве. До школы еще и в первом классе. Мы тогда жили в другом районе, в «спальнике»... Был парень, немного постарше меня, я с ним дружил, даже равнялся на него, думал, он герой. Он завел пса, возился с ним сначала... Но и бил часто. А потом пес... Зяма его звали... пропал. Я Юрку спросил, где он, а тот ответил... Он ответил, что повесил его. И так спокойно, с улыбкой, будто так и надо... Я потом не то что дружить, смотреть на него спокойно не мог.

— И правильно сделал, что перестал дружить — это другой человек, не такой, как ты, — кивнул Алексей. — Он действительно искренне думал, что ничего плохого не сделал. Потому что собака же не просто живет, сама по себе — он уверен, что она для него живет. И умирает тоже для него, если он вдруг захочет ее убить. Он и человека потом убьет — потому что и к людям относится точно так же.

Леша немного помолчал, а потом продолжил:

— Это не их мысли — эти люди могут быть умными или глупыми, неважно. Но вот это зло — оно не в их мыслях, а в их... В общем, гораздо глубже. Поэтому переубеждать их бесполезно, потому что для них бить собаку это правильно — а на что еще собака нужна?.. Начнешь переубеждать, они просто решат, что ты дурак, и станут над тобой издеваться.

— Как те люди с плакатами?

— Как те люди с плакатами, — кивнул Алексей. — Для них такая красота и правильность непонятны, они другое красивым считают, то, на что ты даже смотреть не захочешь. Не все, конечно, есть просто очень молодые и глупые, а есть такие упрямы, которые вообще ничему в жизни не верят. И все они очень несчастные люди, хотя редко об

этом подозревают.

— А помочь им как-то можно?.. — вырвалось у Павла.

— Для людей это невозможно, — покачал головой Алексей и снова сделал небольшую паузу, после чего продолжил:

— Страшно не когда они поодиночке. Тогда с некоторыми из них даже бывает интересно поговорить, да и ведут они тогда себя более... по-человечески. Но вот когда они договариваются между собой, сбиваются в большую толпу, ставят себе какую-то цель и начинают ее добиваться... Тогда, обычно, во главе их становятся совсем уж дурные люди. Совсем темные, гиблые. И это очень страшно бывает.

— Как митинг на Исаакиевской? — спросил Паша.

— Да, но там было не очень страшно — они там просто разминались. Бывает гораздо хуже...

И вновь Павел не стал спрашивать, откуда его друг знает все эти вещи. Он вышел на канале Грибоедова, и Спас на Крови предстал перед ними во всей своей изощренной красоте. Паша привычно отметил, что Алексей перекрестился на храм, и они двинулись по набережной к Марсову полю.

— Ты же знаешь, что тут убили моего... убили царя? — спросил Леша.

— Александра Второго, кажется, — ответил Павел, пропустив мимо ушей оговорку друга.

— Да, — кивнул тот. — И его убили вот такие же иные люди, сбившиеся в организацию с умными главарями.

— За что? — спросил Паша.

— За то же, за что твой бывший друг убил собаку — потому что они считали, что всех царей надо убивать. Они и теперь так считают...

— Но у них же какие-то политические идеи были, — стал вспоминать Пожарский. — Свобода народу, земля крестьянам...

Алексей лишь махнул рукой.

— Ну и как всем этим целям помогло то, что они взорвали царя, освободившего крестьян?.. Нет, Паша, они убили ради того, чтобы убить, у них вера такая была — если убить царя, сразу все, как по волшебству, изменится.

— Но ведь не изменилось же? — полувопросил Павел.

— Нет, — ответил Леша, — не изменилось. Вернее, для них стало еще хуже. Один из злодеев при взрыве сам погиб, а остальных потом повесили. Не всех, правда. Вот один из них — он сам к бомбам был непричастен, но много писал в подпольных газетах, что царя надо убить — долго потом в Петропавловке сидел. Все жаловался, что его одной курятиной кормят, а ему очень хотелось говядины... Вышел потом на волю, жил долго еще.

Павел промолчал, переваривая сказанное другом. Они дошли до уже пожелтевшего и почти пустого Марсова поля и сели на скамейку.

— Когда-то здесь парады были, красивые, — заметил Алексей, оглядываясь. — Тогда тут все совсем иначе было... И мертвецов не закапывали.

Паша вздрогнул, осознав, что они и правда находятся на большом кладбище. Они долго сидели молча, вдыхая чуть припахивающий тленом прохладный воздух осени.

— Леш, — спросил наконец Пожарский, — я все равно не понимаю, почему они думали, что, убив царя, что-то изменят. Ну вот, скажем, можно убить президента, вон в Америке Кеннеди убили. А что изменилось?.. Только человек умер. И тут тоже...

— Я же сказал: у них вера такая: если пролить кровь, все поменяется, — ровно ответил Алексей. — Как у язычников, которые богам кровавые жертвы приносят. А царь — в центре всего, понимаешь? Большинство людей думает, что, вот, сидит царь на золотом троне и ничего не делает, а его всякими вкусностями кормят. Но ведь на деле от него зависит все, что в стране происходит. Многие не понимают, что такое власть. Вернее, вот такая власть — огромная. Мелкую власть они знают, и им она нравится. Но совсем другое, когда ты отвечаешь за все, когда ты на самой вершине. Это как в горах, очень высоко — там ведь холодно, мало воздуха и страшно. А ты один. И царь один, потому что выше его никого в этом мире нет. Разве что семья, но и она ниже его, и вся ответственность за страну только на нем. Многие от этого сходили с ума, становились тиранами. Но среди царей таких было немного. Знаешь, почему?

Павел вопросительно уставился на друга.

— Потому что они с самого рождения... да, наверное, еще до рождения знают, что их ждет и что от них требуется. А вот когда царя убивают — это ведь часто случается, и не только во время революций — убившие его думают, что теперь будет править народ. Но власть так устроена, что на самый верх все равно садится кто-то — один или несколько человек, но всегда очень мало — от кого все зависит. И вот эти становятся тиранами очень часто — потому что не готовы. Каждый простой человек думает, что трон царя из золота и очень удобный. Но каждый наследник царства знает, что он из острого железа и на нем очень трудно сидеть. Можно порезаться или даже умереть.

— Как в «Игре престолов»? — спросил Павел.

— Да, что-то вроде, — кивнул Алексей. — Автор этой книги...

«Сериала», — хотел поправить Павел, но вспомнил, что он и правда снят по книге.

— ...он ухватил самое главное: его герои стремятся к трону, забыв о том, что сидеть на нем — не привилегия, а долг. И гибнут от этого. Так что, Павел, быть царем — это тяжелая ноша, — заключил Леша, пристально посмотрев в лицо друга.

Паше на мгновение стало жутко — настолько недетским был этот суровый взгляд. Но лицо Алексей мгновенно опять прояснилось, и он снова стал тем, кем казался — симпатичным и живым подростком.

— Слушай, а пошли в Петропавловку! Давно там не был, — весело предложил он.

— Пойдем, конечно, — сразу согласился Паша, обрадованный, что друг перестал вести эти тревожащие речи.

Но тут в кармане у Пожарского запиликал телефон.

— Павлик? — раздался в трубке голос, от которого мальчик скривился.

Это был Зайчик.

— Да, — ответил Паша, даже не подумав спросить, откуда депутат знает его телефон. Это уже было неважно.

— Я, кажется, видел тебя на крестном ходе, — продолжал Игорь Савельевич. — До меня доходило, что они сгоняют по школам и учителей, и учеников. Это омерзительно!

— Нет, я сам туда пришел, — довольно холодно ответил мальчик.

— Ну хорошо, — сразу же перестроился депутат, — твои взгляды — это твои взгляды... Скажи, пожалуйста, ты говорил обо мне с мамой?

— Да, — ответил Павел, — но она не очень хорошо к этому отнеслась.

Зайчик помолчал в трубку, а потом снова заговорил о другом:

— Помнишь, я хотел тебе показать свою коллекцию? Так вот, я готов. Может, зайдешь

ко мне на следующей неделе?

Павел сразу же хотел резко отказаться, хотя ему, конечно, очень хотелось посмотреть на Зайчиковы клины. Но, бросив взгляд на Лешу, он увидел, как тот кивнул.

— Хорошо, — ответил он Зайчику, удивленно глядя на друга, — спасибо.

— Вот и отлично! — радостно отозвался его собеседник. — Я тебе перезвоню на следующей неделе, и назначим день. Пока, приятно было с тобой поговорить.

— До свидания, — ответил мальчик, и депутат повесил трубку.

— Леш... — начал Паша, но друг прервал его.

— Так надо, Павел, — тихо сказал он. — Время приближается...

И опять Пожарского охватило странное чувство — ему и хотелось расспросить друга, что тот имел в виду, и что-то мешало сделать это. Пока они шли к его дому, он несколько раз порывался все-таки задать Алексею хоть один вопрос, но почему-то так и не сделал этого.

«Что может приближаться? И как это связано с Зайчиком?» — мысленно спрашивал мальчик себя весь вечер, почти не слыша, о чем с ним говорят родители. Он вдруг ощутил себя не просто питерским семиклассником из обычной семьи — его охватило чувство причастности к чему-то огромному. Он стал его частью, и все его действия и даже мысли стали частью грандиозных процессов. И Павел даже понимал, что это такое — это была история его страны... даже всего мира. С этим потрясающим ощущением он и заснул.

Новый сон об Алексее был еще более реалистичным, чем предыдущие. В нем не только все было очень четко видно, не только были прекрасно слышны все звуки — к этому добавились и другие ощущения. Паша стоял на недавно выпавшем чистом снегу возле каких-то невзрачных деревянных сарайчиков и чувствовал свежий морозный воздух, понимал, что на улице зима и что если он слишком задержится здесь, то замерзнет. А еще до него доносились разные запахи — откуда-то тянуло дымом, подгоревшей едой и еще чем-то странным, непривычным для городского жителя.

Из-за угла ближайшей постройки доносились чьи-то голоса, сопровождавшиеся другими звуками, тоже не знакомыми Пожарскому. Хотя нет, когда-то давно он слышал нечто подобное... Когда его отец решил сам сколотить кухонные табуретки и весь день пилил на кухне доски, а потом они с Пашей вместе стругали их рубанком.

Мальчик прошел мимо сарая, с удивлением обнаружив, что слышит еще и скрип снега у себя под ногами, и осторожно выглянул из-за угла. Так и есть — за сарайчиком стояли грубо сколоченные деревянные козлы, а на них лежало бревно, которое пилили двуручной пилой подросток и взрослый бородатый мужчина в длинных пальто и высоких меховых шапках. В подростковом Пожарский уже без труда узнал своего друга Алексея — если не считать старинной одежды, он выглядел точно так же, как и во время их встреч. И лицо мужчины было ему явно знакомо...

Оба они были сосредоточены на работе. Взвизгивала пила, сыпались на снег желтые опилки. Шапка Алексея съехала набок и, казалось, вот-вот свалится с его головы. И ему, и его напарнику, в отличие от Паши, не было холодно — наоборот, лица их покраснелись, и мальчик не удивился бы, если бы они расстегнули свои пальто.

— Ты не устал? — спросил мужчина Алексея. — Может, достаточно на сегодня?

Подросток в ответ резко замотал головой:

— Нет, я хорошо себя чувствую. Могу еще десяток бревен распилить!

Он оглянулся на прислоненные к стене еще одного строения березовые бревна, но

теперь настала очередь мужчины отрицательно качать головой:

— Десяток мы все равно не успеем, тебе скоро надо будет идти на урок.

— Ладно, тогда допилим хотя бы это... — ответил Алексей, не скрывая своего разочарования.

— Знаешь, я очень рад, что тебе это нравится, — улыбнулся его собеседник. — Что ты тоже любишь почти все мои любимые занятия.

— А как же иначе? — улыбнулся в ответ подросток. — Правда, я вот фотографирую не очень...

— Не страшно, зато Настя это дело очень любит...

Пила вжикнула еще пару раз, и от лежащего на козлах бревна отвалился отпиленный кусок. Алексей с довольным видом поднял его и положил рядом с другими такими же чурбаками.

— Беги теперь на урок, — сказал ему мужчина, прислоняя пилу к пока еще не распиленным бревнам. — Завтра еще поработаем — надеюсь, нам позволят...

Оба, не сговариваясь, посмотрели куда-то в сторону, и, кажется, от их приподнятого настроения тут же не осталось и следа. Пожарский тоже повернулся в том направлении и увидел небольшой каменный дом, рядом со входом в который стояли двое мужчин с винтовками. Один из них не спускал глаз с Лешки и его собеседника, другой о чем-то разговаривал с вертевшейся рядом девочкой-подростком, в котором Павел, приглядевшись, узнал одну из сестер своего друга — Машу.

Алексей направился к дому, и Паша, как всегда, невидимый для героев его сна, двинулся за ним следом. Вскоре до него донесся звонкий Машин голосок:

— ...ей тоже передавайте привет, и сестре с родителями не забудьте. И пусть они все выздоравливают скорее!

— Ты и то, что у меня есть сестра, запомнила? — изумленно посмотрел на девушку ее собеседник.

Та в ответ тоже удивленно приподняла брови:

— Конечно, запомнила, а как иначе?

— Маша, батюшка сказал, чтобы мы шли на урок, — заговорил, подходя к ней, Алексей.

— Да, конечно, идем! — откликнулась его сестра, и они вместе вошли в дом.

Паша проскользнул в закрывающуюся дверь вместе с ними. Все трое оказались в полутемном коридоре, в который выходило несколько дверей, и Мария, шедшая впереди всех, заглянула в одну из них.

— Никого еще нет, — сообщила она брату и вернулась к входной двери, чтобы повесить рядом с ней на вбитый в стену гвоздь свой полушубок.

— Подождем, не страшно, — ответил ее брат, тоже снимая пальто.

Потом они вошли в комнату со стоящим посередине круглым столом и расставленными вокруг него стульями. Маша достала из шкафчика несколько книг и тетрадей и принялась раскладывать их на столе.

— Зачем ты знакомишься с охраной? — внезапно спросил ее брат, занимая один из стульев. — Правда думаешь, что им нужно твое сочувствие?

Мария растерянно посмотрела на него — этот вопрос явно поставил ее в тупик.

— Не знаю... — протянула она неуверенно. — Я же всегда так делала, помнишь? Всегда беседовала с нашими охранниками, они любили о себе рассказывать и так радовались, когда я на следующей встрече вспоминала, о чем мы говорили... Вот и сейчас я так же... по

привычке... Что в этом плохого?

— Плохого — ничего, просто есть разница между теми охранниками и этими... — подросток покосился на окно и немного помолчал, так и не найдя подходящего слова. — Те нас защищали, эти следят, чтобы мы не сбежали.

— Ты думаешь, это глупо, да — беседовать с ними по-дружески? — с сомнением уточнила девушка.

— Да нет, беседуй, раз тебе хочется, — не стал спорить Леша. — Хотя это выглядит несколько странно...

— Странно? — переспросила Мария и на мгновение задумалась. — Да, наверное. — У них ведь у всех тоже есть семьи, есть родные люди. У одного — жена с детьми, в другого — старые родители с сестрой. И они их любят, беспокоятся за них, скучают, потому что давно их не видели! Я сначала не понимала, как это возможно — уметь так сильно ненавидеть, как они ненавидят нас, и в то же время уметь любить. Но получается, что бывает и такое...

— Бывает, — с серьезным видом кивнул Алексей. — Я тоже сперва удивлялся. Но это действительно есть в каждом человеке — способность любить, хотя бы самых близких. Может быть, почти в каждом... — добавил он уже менее уверенно, покосившись на окно. — Но в большинстве точно есть, иначе быть не может.

Маша хотела сказать что-то еще, но тут в комнату вошли остальные их сестры. Сначала Оля с Таней, которые принесли еще несколько книг и разложили их на столе, а потом и самая младшая, держащая на руках собачку — золотистого спаниеля, который тянулся длинным носом к ее лицу и пытался лизнуть ее. Татьяна, увидев, что Настя пришла на урок не одна, неодобрительно нахмурилась и собралась что-то сказать, но не успела — дверь снова открылась, и на пороге появился мужчина лет сорока с небольшим с изящными, загибающимися вверх усиками.

— Здравствуйте, мсье Жильяр! — повернулись к нему Алексей и его сестры, и мужчина ответил им теплой улыбкой:

— Добрый день, ваши высочества.

Паша не сразу сообразил, что сказано все это было по-французски. Этот язык им в гимназии преподавали всего два года, но, как оказалось, за это время он успел довольно неплохо его изучить — почти весь дальнейший разговор учителя с учениками был ему понятен.

— Мадемуазель Ольга, вы сегодня тоже с нами будете заниматься? — обратился Жильяр к самой старшей из сестер. — Я ведь правда уже научил вас всему, что сам знаю.

— Да, даже французским крепким выражениям, — вставила Настя, поглаживая свою длинноухую собаку.

Преподаватель со смущенным видом взял со стола один из учебников.

— Мсье Жильяр, я хотела бы все равно присутствовать на ваших уроках, чтобы продолжать практиковаться во французском языке, — ответила Ольга, делая вид, что не расслышала насмешки младшей сестры.

Но Настя не оставила попыток привлечь ее внимание.

— Ольга просто не хочет идти в спальню, ей там придется кровати застилать, сегодня ее очередь, — сообщила младшая сестра, заставив старшую уткнуться в первую попавшуюся книгу.

Татьяна, услышав это, нахмурилась еще сильнее.

— Оля, опять? — укоризненно заговорила она по-русски. — Мы же договаривались!

— Я после урока все сделаю, — пообещала Ольга, выглядывая из-за книги, после чего снова перешла на французский язык. — Так могу я присутствовать здесь, пока остальные занимаются?

— Конечно, ваше высочество, — ответил Жильяр, усаживаясь за стол и придвигая к себе еще один учебник.

Павел слушал их разговор и не мог избавиться от чувства «дежа вю». Он уже видел похожую сцену, когда одна из сестер подкалывала другую, а третья была недовольна ими обеими. С тех пор прошли годы, с тех пор их жизнь, судя по всему, изменилась самым страшным образом, но все они вели себя почти так же, как раньше. Пожарский не поверил бы в это, если бы не видел, что такое возможно, собственными глазами.

В дверь постучали.

— Входите! — отозвался учитель по-русски, и в комнату заглянула высокая и широкоплечая женщина в темном платье, белом переднике и накинутом на плечи вязаном платке.

— Прошу прощения, Петр Андреевич, — обратилась она к учителю. — Пришел Евгений Сергеевич, и он хочет сейчас осмотреть Алексея, потому что потом ему надо еще нескольких больных навестить.

— Конечно, пожалуйста, — с легким акцентом ответил по-русски Жильяр, после чего снова перешел на французский, обращаясь к Алексею. — Ваши сестры скажут вам, какое я дал задание.

Пашин друг закрыл свой учебник, поднялся со стула и, попрощавшись с учителем, направился к выходу. Пожарский двинулся за ним.

— Мсье Жильяр, вы все-таки не называйте нас больше высочествами, — услышал он голос Татьяны, выходя из комнаты.

Павел почувствовал дома напряжение еще накануне вечером. Мама была непривычно молчалива, на вопросы отвечала односложно и вскоре после ужина они с отцом ушли в свою комнату. Выходя поздно вечером в коридор, мальчик слышал неразборчивый разговор на повышенных тонах.

Когда Павел проснулся, отца дома не было. Это было не очень удивительно — он довольно часто работал на выходных, его пациенты требовали внимания в любой день. Странно было, что дома оказалась мама, которая в последний месяц все выходные сидела в муниципалитете. Но сегодня она туда не пошла и была она очень нервной.

— Ешь скорее, — бросила она сыну, накрывая на стол завтрак.

Павел недоуменно посмотрел на родительницу, но сел к столу и занялся омлетом с ветчиной и зеленью.

Трапеза прошла в полном молчании, лишь мама гремела кастрюлями, переставляя их в процессе уборки с такой яростью, словно они были оккупантами, которых во что бы то ни стало надо остановить на рубежах семейного очага. Она была бледна, глаза запали — похоже, мало спала ночью. Если спала вообще.

Павел уже понимал, что после еды последует неприятный разговор, и даже догадывался, о чем он будет.

Он не ошибся.

— Сын, нам надо поговорить, — решительно сказала мать, увидев, что он доел свой омлет.

Павел вопросительно поглядел на нее.

— Мне сообщили о твоём новом друге, — надтреснутым голосом продолжала Людмила Алексеевна.

«Ну конечно!» — обреченно подумал Паша.

До мамы стопудово должна была прийти эта информация — у половины членов муниципального совета дети учились в той же гимназии, что и он. А там слухи сновали, словно головастики в старой луже.

— Я ушам своим не поверила! — мама возвела глаза к потолку и бессильно развела руками. — И отец тоже не поверил. И не верит. Он вообще хотел, чтобы я ничего тебе не говорила. «Ну не может наш сын с уголовником связаться...»

Она произнесла это, пытаясь подражать отцовскому басу. Вышло плохо, а оттого еще более неприятно.

— Я не связывался ни с каким уголовником, — мрачно произнес Павел, опустив глаза в стол.

Мальчик понимал, что это заверение на маму не подействует. Он чувствовал, что ей было очень страшно, что это страх диктовал все, что она сейчас говорила.

— Молчи! — почти взвизгнула женщина, яростно взмахнув случившимся в ее руке кухонным полотенцем. — Ты себя сильно умным считаешь, но ты еще мальчишка безмозглый, ничего в жизни не видел, в людях не разбираешься!

— Мама!.. — почти крикнул возмущенный несправедливыми обвинениями Паша, но Людмила продолжала бушевать.

— Я с этими твоими ножами смирилась — думала, переберется и забросит их. Так он

от ножей к бандитам перешел! Что теперь, будешь с ними на людей нападать в подворотнях — с этими своими ножами?! Выброшу их к такой-то матери! А тебя запру и репетитора найму, чтобы на дому учил, пока ты в разум не войдешь!

Мама была в панике и не могла остановиться. С одной стороны, Павел это понимал, но с другой в нем стал возрастать гнев на родительницу. Как она смеет подозревать его в таких идиотских связях! Как она могла усомниться в его уме! И как она смеет так отзываться о Леше!..

— Сама найду этого твоего уголовника, все про него узнаю, посажу его на годы, если не перестанешь с ним встречаться! — продолжала бушевать Людмила Алексеевна.

— Мама!!! — взревел наконец не выдержавший Павел.

Впервые в жизни услышав от сына такой рык, женщина на секунду застыла в изумлении. А тот воспользовался этим перерывом и разом выпалил:

— Ты ничего не знаешь о Леше! Он... ты не знаешь, какой он... Он никакой не бандит, и никогда им не был. Тебе все наврали, пойми ты это!

Оправившись от изумления, мама вновь перешла в наступление:

— Откуда ты знаешь, что не уголовник?! Ты знаешь, кто его родители, где он живет, с кем еще дружит?..

Было видно, что ей действительно хотелось узнать обо всем этом от сына. Но тот вынужден был лишь пожать плечами, что вновь подтолкнуло мамин гнев.

— Вот видишь! — грозно возвестила она. — Он тебе ничего не говорит, а про тебя все знает. Манипулятор!

— Неправда! — в полном отчаянии закричал Павел, но Людмила Алексеевна только махнула на него рукой. По ее щекам текли слезы, которых она, кажется, не замечала. А Паша не мог на них смотреть.

— Мама, ну как ты не понимаешь!.. — беспомощно произнес он.

Это почему-то вновь вызвало у матери приступ ярости:

— Это ты ничего не понимаешь! Почему ты ни разу его к нам не привел? Он не хотел? Боится, что мы с твоим отцом на него посмотрим и сразу раскусим?!

Этого Паша вытерпеть уже не мог.

— Он не придет, потому что ты так к нему относишься! — прокричал он прямо в лицо матери, после чего развернулся и выбежал из квартиры.

В ярости он не видел, куда идет, а очнувшись, обнаружил себя на Сенной. Машинально сев на любимую скамейку, с которой открывался лучший обзор на толпу, он погрузился в мрачные мысли, изредка поглядывая на прохожих.

Ничего тут не изменилось: по-прежнему озабоченные раздраженные люди, себе на уме, часто подозрительные или странные.

Павел отвел глаза.

— Не сердись на маму, — услышал он рядом с собой знакомый ясный голос с четкой дикцией.

— Ну как на нее не сердится, — досадливо буркнул Паша, не испытав ни малейшего удивления от неожиданного появления Алексея. На самом деле, он и пришел сюда, скорее всего, потому, что бессознательно надеялся на эту встречу.

— Ты ее сын, она очень за тебя боится, — продолжал мягко настаивать Леша. — Моя такая же. Посмотрел бы та нее в моем детстве, когда я хворал... И послушал бы...

Он улыбнулся — слегка грустно.

Пожарский уже успокоился от одного его присутствия, но считал своим долгом продолжить порицать мать — он же заступался за своего друга, который сидел рядом с ним...

— Она не должна была думать, что я дурак и свяжусь с кем-то опасным, — упрямылся он.

Алексей тихо рассмеялся.

— Ты для нее всегда останешься неразумным ребенком. Даже когда у тебя собственные дети появятся.

Паша молчал.

— И потом, Павел, — продолжал его друг, — людям ведь свойственно, когда они смотрят на других людей, подозревать, что они хуже, чем есть. Иногда это правда, но чаще — нет. Твоя мама смотрит на тебя, и думает, что ты слабый и глупый. А ты про нее думаешь, что она несправедливая и ничего не понимает. Или вот эти люди...

Леша жестом показал на суетящуюся толпу.

— Кого ты видишь? — вдруг спросил он Пашу.

Тот вздрогнул — неужели друг знает и то, что он думает, когда сидит на этой скамейке? Знает, наверное...

— Людей, разных... Не очень хороших, в основном, — пришлось признать Павлу.

— Хочешь посмотреть на них моими глазами? — тихо спросил Алексей.

Паша нерешительно кивнул, понятия не имея, о чем говорит его друг.

И тут же увидел...

Вернее, сначала у него разом изменилось настроение. Он как-то мгновенно успокоился, его покинули недобрые и причиняющие боль, словно куски бесформенного раскаленного железа, мысли. Ясный свет воцарился в его душе, да и вокруг словно бы все осветилось.

Павлу казалось, что он видит этот спокойный тихий свет воочию. Он разливался везде, он был в людях. Мальчик видел встретившихся влюбленных и ощутил их радость от этой встречи. И любовь, и радость он видел в распростершей объятия молодой маме, к которой бежала, восторженно смеясь, ее маленькая дочь. И в малютке пульсировало это ослепительное белое счастье. И чистую радость видел он в сидящей на соседней скамейке совсем ветхой старушке, подставляющей морщинистое лицо мягкому сентябрьскому солнышку.

Радость эта воистину была зрима, она проявлялась, как индивидуальный свет этих людей — родственный заполнявшему собою весь мир.

Свет был во всех на площади. Но — в разной мере. В ком-то сиял ровно и ярко, в ком-то — прерывисто, словно факел на сильном ветру. А в ком-то едва теплился.

Но он был и в бегающих в поисках покупок женщинах, в неторопливо пьющих пиво мужчинах, и в полицейских оперативниках под прикрытием, и в уличных торговцах, и даже в карманниках, мелких мошенниках и наркоманах.

При этом Павел поразился, что видит и слабости и даже зло этих людей — во всех этого было немало, хотя тоже в разной мере у каждого. Вот мимо прошел человек, душа которого была совсем темна — словно старое, закопченное, очень грязное стекло. Павел вздрогнул, разглядев внутри этого стекла копошащихся червей алчной жажды насилия и крови. Однако даже в этих страшных глубинах едва мерцал угасающий, бессильный, но — свет.

— Этот погиб, — скорбно сказал Алексей. — Сегодня он умрет. Совсем... А вот она не умрет, — он указал на старушку с соседней скамейки, которая, казалось, вечно собиралась

подставлять свое старое измученное лицо ласковым лучам. — Уснет сегодня. Но не умрет.

Павел развернулся к другу и застыл. Теперь свет едва ли не ослепил его, хотя он странным образом видел в этом сиянии — и видел ясно — лицо Алексея. Хотя и оно изменилось чудесным образом — черты лица остались теми же, но стали какими-то... нездешними, величественно-мирными.

Правда, может, это всего лишь так упал солнечный свет, причудливо отраженный стеклами торгового центра?..

— Леша, ты... — пораженно прошептал мальчик.

— Все, хватит, — услышал он голос друга, словно бы доносящийся из безмерного далека. — Рано тебе, долго не выдержишь.

И Павел вернулся в свой старый, привычный серовато-тусклый мир.

Он ошеломленно затряс головой, приходя в себя.

— Что это было? — спросил он друга.

Теперь ему стало страшно.

— Не бойся, — сказал Алексей серьезно, — просто твоя... твоя душа еще непривычна к такому. А теперь... — Леша помедлил, словно вслушиваясь в некий воспринимаемый только им голос. — ...Теперь ты отведешь меня в гости к твоим родителям? — наконец спросил он со своей обычной улыбкой.

— Что?! — пораженно уставился Павел на друга.

— Твоя мама ведь хотела меня увидеть? Так давай я ей покажусь.

— Но... — Паша пытался лихорадочно сообразить, как реагировать на ситуацию, пока Алексей смотрел на него с доброжелательным любопытством.

— Давай, — решил, наконец, Пожарский, и вытащил из кармана телефон.

Голос матери был все еще напряженным, но чувствовалось, что она испытала от звонка сына великое облегчение.

— Ты где был?! — всполошенно затараторила она. — Мы с отцом до тебя дозвониться не можем уже два часа! Ты что телефон не берешь?!

Павел оторвал телефон от уха, поглядел на часы и похолодел. Они просидели здесь уже почти четыре часа, наступал вечер...

Леша улыбался.

— Прости, мам, — затараторил Паша, понимая, что сейчас главное успокоить ее. — Поставил в кино на вибрацию и включить забыл. Нет, нет, все хорошо. Даже прекрасно. Мама, а папа пришел уже? Мы сейчас с Лешей придем...

— С кем?!

— С Лешей, моим другом. Ты же хотела его увидеть? Он тоже хочет познакомиться...

— Приходите, — ответила мать после нескольких секунд молчания.

— Ага, минут через двадцать будем.

Павел окончил разговор и пристально посмотрел на друга.

— Паша, прости, — слегка склонив голову в знак извинения, произнес тот. — Ты же уже понимаешь, что со мной порой бывает... необычно.

— Уже понимаю, — медленно повторил за ним Пожарский.

И они пошли.

Всю дорогу до дома Павел пытался представить, как он будет знакомить своего друга с родителями, но у него ничего не получалось. Не скажешь же после всего, что он сегодня

видел: «Мам, пап, это Леха!» Нет, представить Лешу своей семье в такой обычной манере, простой и грубоватой, было невозможно. Так Паша делал раньше, когда пару раз приводил домой своих старых приятелей, но теперь все было иначе.

Знакомство с Алексеем должно было выглядеть как-то по-другому. Вот только как? Торжественно объявить: «Мой друг Алексей!», а потом назвать имена и отчества родителей? У Пожарского было какое-то интуитивное ощущение, что это было бы более правильным, но все же подобные церемонии были для него слишком непривычны. А если учесть, что мама считала Лешу малолетним бандитом, такое знакомство вообще показалось бы ей издевательством.

Они с Алексеем уже поднимались по лестнице, а Паша все еще не знал, что скажет родителям и что будет делать, если они встретят их не слишком дружелюбно.

— Да не переживай ты так! — внезапно шепнул ему шедший рядом друг. — Уверен, твои родители меня не съедят.

«Знал бы ты мою маму, не говорил бы так!» — мрачно усмехнулся про себя Павел и полез в карман за ключами. Впрочем, как знать, внезапно пришло ему в голову, может быть, Алексей и правда что-нибудь знал о его семье. Было же ему откуда-то известно, что случилось с сыном их директора!

Он потянул на себя дверь и пропустил своего товарища в маленькую прихожую, после чего проскользнул туда и сам.

— Мам, пап? — заглянул он в родительскую комнату. — Мы пришли...

Родители Паши сидели на диване и, как ему показалось, довольно напряженно о чем-то разговаривали. Наверняка обсуждали, как вести себя с гостем, и не могли сойтись во мнениях.

Людмила Пожарская первой вскочила с дивана и направилась в прихожую с таким решительным видом, словно там ее ждал не мальчик, а целая толпа политических противников. Ее муж поспешил следом, по дороге подмигнув сыну — дал понять, что в случае чего постарается разрядить обстановку. Как же Паше хотелось надеяться, что он сумеет это сделать!

Он так и не придумал, каким образом представить Лешу и родителей друг другу, и уже собрался пробормотать «Вот, познакомьтесь», когда гость, явно догадавшийся о его чувствах, взял это непростое дело в свои руки.

— Здравствуйте, Людмила Алексеевна, здравствуйте, Юрий Павлович, — сказал он, выходя навстречу хозяевам дома.

Павел не стал даже пытаться вспомнить, когда он назвал Алексею имена своих родителей — он прекрасно знал, что этого не было. Но то, что друг знал, как их звали, его не удивило. Это была далеко не самая странная вещь, касающаяся Лешки.

— Здравствуйте, молодой человек, — улыбнулся гостю Пожарский-старший, протягивая ему руку.

И вновь, как и при первом знакомстве с Пашей, Алексей как будто бы не сразу понял, что от него требуется. Помедлил, но потом ответил на рукопожатие, и на его лице тоже появилась улыбка.

— Очень рад с вами познакомиться. Павел мне о вас рассказывал, — произнес он своим обычным вежливым тоном, хотя младший Пожарский видел, что он смотрел на его родителей с искренним интересом.

— Добрый вечер, — холодно поздоровалась с новым знакомым мать Паши и жестом

пригласила всех на кухню. — Давайте чаю выпьем.

Сказано это было с таким суровым выражением лица, словно она не предлагала гостю чай, а приказывала принять участие в посиделках за столом. Леше такой тон, как показалось Павлу, был совсем непривычен, и он снова ненадолго растерялся, но затем, согласно кивнув, прошел в кухню:

— С удовольствием.

Людмила торопливо вбежала в кухню следом за своим сыном и его гостем, щелкнула кнопкой электрического чайника и полезла в висящий на стене шкафчик. Паша, видя это, бросился помогать ей — было ясно, что мать до последнего момента не собиралась ни поить его друга чаем, ни вообще обращаться с ним, как с гостем. Может быть, это Алексей повлиял на нее — так же, как он проделал это с Аругтюном Леоновичем? Павел покосился на своего товарища, который в этот момент как раз усаживался за стол. Нет, вряд ли, он ведь пока почти ничего не сказал, только поздоровался. «Значит, это папа сумел убедить маму не набрасываться на Лешку с порога», — решил Паша и бросил на отца быстрый восхищенный взгляд.

Выключился закипевший чайник, и старший Пожарский принялся разливать по чашкам с заваркой кипяток. Чаепитие получалось более чем скромным — из сладостей на кухне нашлось лишь несколько конфет и пакет сухек.

— Мы, к сожалению, не знали, что ты придешь к нам в гости, — сказал Юрий Павлович Алексею. — Паша нас в последний момент предупредил, а то бы мы тортик купили.

— Спасибо, все и так замечательно, — Леша размешал в своем чае сахар и аккуратно положил ложку на блюдце рядом с чашкой. — Я очень люблю простую еду, она всегда была гораздо вкуснее, чем наши обеды... У нас дома, я имею в виду.

Людмила Алексеевна одобрительно посмотрела на его ложку, а потом перевела взгляд на ложку Паши, которую он небрежно бросил на стол, и слегка нахмурилась.

— Нам бы хотелось узнать побольше о Пашином друге, — сказала она Алексею. — Ты ведь не в нашей школе учишься?

— Нет, я всегда дома обучался, — ответил гость. — Из-за того, что болел очень сильно.

Эти слова прозвучали так печально, что мать Павла поспешила сменить тему:

— Но теперь ты не болеешь? Раз тебя даже гулять по городу одного отпускают... Твоя мама не беспокоится?

— Нет, теперь уже не беспокоится, — подтвердил Алексей.

— Люда, хватит устраивать гостю допрос, — вмешался в разговор Юрий Пожарский. — Ты, Алеша, наверное, хочешь посмотреть Пашину коллекцию ножей? Он тебе уже ею хвастался?

— Я говорил... — пробормотал Павел, вспомнив о последнем прибавлении в своей коллекции и снова почувствовав жгучий стыд. В другое время он бы с радостью показал другу все свои ножи, но теперь... Младший Пожарский не сомневался, что когда Леша увидит подарок Зайчика, он обязательно начнет догадываться, что этот дорогой нож достался ему не просто так. И даже если сам Алексей ничего не спросит, Паша все равно ему все расскажет.

— Мне было бы очень интересно посмотреть твою коллекцию, — улыбнулся, тем временем, его друг.

— Ну а я, — вновь заговорила Людмила Пожарская, — это увлечение оружием не одобряю. Что хорошего в том, чтобы собирать опасные предметы?

— Мам! — простонал Павел, испугавшись, что сейчас им придется в очередной раз слушать долгие мамины рассуждения на ее любимую тему. — Я уже сто раз говорил — я их собираю не для того, чтобы... использовать их по назначению.

— Ага, сегодня ты их просто собираешь, завтра начнешь ими на партах разные словечки вырезать, а послезавтра на кого-нибудь нападешь! — отрезала мать, свирепо глядя при этом не на Пашу, а на его друга.

По ее расчетам, тот должен был либо начать защищать любовь к ножам, либо, наоборот, уверять, что его совершенно не интересуют «опасные предметы». Оба варианта означали бы, что слухи о нем верны и что Павел действительно связался с малолетним хулиганом.

Но гость не оправдал ее ожиданий.

— Людмила Алексеевна, вы правильно все говорите, оружие опасно, — сказал он, глядя хозяйке дома в глаза. — Но его ведь можно использовать не только для того, чтобы нападать на незащищенных. Оно нужно еще и чтобы защищать себя и других. Себя и своих близких... и вообще всех, кто бы ни нуждался в защите.

На этот раз его голос звучал не так, как в тех случаях, когда он отбирал у хулигана нож или просил омовца отпустить их с Павлом. Он звучал совсем обычно, как во время их многочисленных разговоров, пожалуй, даже немного неуверенно.

Но Людмила внезапно изменилась в лице. Она словно бы успокоилась и больше не сверлила гостя своим въедливым «следовательским» взглядом.

— Да, наверное, вы правы, Алексей... — проговорила она задумчиво, не заметив, что обратилась к нему на «вы».

Паша тоже заметил это не сразу — уже потом, когда мальчики прошли в его комнату и он стал показывать гостю коллекцию, ему вдруг вспомнилось, что под конец чаепития родители говорили с Лешей, как со взрослым и притом очень уважаемым человеком. Но подумать о том, как его другу удалось расположить их к себе, Павел не успел — тот взял в руки нож, подаренный Зайчиком, и все посторонние мысли вылетели у хозяина коллекции из головы.

— Хорошая вещь... — заметил Алексей, вертя нож в руках.

— Да, но... это не моя, я ее должен вернуть, — ответил Павел, глядя ему в глаза.

Его гость молча кивнул — и Пожарский шумно выдохнул. А потом взял из ящика большой «Опинель» и изящную американскую фантазию на финку в пластиковых ножнах, и с гордостью продемонстрировал их Леше:

— Вот, глянь лучше, что у меня еще есть — эти дешевле, конечно, но на самом деле ничуть не хуже.

Когда Алексей перед уходом легким поклоном прощался с Пашиными родителями, сам Паша заметил, что мама смотрит на его друга уже гораздо спокойнее и даже, похоже, с невольной симпатией.

Укладываясь спать, младший Пожарский уже не сомневался, что снова увидит Алексея и его родных во сне, и даже с нетерпением ждал этого. Поначалу он, как ему казалось, долго не мог заснуть — перед глазами все время мелькали какие-то расплывчатые яркие пятна, блики света, мешающие отключиться от реальности. А потом эти бесформенные блики словно бы отодвинулись чуть дальше, и мальчик вдруг понял, что это не просто пятна, а огоньки зажженных свечей. Много огоньков, горящих рядом друг с другом, похожих на сбившихся в стайку крошечных птиц...

Паша сделал еще шаг назад и увидел, что все эти свечи воткнуты в высокую круглую

подставку и что дальше, вдоль стен, стоят другие такие подставки, над которыми тоже горят «стайки» свечек. Где-то он уже видел нечто похожее... Мальчик огляделся — ну конечно же, он был в какой-то маленькой церкви. Полумрак, который рассеивали только эти многочисленные золотистые огоньки свечей, иконы на стенах, запах ладана, чуть слышный шорох шагов входящих в храм людей... В первый момент, когда мальчик начал осматриваться, их было немного, но потом скрипнула дверь, и в храм потянулась длинная вереница мужчин и женщин. Судя по всему, они шли на службу, которая должна была скоро начаться.

Павел стал вглядываться в лица заполняющих церковь прихожан в поисках Алексея или кого-нибудь из его родных, но поначалу видел лишь незнакомые лица. Видимо, этот сон тоже будет не о Леше, а «на отвлеченную тему», подумалось ему, и он снова завертел головой, пытаясь понять, с какого места ему будет лучше всего видно происходящее. Пожалуй, стоило продвинуться поближе к первым рядам — если он останется здесь, у стены, то вообще почти ничего не увидит.

Мальчик уже начал осторожно пробираться в сторону алтаря среди все пребывающих людей, но внезапно там, впереди, послышалось пение церковного хора — и все вокруг замерли, повернувшись в ту сторону. Паша в первый момент хотел было идти дальше, но внезапно почувствовал, что ему не хочется ни протискиваться вперед, ни высматривать что-то интересное. Хотелось остаться на месте и просто слушать это пение дальше, ни на что не отвлекаясь.

Раньше Паша несколько раз заглядывал в храмы, а после того, как они с Алексеем увидели крестный ход Александра Невского, стал подумывать о том, чтобы побывать на какой-нибудь службе — и вот теперь это его желание исполнилось, пусть и не наяву. Он стоял среди множества людей, слушающих церковный хор и речь священника, не понимал почти ни одного слова — но больше всего на свете хотел и дальше оставаться в этом месте.

Похожее чувство возникло у него тогда, на Невском, когда он решил присоединиться к крестному ходу и не хотел уходить оттуда. Но тогда оно было слабее, тогда Павел отвлекался на всякие посторонние мысли, и ему было интересно, куда зовет его Алексей. А теперь ничто не мешало ему сосредоточиться на пении хора и певучей речи читающего молитвы священника, стать частью собравшихся здесь людей, сродниться с ними, несмотря на то, что все они были незнакомы ему и что он даже толком не видел их лиц.

Ему незачем было рассматривать их — достаточно было просто знать, что они вместе участвуют в чем-то важном. Непривычном, не до конца понятном, но — необходимым.

И он сам не заметил, как начал креститься одновременно со стоящими рядом прихожанами, а потом еще и понимать некоторые слова молитв — сперва немногие, но с каждой минутой их становилось все больше, и общий смысл того, о чем говорил священник и пел хор, делался все более ясным.

Длилась служба, наверное, долго, но Паша совсем утратил чувство времени, и когда хор внезапно смолк и стоявшие рядом с ним люди зашевелились и стали продвигаться куда-то вперед, ему показалось, что все закончилось слишком быстро. Он снова стал осматриваться, пытаясь понять, куда ему идти дальше, и увидел, что прихожане выстраиваются в длинную очередь, начиналась которая где-то ближе к алтарю. На мгновение мальчик забыл, что видит все происходящее во сне, и ему захотелось тоже встать в эту очередь, чтобы снова ощутить единение с остальными людьми, снова делать с ними одно общее дело. Но потом он вспомнил, что находится в какой-то другой эпохе и является в ней невидимым гостем, и

решил все-таки более внимательно присмотреться к окружающим его людям.

Их лица уже не были полностью сосредоточенными, как во время молитвы. Они смотрели друг на друга, улыбались, и неторопливо выстраивались в очередь, причем Пожарский с удивлением заметил, что женщины пропускали мужчин вперед. Заинтересовавшись, почему происходит именно так, а не наоборот, Павел стал пробираться к началу очереди, вглядываясь в лицо каждого стоявшего в ней человека. Все лица по-прежнему были ему незнакомы — женщины в платках, молодые, постарше, совсем древние сгорбленные старушки... А потом они вдруг расступились, пропуская к выходу из храма небольшую группу людей — и мальчик узнал среди них четырех девушек, сестер Алексея, которых он не раз видел во сне. А вот и сам Алексей — сейчас он выглядел лет на двенадцать, моложе, чем в предыдущем сновидении. Друг Павла шел чуть позади сестер, и было видно, что каждый шаг дается ему довольно тяжело, словно он сильно устал. Вместе с ним был и тот человек, с которым они пилили дрова в прошлом сне. А за ними Павел увидел еще двух женщин — очень красивых и похожих друг на друга, словно они тоже были близкими родственницами. Одеты они при этом были очень по-разному: одна в нарядном платье и с высокой прической, а другая — в чем-то похожем на одеяние монахини, но не черное, а светло-серое, почти белое.

Паша последовал за ними, и вскоре они вышли из храма на залитый ярким весенним солнцем двор. Впереди виднелись какие-то постройки, но Пожарский не успел как следует рассмотреть их — спутница Алексея в монашеской одежде заговорила, и мальчик сосредоточил свое внимание на ней.

— ...конечно, скучаю, Санни, — донеслись до него сказанные ею слова, и он не сразу сообразил, что она говорит по-английски. — Надеюсь, вы будете чаще сюда приезжать...

— Элла, мы постараемся, — ответила похожая на нее женщина в светской одежде. — Я бы с радостью подольше здесь задержалась — это такое спокойное место...

— Спокойное? — усмехнулась ее собеседница. — Только не когда тебе надо со всем управляться! Спокойные минуты у меня бывают только в храме.

Словно подтверждая ее слова, к ней вдруг подбежала девушка в таком же светлом монашеском одеянии:

— Ваше высочество, простите, — быстро заговорила она по-русски, — к вам там пришли из приюта для беспризорников...

— Да-да, конечно, — тоже по-русски ответила женщина, которую до этого называли Эллой. — Я их еще утром ждала. И пожалуйста, не называй меня высочеством, я же просила! Я теперь просто — Елизавета Федоровна.

— Простите, Елизавета Федоровна, — повторила за ней девушка и почти бегом бросилась к каким-то дальним постройкам.

Элла вновь повернулась к похожей на нее собеседнице:

— Видишь, что делается? Мне придется сейчас вас оставить...

— Я понимаю, тебе непросто. Но зато как тебя здесь все любят! — вздохнула женщина, которую она называла Санни, и в глазах у нее блеснули слезы.

Павел еле встал в понедельник — последний сон полностью захватил его. Ему хотелось быть в чудесном храме, слушать пение, и вовсе не хотелось возвращаться в свой мир, который порядком поблек в его глазах с тех пор, как стали приходить «сны про Лешу». Порой мальчик даже не вполне осознавал, в какой реальности он живет на самом деле.

Впрочем, такое состояние после пробуждения быстро проходило, и Паша вновь встраивался в поток каждодневных событий. Это было неприятно — но что делать?.. Он хорошо понимал, что мир его снов безвозвратно исчез из реальности и никогда в нее не вернется.

Тяжело вздохнув, Паша начал собираться в школу. Родителей дома не было. Несомненно, вечером они захотят расспросить его в подробностях об Алексее, и Павел не очень хорошо понимал, что будет им рассказывать — не свои же фантастические предположения...

«Придумаю что-нибудь», — решил он и выскочил на улицу.

Она встретила его морозящим дождем — побаловав бабьим летом, Питер явно возвращался к осенней норме. Павел неохотно потащился по серой мокрети в гимназию, которая была совсем близко от дома, по Английскому через Декабристов. На окружающее он особого внимания не обращал, поэтому вздрогнул, услышав знакомый голос:

— Думаю, тебе не стоит сегодня идти на учебу.

Алексей, как всегда выглядел безупречно в своей светлой нарядной одежде — чистой и сухой, словно не было дождя сверху и грязных луж внизу.

Павел, конечно, был рад, но несколько озадачен.

— Сегодня контрольная по алгебре, — нерешительно начал он. — Нельзя...

— Оставь, — махнул рукой Леша. — Поверь мне, все обойдется.

Конечно, Паше гораздо больше хотелось пойти со своим другом, чем сидеть в классе. Внутренне уже почти решив прогулять школу, он все же сделал еще одну попытку возразить:

— Куда же мы пойдем в такую погоду?

— Дождь пройдет, — улыбнулся Алексей. — И потом, мы будем под крышей.

— Где?

— Ну, я познакомился с твоими родителями. А ты теперь не хочешь увидеть моих? Они тебя пригласили...

От изумления Павел чуть не сел на месте в лужу — такое предложение было последним, что он мог предположить. Родители и сестры Алексея были для него совершенно загадочными, недостижимыми фигурами. Его разум просто отказывался вставлять их в координаты реального мира — спокойнее было думать, что, вот, в настоящей жизни есть классный парень Леша, с которым так здорово и интересно. А в снах есть Наследник и его Семья, фигуры привлекательные и трогательные, но при этом величественные и к будничной жизни никак не относящиеся. Соединение же двух этих ипостасей казалось невероятным и тревожило.

— Да не бойся ты, — искренне рассмеялся Алексей. — Мои родители и сестры тебя не укусят, они прекрасные добрые люди.

— Я не боюсь, — буркнул Павел, уже готовый согласиться.

— Ну так и пойдем, — заключил Леша, разворачиваясь с таким видом, словно не

сомневался, что друг последует за ним.

И он действительно последовал. Правда, первый шаг дался Павлу нелегко — было такое впечатление, будто он пытается переставить ноги в воде. И все тело словно бы с трудом проникало сквозь некое невидимое препятствие — прозрачную, но плотную вуаль. На мгновение в груди у Павла все сжалось, а в глазах возникла странная золотистая рябь, он почти не видел улицу и спину уходящего вперед Алексея. Дух захватило, как будто они снова оказались на «свободном падении». Впрочем, странное это ощущение через пару шагов прошло, и мальчик зашагал размашисто и легко, как всегда.

А дождь и впрямь кончился. Причем неким невероятным образом мостовая под ногами была совершенно сухой — противные лужи исчезли. Мостовая?.. Из ровных плит?.. Здесь же только что был асфальт!

Павел поднял глаза и обомлел. Перед ним в лучах яркого утреннего солнца предстало здание безумное и прекрасное. Больше всего напоминало оно чудесный замок — с островерхой угловой башенкой, причудливыми окнами и балконами, огромными цветными панно на стенах. Словно бы подчеркивая волшебную сущность этого удивительного строения, на углу его распростерла крылья каменная птица Феникс.

Но ведь такого не могло быть! Еще минуту назад здесь возвышался довольно скучный, темный, громоздкий, с раннего детства знакомый угловой дом, лишь отдаленно напоминающий созерцаемое им невероятное ведение.

— Это сказка, — прошептал мальчик.

— Да, — отозвался тоже приостановившийся Алексей. — «Дом-сказка», так его называли... И называют.

Раздавшийся позади колокольный звон отвлек Павла. Он обернулся и снова застыл. Вдалеке, там, где была площадь Тургенева, он увидел увенчанную шпилем колокольню, которой там точно не было. Не могло быть...

— «Люблю летать, заснувши наяву, в Коломну, к Покрову...» — продекламировал Алексей.

В тоне его ощущалась легкая усмешка.

— Леша, где мы? — севшим голосом спросил Павел.

— Там, где должны быть. Пошли.

Павел с облегчением увидел, что его собственный дом, ничем особо не выдающийся, кроме давности постройки, стоит на положенном месте. Правда, выглядел он совсем не так, как когда мальчик выходил из него всего несколько минут назад. Грязноватый облупленный фасад был заново оштукатурен и явно не очень давно покрашен светлой краской. Над выходящими на проспект парадными нависали изящные козырьки, поддерживаемые легкими столбиками.

А на маленькой аллее, которая была между Пашиным домом и Домом-сказкой, небольшие деревца разрослись, поднялись и шелестели уже желтыми, но все еще густыми кронами. Между стволами стояли удобные скамейки, которых тут сроду не было.

Пожарский бы долго глазел на эти чудеса, если бы Алексей не потянул его за рукав.

— Пошли, пошли, у нас не так уж много времени.

Павел молча пошел рядом с другом, понимая, что спрашивать его о творящемся вокруг волшебстве бесполезно.

Вообще-то, он пребывал в некоем странном, полувосторженном — полунапряженном состоянии. Все вокруг казалось ярче и четче, чем всегда, Павел ощущал приподнятость, но в

то же время было такое чувство, словно он на полной скорости стремится во что-то неведомое, невероятное, и понятия не имеет, что ждет его в конце пути.

Они пошли по Декабристов... Хотя и это уже было не совсем так. «Офицерская», — на ходу прочитал Павел на одной из висящих на домах табличек. Сама по себе улица изменилась немного — большинство домов оставались на своих местах, только, как и Пашин дом, они казались отремонтированными и обновленными, сияли красочными вывесками магазинов и чисто вымытыми окнами.

Еще Пожарского потрясло, что по улице почти не проезжали автомобили, которые, вообще-то, всегда шли здесь почти сплошным потоком. Теперь же лишь раза два-три мимо них пронеслись легковые машины незнакомых Павлу марок. Да еще иногда небольшие юркие автобусы. Зато было очень много велосипедистов и людей на самокатах.

Прохожих тоже было не очень много, и они тоже были несколько... иными, как и все здесь. Мальчик не вполне понимал, чем они отличаются от обычных горожан — может быть, немного другой одеждой — ярче и непривычных фасонов, может быть, выражением лиц — более спокойным и каким-то... незамутненным. Не таким, как в мире Павла.

Ибо шли они по другому миру — для Пожарского это было неоспоримым фактом.

Они миновали красивую арку на том месте, где в мире Павла был вход на стадион Лесгафта. В глубине, за аркой, возвышались какие-то хитрые аттракционы. «Луна-парк», — прочитал мальчик.

Уродливая «стекляшка» на углу с Лермонтовским исчезла, на ее месте возвышалось изящное, облицованное красным гранитом, здание, и его башенка явно служила репликой на оставленный позади «Дом-сказку». Первый этаж здания занимал вестибюль станции метро.

На месте свежестроенной, но скучной и громоздкой второй сцены Мариинки тоже было другое здание, и весьма впечатляющее. Какой-то холм из циклопической золотистой паутины — зрелище странное, но привлекательное. Однако Павел лишь мельком взглянул на него — поразить чем-то еще больше его теперь было трудно.

Огромного монстра — всеподавляющего могучей серостью жилого дома в стиле сталинского ампира на противоположной стороне улицы Декабристов... то есть, Офицерской, не было вовсе. Вместо него там простирался обширный сквер с тенистыми деревьями. А в глубине его, напротив Новой Голландии, где раньше стоял какой-то нелепый пестрый домик, возвышался громадный белый монумент с золотой фигурой наверху.

— Туда, — сказал Алексей, и они перешли улицу по «зебре».

У входа в парк, рядом с мостом, под стилизованным «под старину» фонарем теперь стоял еще один памятник, на этот раз небольшой. Павел легко узнал, кого он изображает — Александра Блока, устремившего через рябь канала туманный поэтический взор на аптеку, которая работала в этом доме и в Пашином мире.

По самому парку гуляли дамы с колясками, на скамейках чинно восседали парочки и пенсионеры. Полицейский в красной фуражке неторопливо прохаживался по аллеям, к нему иногда подходили туристы, выглядящие точно так же, как и в мире Павла, и о чем-то расспрашивали.

Друзья подошли к большому памятнику и приостановились. Вернее, остановился Паша, а Алексей понимающе посмотрел на него и задержался тоже. Это был высокий круглый монумент из мрамора. Венчала его золотая фигура женщины, держащей в обеих руках большое полотнище с крестами по краям. Ниже была скульптурная композиция из нескольких фигур. Еще ниже — два яруса горельефов.

Павла этот памятник странным образом притягивал, он не мог пройти мимо, не рассмотрев его вблизи. И надо сказать, не только он — многочисленные туристы всех цветов кожи толпились вокруг, жужжа фотоаппаратами и камерами и просто глазами. Пожарский медленно пошел вокруг, рассматривая горельефы. Памятник был огромен, фигур на нижних ярусах оказалось очень много. Некоторые лица он, казалось, узнавал, другие были ему совсем незнакомы.

...Курносый человек в камзоле и треуголке — Павел I, он вспоминал его недавно. Еще царь... да, Александр II, о котором они еще в субботу говорили с Лешей. Дальше — наверное, Александр III, потом должен быть... Нет, потом какие-то военные... это Скобелев кажется. А вот точно Пржевальский — Павел даже припомнил фотографию, с которой явно лепилось это лицо.

Паша вздрогнул, узнав лицо женщины из сна, которую называли Эллой... Елизаветой Федоровной.

Еще и еще военные, но много и штатских. Бородатый старик в пенсне — Циолковский, а вот Менделеев... Какие-то священники, епископы, и даже, кажется, буддийский лама.

Мальчик поднял глаза ко второму ярусу, почему-то отделенному от первого ободом, резко, почти уродливо черневшем на белизне мрамора. Второй ряд фигур был виден гораздо хуже, однако уж Юрия Гагарина-то он узнал. И Валентину Терешкову рядом с ним, и маршала Жукова. И... это точно была Анна Ахматова, но почему ей на плечо положил руку немолодой человек в современном костюме и с книгой в другой руке? И где же тогда..?

Паша вновь перевел взгляд на нижний ярус и подтвердил свою догадку: снизу через траурную границу к паре на втором ярусе тянул руку офицер с грустным лицом — Николай Гумилев.

Обойдя памятник наполовину, Павел понял, что может точно выяснить, кого изображали статуи — там был стенд, вокруг которого тоже толпились туристы. Подойдя ближе, мальчик увидел, что это список имен. Русский текст был продублирован рядом английским и, по всей видимости, китайским.

«Монументальная композиция «Покров над Империей» установлена в царствование Государя Императора Алексея II Павловича», — написано было сверху.

Из-за голов туристов Паша плохо видел список, выхватывая взглядом лишь отдельные имена: «Яков Кульнев... Александр Горчаков... Фаддей Беллинсгаузен... Николай Миклухо-Маклай... Граф Михаил Лорис-Меликов... Чокан Валиханов... Федор Достоевский... Святитель Николай Японский... Василий Верещагин... Петр Столыпин... Лавр Корнилов... Владимир Каппель... Александр Колчак... Мария Бочкарева... Тамара Черкасская... Осип Мандельштам... Михаил Булгаков... Николай Вавилов... Константин Рокоссовский... Николай Кузнецов... Сергей Королев... Игорь Курчатов... Лев Гумилев... Владимир и Наталья Бехтерева... Владимир Высоцкий... Юрий Кнорозов... Андрей Тарковский... Святитель Алексей Московский... Александр Солженицын... Владимир Путин... Воин-мученик Евгений Родионов... Арсен Павлов... Магомед Нурбагандов...»

У Павла рябило от имен в глазах. Он оторвал взгляд от мелкого текста и вновь посмотрел в его начало, на строку под названием памятника. «Третий ярус: Святой преподобный Серафим Саровский, Святитель Тихон, Патриарх Московский, Святые Царственные мученики...» — дальше текст закрывали дреды рослого чернокожего туриста.

Пожарский поднял глаза, вспомнив, что фигуры под золотой Богородицей он внимательно не осмотрел. Там действительно были двое священников в облачениях,

крестами благословляющих группу людей...

Это были они — Семья из его сна! Отец, мать, четыре дочери и... Леша.

Павел в упор посмотрел на стоящего рядом с ним друга. Тот спокойно принял его взгляд и улыбнулся.

— Пойдем, — сказал он. — Ты уже видел все, что тебе нужно.

— Подожди, — отозвался Паша, — там есть кто-то еще.

Он жестом указал на сторону памятника, обращенную к воротам Новой Голландии, до нее они еще не дошли. На верхнем ярусе, в отдалении от Царской Семьи, благословляемой двумя святыми, действительно была еще одна одинокая мужская фигура. Павлу было очень любопытно взглянуть на нее.

Но Алексей покачал головой и повторил:

— Пойдем. Нам уже пора.

Паша повиновался, но, когда они немного отошли, резко обернулся назад, рассчитывая, что увидит загадочную статую.

Не увидел — его ослепило сияние солнца, лучи которого упали на золотую Божью Матерь. Этот блеск был повторен в золотистом шатре за Мариинским театром и видневшихся вдали куполах Николы Морского, откуда раздался мелодичный колокольный перезвон.

— Красота какая! — восхищенно ахнул Пожарский.

— Идем, ты все это еще увидишь. Почти все, — пообещал Леша.

Они шли по похорошевшей, чистой, словно вымытой с шампунем, набережной Мойки, двигаясь к вернувшему башенку зданию кирпичи, которое теперь смотрелась совсем не нелепо, а очень даже гармонично. Слева, на площади Труда («Интересно, как она здесь называется?») устремлялись ввысь шатры еще одной незнакомой Павлу церкви. Квартал вокруг Главпочтамта представлял собой зеленую, сплошь вымощенную плитами систему бульваров с многочисленными скамейками (они тут вообще попадались на каждом шагу) и гуляющими людьми. Все время встречались маленькие кафе и сувенирные лавочки.

А еще тут было много вывесок со словом «музей» и мемориальных досок самым разным деятелям. «Центральный музей Владимира Набокова», — прочитал Павел на доме с красивым эркером, когда мальчики вышли на Большую Морскую. Рядом была другая вывеска: «Редакция газеты «Невское время»». И еще одна табличка у входа в чистую, облицованную мрамором подворотню с ажурной чугунной калиткой: «В этом доме в 1999–2013 годах жил и работал...»

— Идем, идем, нас уже ждут, — снова поторопил зазевавшегося друга Алексей, и тот не успел прочитать, о каком именно выдающемся человеке шла речь.

Из Исаакия выходила толпа народа. Многие останавливались на аккуратной мостовой, там, где в мире Павла была гудящая от машин, вечно затянутая выхлопными газами, проезжая часть, и крестились на купол.

— Служба только что закончилась, — заметил Алексей.

Чтобы обогнуть толпу, им пришлось зайти в скверик, посередине которого теперь весело искрились под солнцем струи небольшого фонтана в виде гранитной чаши, и стоял бюст некоего вельможи в мантии, с крестами на груди, устремившего взор на грандиозный храм. «Огюст...» — гласила золотая надпись на постаменте, дальше Паша не разглядел.

Над Мариинским дворцом, осеняя увенчанный орлом шлем каменного императора, вились теперь не два, а три флага — к триколору и красному петербургскому присоединился

черно-желто-белый.

Александровский сад, похоже, стал зеленее — деревьев прибавилось, и он весь утопал в цветах. Точно стало больше статуй и бюстов, но мальчики уже не останавливались, чтобы осмотреть их.

Так они вышли на Дворцовую, тоже и знакомую, и незнакомую Павлу. Во-первых, дворец больше не был зеленым! Его теперешний цвет теперь напомнил Пожарскому темно-красные фигуры на этрусских и греческих амфорах, которые он видел на витринах античной экспозиции. Того же цвета были и другие здания вокруг площади, и ограда, окаймляющая открытый в мире Павла сквер. Между столбиками ограды с вазами буйствовало прихотливое переплетение чугунных листьев, в которое гармонично встроились двуглавые коронованные орлы. Теперь мальчик понял, зачем садик был приподнят над уровнем площади — с этой оградой он смотрелся весьма внушительно, идеально сочетаясь с красной глыбой дворца и вообще всем ансамблем, включая и поднятый к небесам колоссальный палец Александровской колонны с ангелом наверху. В мире Павла она все-таки выбивалась из общей картины.

Прямо по площади к саду примыкала аллея из аккуратно подстриженных деревьев. Однако Алексей направился к входу в сад, который был прямо рядом с дворцовой стеной. Ворота были открыты, по саду, в центре которого плескался имевший место и в Пашином мире фонтан, разгуливали туристы.

— Нам сюда, — указал на вход Алексей.

— Ты здесь живешь? — спросил Павел.

Леша покачал головой.

— Нет, здесь по-прежнему музей. Мы тут просто гости... Пойдем через Салтыковский, — добавил он.

Паша не знал, что такое «Салтыковский» — он просто шел вслед за другом.

Но идти внезапно стало тяжело — так же, как когда он делал свой первый шаг по этому миру. Вновь Пожарский почувствовал себя так, словно стоял в тугом потоке воды и пытался шагать в нем. Его усилию, казалось, сопротивлялся сам воздух, хотя никакой видимой преграды не было. В груди что-то оборвалось, дыхание сдавило, фигура идущего впереди Алексея стала исчезать в золотистом ореоле.

Пожалуй, сделать этот шаг было даже труднее, чем тот, на Английском. Но, собрав все силы, мальчик все-таки шагнул. И вновь невидимая, но плотная вуаль словно бы поддалась и вдруг лопнула. Опять дышалось легко, вернулась четкость зрения. Павел глубоко вздохнул.

— Молодец, — произнес с улыбкой наблюдавший за ним Леша. — Пойдем.

К удивлению Паши, туристов в этом аккуратно распланированном зеленом садике больше не было. Вместо них по чистым прямым дорожкам прохаживались несколько мужчин в архаичных костюмах с лицами аристократов. При виде Алексея они, как по команде, склонились в глубоком поклоне.

— Здравствуйте, господа, — доброжелательно поприветствовал их Алексей, идя к подъезду, через который в Пашином мире обычную публику не пускали.

— Кто это? — тихо спросил он своего друга, кивнув на важных господ.

— Лакеи, — коротко ответил тот.

Павел промолчал.

Еще два таких же человека стояли у входа во дворец. Они тоже склонились и распахнули перед мальчиками двери.

По довольно скромной для этого великолепного дворца лестнице — Пожарский никогда не ходил тут, хотя знал Эрмитаж неплохо — они поднялись на второй этаж.

— Где же охрана? — спросил Паша.

— А зачем она..? — вопросом ответил Алексей.

Впрочем, в длинном коридоре, по которому они шли (здесь Пожарский тоже в жизни не бывал), помимо лакеев, попадались и офицеры в старинных мундирах. Но они не производили впечатления напряженных стражей — просто прохаживались или тихо беседовали друг с другом стоя или сидя на обычных для Эрмитажа мягких диванчиках.

В конце коридора, рядом с резными деревянными дверями, стоял очередной лакей.

— Он ждуг вас, — сказал он, склоняясь, и распахнул двери.

Паша сразу понял, что это библиотека. Ошибиться было трудно: книжные шкафы занимали все стены двухъярусного помещения, сплошь отделанного темным резным деревом под готику. Книжные шкафы виднелись и на хорах, куда вела довольно крутая деревянная же лестница.

По комнате было расставлено несколько журнальных столиков с зелеными лампами, часами, мраморными бюстами и какими-то экзотическими, то ли китайскими, то ли японскими безделушками.

В глубине комнаты, рядом с монументальным беломраморным камином, украшенным грифонами и львами, и прикрытым живописным экраном, мальчик увидел группу людей.

Павел давно знал, кого он должен здесь встретить, но боялся верить себе. Теперь же все сомнения исчезли. В центре — мужчина, пиливший дрова с Лешей в последнем видении. Рядом с ним — женщина с лицом величественным, но грустным. Отец и мать. И сестры — они стояли за спинами сидящих родителей — Мария, Татьяна, Ольга, Анастасия...

— Здравствуй, папа, — произнес Алексей. — Bonjour, maman. Здравствуйте, сестры. Это Павел, мой друг. Павел, это моя семья.

Леша подошел к родным и встал рядом с родителями. Сегодня на нем была стилизованная под матроску толстовка. Вдруг Паша ярко и четко вспомнил не раз виденную им старинную фотографию.

Он никогда не кланялся, да и не умел этого. Но теперь, даже не осознавая, что делает, склонился в глубоком поклоне.

Кажется, в эту ночь Павел не видел снов — не только «про Лешу», но и вообще никаких. Так, по крайней мере, ему казалось, когда утром он с натугой, цепляясь за отчаянно пульсирующий во внешнем мире сигнал будильника, вынырнул из омута небытия.

Впрочем, мальчик не был уверен, что случившееся с ним накануне само по себе не сон. Оно уже подернулось в его памяти какой-то нереальной дымкой, ускользало, словно и правда было роскошным, интереснейшим и волнительным видением, которое, к великому сожалению, бесследно исчезает уже в первую минуту после пробуждения.

Правда, полностью пережитое вчера не исчезло: он помнил обстановку, лица, голоса... Но вновь, как и в случае с другими своими странными снами, не мог сопоставить все это с будничной жизнью. При этом само содержание долгой беседы с Семейей он тоже удивительным образом никак не мог вспомнить — как ни старался. Негромкий, но внушительный голос отца, бархатный — матери, звонкие реплики дочерей... Все это легко всплывало в памяти. Но о чем же они говорили?..

Промаявшись несколько минут, Паша, неохотно поднялся с кровати и принялся собираться в гимназию. Он был разочарован тем, что память его подводит. Но где-то в глубине его души жила ни на чем не основанная уверенность, что, когда ему это станет действительно нужно, он вспомнит все.

Снова был дождь — посильнее, чем вчера, когда Паша шел этим путем. Но сейчас он не слишком торопился — в гимназии его ждали неприятные беседы за вчерашний прогул, и он пытался как можно сильнее оттянуть их. Всей душой он желал сейчас услышать знакомый голос: «Здравствуй, Павел», увидеть улыбающееся лицо Алексея и вслед за другом вновь уйти в какие-нибудь удивительные, далекие от серой жизни сферы.

— Привет, Пожар. Ты к контрольной готов?

Паша изумленно воззрился на одноклассника, своим вопросом вырвавшего его из мечтаний в школьной раздевалке.

— Какая контрольная? — растерянно спросил Пожарский. — По алгебре же вчера была...

Теперь уже одноклассник уставился на него в крайнем удивлении.

— Ты что, под кайфом?.. — пристально посмотрел он в лицо Павлу. — Вчера было воскресенье, мы не учились! Контрольная сегодня.

Не дождавшись ответа, пацан еще раз с недоверием посмотрел на Пашу и побежал на урок.

Да, сегодня был понедельник. Опять. Павел не прогулял учебу, потому что его вчерашнего дня не существовало в природе...

Весь день он учился спустя рукава, механически отвечая у доски или решая задачи контрольной, к которой подготовился еще в воскресенье. То есть, позавчера... вчера?.. Он уже ничего не понимал — реальность на глазах рассыпалась и перемешивалась с фрагментами иных миров, альтернативных жизней.

Он заметил, что Аругюн Леонович, с которым они не встречались с пятничного выяснения отношений, иногда искоса поглядывает на него с невысказанным вопросом. Это почему-то еще больше добавляло беспокойства.

«Пожарский, соберись!..» — в конце концов воззвал Паша сам к себе, в мыслях

употребив крепкое слово, которыми, вообще-то баловался крайне редко. Он в жизни не пробовал наркотики, но, конечно, знал, что такое трип. И все, с ним сейчас происходящее, подозрительно таковой напоминало. Может быть, он, сам не зная, проглотил какую-нибудь гадость, гриб там или что еще?.. И все то, что случилось с ним после первой встречи с Лешей — только проекции его подсознательных устремлений, многократно усиленные галлюциногеном?..

Но разве может трип быть настолько глубоким и правдоподобным, да еще включать в себя абсолютно реалистические события, вроде разговоров с родителями или школьных занятий?..

Павел вспоминал малейшие детали вчерашнего дня — краски, звуки, запахи того, иного мира, в котором он побывал, и осознавал их абсолютную реальность. Ну, не бывают глюки такими... живыми!

Хотя, откуда бы ему знать о галлюцинациях?.. И вообще-то любой сумасшедший считает себя совершенно нормальным, а свои видения истинными...

Пожарский похолодел, почти уверившись, что теперь его судьбой станут палаты психушки. Представлял он их себе плохо, но попасть туда не желал ни в коем случае. Однако миг паники быстро прошел.

«Стоп, подожди, — сказал он себе. — Ведь, если я сошел с ума, да еще все так запущено, это бы точно кто-нибудь заметил...»

Но, вроде бы, никто за все это время ни словом, ни взглядом не давал ему понять, что подозревает его «башню» в том, что ее слегка «сорвало». Разве что сегодня, в раздевалке... Похоже, не все еще потеряно.

Мысли мальчика опять переключились на вчерашнее путешествие по городу, которого нет. И не было... И не будет..? Что же это вообще такое было? Будущее? Может, параллельный мир..? «Тот свет»..? Очевидно, размышлять об этом было бесполезно. Павел вспомнил имена на грандиозном памятнике Империи. Частью он знал, кто эти люди, частью только мельком слышал о них, а некоторых не знал вообще. Но он понимал, что в композиции памятника таился глубокий смысл, выражение какой-то мысли, идеи...

— Пожарский, я смотрю, ты замечтался, — раздался над ним голос исторички.

— Нет, Эмма Эдуардовна, — машинально заговорил Павел, вскидываясь. — Я вас слушал.

— Посмотрим, — зловеще произнесла учительница. — Повтори то, что я рассказывала сейчас. О первых Романовых...

Паша знать не знал, что она о них рассказывала, но имел много чего сказать по этому поводу — в последнее время каждый день читал и думал на эту тему...

— Особенно остро вопрос престолонаследия стал после того, как в тысяча шестьсот двенадцатом году Москва была освобождена от польской оккупации, — затараторил он. — В тысяча шестьсот тринадцатом году на Земском соборе царем был избран шестнадцатилетний Михаил Романов...

Учительница посматривала на Пожарского с некоторым недоверчивым удивлением. А тот продолжал говорить гладко, словно по учебнику, обращаясь не столько к ней, сколько к себе. Или еще к кому-то:

— После смерти Михаила на царство вошел его сын Алексей Второй...

— Стоп-стоп! — прервала его историчка. — Никакой он не второй, а первый и единственный... Садись, Пожарский и не делай больше такое отрешенное лицо на уроках, а

то мало ли что подумать можно...

Павел сел, несколько ошеломленный собственной вспышкой, которую преподавательница, кажется, приняла за рвение отличника, заподозренного в незнании предмета. Но дело ведь было не в этом, совсем не в этом... Пока он отвечал, перед его глазами стоял величавый памятник из вчерашнего (или не вчерашнего..?) видения. Он и сейчас был перед ним — реальнее самой реальности.

Паша потряс головой, чтобы избавиться от наваждения.

«Так я точно скоро в психушку загремлю», — с вернувшейся тревогой подумал он. Но мысли снова увлекли мальчика в чудесный мир, который он посетил. Он был уверен, что на встрече с Семьей было сказано что-то невероятно важное, и оно было связано с ним и каким-то неясным образом — с тем памятником. Кажется, ему было велено к чему-то готовиться... Или быть готовым...

То, что он не мог ничего вспомнить, мучило его. На перемене Пожарский, как тигр, ходил туда-сюда по рекреации, не обращая внимания на суетящихся однокашников. И вдруг зазвонил телефон. Павел нервно достал его из кармана. Высвечивался номер Зайчика.

— Здравствуй, Павлик, — раздался знакомый вкрадчивый голос. — Ну что, ты не передумал посмотреть мою коллекцию? Это можно сделать прямо завтра, можешь зайти ко мне после гимназии.

И неожиданно Паша, который готов был тут же, сходу, отвергнуть приглашение, положить трубку и больше никогда не слышать эти неприятные интонации, понял, что этого делать нельзя.

Нельзя было отказываться от этого приглашения.

— Конечно, Игорь Савельевич, я с удовольствием приду, — ответил мальчик.

— Ну и отлично! — образовался депутат. — Запиши мой адрес.

Павел записал.

— Доберешься сам? — уточнил его собеседник.

— Конечно, тут у нас маршрутка...

— Так я жду, до встречи!

Зайчик отключился.

Так и держа телефон в руке, Павел размышлял, почему принял приглашение. Кажется, и это было как-то связано с забытой беседой... Да и Леша еще раньше сказал, что так надо... Вот только зачем?

Истина обрушилась на него к концу занятий — неожиданно, как и все откровения последних дней.

Он должен отобрать у этого мерзавца украденную саблю и отдать ее Алексею!

Наверное, это и было тем «делом», о котором Леша говорил в самом начале их знакомства.

Конечно, мысль эта была совершенно нелогична. Неужели Алексей и его Семья, обладая таким несомненным могуществом, сами не могут сделать этого? Да и зачем ему теперь эта его детская сабля?.. «Ему это не нужно, голубчик. И нам это не нужно. Это нужно тебе, всем вам», — вдруг словно бы раздался в Пашиной голове ясный дружелюбный голос. Слова звучали четко и красиво, как будто были написаны каллиграфическим почерком на дорогой бумаге.

Мальчик как наяву увидел устремленные на него голубые глаза на благородном лице, обрамленном рыжеватой шевелюрой и темной бородкой.

Да, все это правда! Он встречался с семьей Леша, и его отец говорил ему эти слова!

Однако ничего больше Пожарский вспомнить не мог. Впрочем, и этого было достаточно. Алексей понимал, что это испытание, которое он должен пройти. Зачем и что последует дальше, он не думал.

Он просто сделает это.

Но как только мальчик принял это решение, на него навалилась какая-то дурная истома. Он вдруг осознал бессмысленность всего — и того, как он жил раньше, и той жизни, что показал ему его друг. Чего он добьется, вызволив эту саблю? Кому она нужна? Кому вообще нужно все это — империя, цари, монументы... вся эта страна..? Живем в XXI веке, у всех айфоны, Интернет по всему миру, к чему это старье?

Мальчик ненавидел себя за эти мысли, но они, а, главное, тяжелая, тягучая тоска от ощущения, что завтра он совершит непоправимую глупость, продолжали мучить его.

После занятий он снова побрел в противоположную от дома сторону и уселся под так и морозящим дождем на совершенно пустынной из-за непогоды площади Тургенева, тупо глядя на памятный знак, отмечающий место взорванного храма. Ну да, здесь был храм. Но больше его нет. И не будет, а то, что он видел — всего лишь галлюцинация. Если он вообще что-то видел...

Ему очень хотелось, чтобы вновь появился Леша. И одновременно он боялся посмотреть сейчас в лицо друга и увидеть на нем... не осуждение, а недоумение и печаль.

«Я знаю, дорогой, что это трудно. Всем очень трудно, всем людям. И нам тоже было и трудно, и страшно. Но это ничего, это пройдет. Ты только молись, и все хорошо будет».

Снова голос раздался как будто в его голове, но теперь он был другим — женским, мелодичным, хоть и слегка низким, с приятным легким акцентом. Пожарский видел тонкое лицо с чертами правильными и чистыми. Лешина мама ласково, но чуть грустно глядела на него.

Неужели он так и будет вспоминать ту встречу маленькими эпизодами, словно рассматривая осколки разбитой драгоценной вазы?..

«Ты молись».

Павел никогда не молился, он просто не умел этого делать. Но сейчас, одиноко сидя в сгущающихся сумерках на мокрой скамейке, стал сперва в уме, а потом шепотом говорить кому-то:

— Господи, помоги мне! Помоги мне, пожалуйста! Помоги, Господи!

Но легче не становилось.

Мокрой сумрак перед ним сгустился, оформившись в сутулую фигуру.

— Че, Пожар, припухаешь? — голос наглый, пришепетывающий, с тягучими монотонными интонациями.

Зомбик.

Явно опять под кайфом, взвинченный и злой.

Павел понимал, что после последней стычки Зомбик не успокоится — придет в себя и попытается восстановить в глазах своих и дружков пошатавшийся статус местного «короля».

Но почему именно сейчас, в самое неподходящее время?!

Паша поднялся со скамейки, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами противника. В них он прочитал вождедеющую насилия ненависть. А еще — горькое отчаянье.

— Слышь, ты, щас твоего кореша тут нет, давай-ка побазарим за жизнь.

И правда, «кореша» теперь не было...

— Я, тя, сучара, обломаю! — зловеще прошипел малолетний урка, похоже, с полуоборота впавший в привычной состоянии истеричной агрессии.

— Сергей, престань, я с тобой не ссорился, — произнес Павел, радуясь, что голос его не дрожит, хотя внутри у него все тряслось. Он никогда не брал в гимназию баллончик и сейчас очень жалел об этом. Зомбик был один, но, несомненно, нож был при нем, и он его пустит в ход, не задумываясь.

— Не ссорился он, лошара! — взвыл хулиган. — Ты щас со мной помиришься! Законтачу и урою!

Его рука нырнула под куртку, в свете фонаря блеснуло лезвие. «Мора», классика, — машинально отметил Паша. — Подешевле клин, чем в прошлый раз...»

Мысль о том, что Зомбик, кажется, теперь не может позволить себе дорогой нож, почему-то вдруг успокоила и даже развеселила Пожарского. Это было странно — по побелевшим губам и колючему взгляду шпанца Паша понимал, что пятнадцать сантиметров стали готовы вонзиться в его печень.

Но он тихо рассмеялся.

Зомбик ошеломленно посмотрел на него.

— Шо щеришься..? Вальты накрыли?

А на Павла откуда-то снизошли великое спокойствие и уверенность.

— Дай-ка мне свой клин посмотреть, — сказал он, протянув руку.

Его голос был негромок, но прозвучал очень веско. Зомбик недоверчиво посмотрел на этого непонятного для него, а поэтому так бесящего штемпя.

И тут что-то в лице Павла Пожарского повергло Сергея Васютина, безотцовщину и начинающего уголовника, всю свою короткую жизнь плевавшего на все, кроме воровских понятий — потому что каждому нужно что-то святое — в состояние измены. По-простому говоря, он до внутреннего визга испугался этого лица, неожиданно ставшего из лица обычного терпилы, которого он сделает за пять минут, в лицо того, кто имеет над ним непрекаемую власть.

Причем власть эта была не та, к которой он привык — понятная тирания мента или пахана. Он не испытывал такого ни на допросах, где его метелили опера, ни в присутствии вора в законе — был в его жизни такой случай, и тогда он сидел тихо, как мышь.

Но вот такое «непонятное», как сейчас — почти священный трепет, он испытал лишь один раз — когда в глаза его посмотрел тот кореш Пожара. Потом он долго пытался понять, что особенного было в молодом олене. Пришлось, чтобы не ронять авторитет, гнать потом корешам, что пацанчик был лютым отморозком, даже присочинить про него пару баек пострашнее. Но сам-то он, Сережа Васютин, прекрасно понимал, что позорно попал на дурняк. Это мучило его все последние дни, и сейчас, случайно наткнувшись на одинокого Пожара, Зомбик возрадовался, что наконец-то смочет с себя позор, пока о нем не догадалась вся шобла. Тогда будет плохо.

Но оказалось, что и теперь не лучше — он испытал тот же самый ступор, как и тогда. С ужасом он понял, что не сможет ничего плохого сделать этому пацану — как и тому. Сам не веря совершаемому им, он повернул финку рукояткой к Пожару и протянул ее мальчишке.

Тот взял нож с таким видом, словно ничего другого от Зомбика и не ожидал.

— Спасибо, — сказал он спокойно, но голос его был тверже стального лезвия.

Посмотрев на нож, Пашка покачал головой.

— Это злой клинок, Сергей, — сказал он и сунул финку в карман. — Тебе он не нужен. Тебе вообще все это не нужно, ты же понимаешь?..

Зомбик продолжал пялиться на Павла в полной прострации.

— Мне пора, — сказал Паша. — Если хочешь, поговорим потом. Только не так...

Пожарский с легкой усмешкой кивнул так и не пришедшему в себя противнику, а потом спокойно развернулся и, не торопясь, пошел к дому.

Теперь он точно знал, что все, случившееся с ним в последнее время, было не безумием, не галлюцинацией, а чистой правдой. И еще он знал, что отныне стал другим. Не обязательно лучше, чем был, но точно более свободным.

Подойдя к стене старого дома, он нашел между кирпичей подходящую щель, вставил туда клин финки и, сопя и напрягаясь, с третьей попытки все-таки сломал его.

— Злой клинок, — тихо повторил он, выбрасывая обломки в урну.

В эту ночь Павел спал особенно беспокойно. К нему снова пришли уже привычные яркие и реалистичные сны, но теперь их было много, и каждый из них длился всего несколько минут, а потом внезапно обрывался. Мальчик выныривал из дремоты, приоткрывал глаза, видел знакомые очертания своей комнаты и проваливался в новое сновидение.

Первыми ему привиделись две знакомые по прошлым снам девушки, младшие из сестер Алексея. Они были в маленькой полутемной комнате с двумя кроватями, освещенной только одной маленькой свечой, и собирались ложиться спать. Мария уже лежала в кровати, закутываясь в одеяло и пытаясь устроиться поудобнее, а Анастасия сидела за столом и что-то писала в толстой тетради.

— Настя, ты скоро ляжешь? — спросила Маша, выглядывая из-под одеяла.

— Да, сейчас... — не отрываясь от своих записей, отозвалась ее сестра. — Еще немного... Тебе свет мешает?

— Нет, ничего страшного, дописывай. Доброй ночи! — Мария отвернулась к стене, а Анастасия перевернула страницу тетради и обмакнула перо в чернильницу.

Как и в одном из своих прошлых снов, в котором Алексей писал письмо кому-то из своих друзей, Пожарский заколебался, не уверенный, что у него есть право заглядывать девушке через плечо и читать ее записи. Тем более, что Настя, судя по всему, вела личный дневник, так что все эти записи предназначались только для нее одной. Но в прошлом сне Леша сам рассказал сестре содержание письма, и Паша узнал о нем, а теперь Анастасия точно не стала бы ничего зачитывать вслух, так что познакомиться с тем, что она писала, он мог, только заглянув в тетрадку. Но ведь для чего-то он видел всю эту сцену — не для того же, чтобы просто услышать, как сестры желают друг другу спокойной ночи?

Мальчик шагнул к столу и наклонился над тетрадью Анастасии, машинально отметив, что пламя свечи даже не шелохнулось от его движения. Девушка тем временем снова макнула перо в чернила, и ее рука продолжила выводить на бумаге очередные фразы: «Вспоминала нашу работу в госпитале. Надеюсь, все наши раненые в конечном итоге остались живы».

Паша успел удивиться, каким образом девочки-подростки могли работать в госпитале с ранеными, но уже в следующий миг обнаружил, что лежит в собственной постели, а через несколько секунд опять начал проваливаться в сон. Тишина сменилась тихим стуком колес поезда, который постепенно становился все громче. И темнота слегка рассеялась, сменившись полумраком тесного купе, в которое сквозь щель закрывавшей окно занавески проникал тонкий луч света.

Возле этого окна сидел мужчина лет сорока, которого Павлу раньше не приходилось видеть во сне, а напротив него что-то искала в большом саквояже высокая и широкоплечая женщина, виденная им мельком в одном из прошлых сновидений.

— Ну куда же я их засунула, куда? — бормотала она едва слышно, и ее движения становились все более нервными.

— Анна, давайте я вам помогу, — предложил мужчина, привставая со своего места. Говорил он по-русски с легким английским акцентом.

Его попутчица замотала головой:

— Нет, что вы, сидите, это работа комнатной девушки, а не учителя.

— Разве сейчас так важно, кто мы по профессии? Мы все в одном положении...

— Да, наверное... Но вы же все равно не знаете, где что искать!

— Ладно, но если я все-таки смогу вам чем-то помочь... — мужчина сел на место, а женщина, которую он назвал Анной, внезапно оставила в покое саквояж и повернулась к нему.

— Вы мне помочь ничем не можете, — прошептала она и вдруг громко всхлипнула. — Никто не может...

По ее щекам покатались слезы, и она закрыла лицо руками, а мужчина, увидев, что она плачет, вскочил на ноги и осторожно обнял ее за плечи.

— Анна, что вы, не надо... — попытался он успокоить ее, но она рыдала все сильнее и, казалось, не слышала его слов.

— Мистер Гиббс, — бормотала Анна срывающимся голосом, — я не могу больше, я так боюсь этих большевиков! Я не знаю, что они могут с нами сделать! Но мне нельзя показывать, что я боюсь, я должна все скрывать — ради девочек, ради ее величества... Я боюсь!..

Мужчина продолжал неловко обнимать ее, а она все плакала, уткнувшись ему в плечо — но потом за дверью купе послышались чьи-то звонкие, не то детские, не то девичьи голоса, и Анна мгновенно выпрямилась, вытерла слезы и развернулась к саквояжу.

— Спасибо вам, мистер Гиббс, — все так же шепотом обратилась она к только что утешавшему ее попутчику. — Вы мне все-таки очень помогли!

Стук колес стал звучать все тише, тусклый свет в купе окончательно померк, и Паша обнаружил, что находится уже не в поезде, а в каком-то другом помещении. Там было светло, в одном углу виднелась старинная белая печка, а напротив нее стоял большой стол, вокруг которого собрались все четыре сестры Алексея в простых темных платьях и белых фартуках.

В кухне они были не одни — к ним подошел мужчина лет пятидесяти, на котором тоже был фартук и который подтащил к столу какой-то большой мешок.

— Итак, сегодня моя задача заключается в том, чтобы научить вас выпекать хлеб, — сказал он девушкам и поставил тяжелый мешок на пол рядом со столом. От мешка в воздух взлетело легкое облачко белоснежной пыли.

Ольга вздохнула с мрачным видом, но остальные сестры стали с живейшим интересом следить, как их учитель развязал мешок, взял большой деревянный совок и высыпал им на стол высокую горку муки.

— Иван Михайлович, а если мы не справимся? — с беспокойством спросила Татьяна. — Нам ведь всем потом этот хлеб придется есть...

Анастасия негромко рассмеялась:

— Каждая из нас пусть ест то, что испекла!

— А мама с батюшкой, а Алеша и все остальные? — нахмурилась Таня. — Их без хлеба оставим?

— Ваши высочества, не волнуйтесь так, — примирительно заговорил Иван Михайлович. — Вы же научились прекрасно готовить все остальные блюда! Значит, и хлеб испечете самый лучший. Это не намного сложнее, и сейчас я вам это покажу...

Но Пожарский не увидел, как сестры Алексея учились печь хлеб — кухня погрузилась в темноту, а сам он опять перенесся в какое-то новое место. На этот раз он был на улице —

вроде бы, в какой-то деревне, потому что вокруг стояли маленькие деревянные домики и росли деревья. Возле одного такого домика стоял окруженный кучей детей рослый и широкоплечий человек в черной ливрее, держащий в руках какой-то сверток. Дети самого разного возраста, от совсем малышей до подростков, громко галдели, а один мальчик подпрыгивал, пытаясь дотянуться до украшавших ливрею мужчины цепочек, сплетенных из золотистых ниток. Павел направился к этой шумной компании, и как раз в этот момент мальчишке удалось дернуть за одну из цепочек, после чего он издал победоносный клич, а остальные дети звонко рассмеялись.

Мужчина улыбнулся и что-то сказал этому озорному ребенку, но Пожарский не понял ни слова — как и в недавнем сне про армянских беженцев, те, кого он видел, говорили на неизвестном ему языке. Дети что-то спрашивали у нарядного взрослого, он что-то отвечал им, а потом развернул бумажный сверток, достал из него горсть конфет и принялся раздавать их своим юным приятелям, которые встретили этот жест еще более громкими восторженными криками.

А потом из-за забора, окружавшего ближайший дом, появился еще один мужчина — пожилой, почти полностью седой, но при этом похожий на более молодого человека в ливрее.

— Алоиз! — позвал старик человека с конфетами, и тот, отдав детям весь кулек со сладостями, подошел к нему.

Они обменялись несколькими фразами все на том же незнакомом Павлу языке. Старший мужчина о чем-то спросил младшего, и тот, перестав улыбаться, ответил ему, после чего лицо старика тоже приняло разочарованное и печальное выражение. Он бросил своему собеседнику какую-то короткую фразу, после чего развернулся и пошел к дому.

У нарядного мужчины был теперь виноватый вид, но он остался на месте и лишь громко произнес еще несколько слов — как показалось Пожарскому, повторил свою последнюю фразу.

А потом он неожиданно заговорил по-русски с едва заметным акцентом.

— Потому что как бы я ни любил нашу деревню, моя жизнь связана с императором и его семьей, — сказал он тихо, как если бы говорил с самим собой. — Потому что я всегда буду к ним возвращаться.

На мгновение Паша опять открыл глаза в своей комнате, но его тут же затянуло в новую череду снов, которые теперь стали сменять друг друга еще быстрее.

Снова была полутемная комната, снова горела свеча, и на столе стоял чернильный прибор. Рука склонившегося над столом мужчины в очках и с редкими волосами торопливо выводила на листе бумаги одну строчку за другой. Павел, уже не колеблясь, встал вплотную к нему и стал читать это письмо, с трудом понимая неразборчивый почерк писавшего: «Если вера без дел мертва, то дела без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединится и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей...»

Его рука ненадолго замерла над бумагой, словно он раздумывал, не добавить ли к написанному что-нибудь еще, а потом вывела внизу подпись — Евгений Боткин.

И еще раз темная комната сменилась залитым светом и уже знакомым Павлу помещением — тем самым, где Алексей с сестрами занимались французским языком. На этот раз в нем находился только Леша и еще какая-то женщина. Перед мальчиком лежала раскрытая тетрадь, перед женщиной — какая-то книга, но разговаривали они не об уроках.

— Неужели вы не думали о том, что все еще может опять измениться? — спрашивала

учительница. — Если ваш отец вернется на престол и если когда-нибудь вы сами станете государем...

— Нет, Клавдия Михайловна, это невозможно, — покачал головой Алексей. — Это кончено навсегда.

— Но все-таки..? Если все опять будет, если вы будете царствовать..? — настаивала женщина, и ее ученик на несколько мгновений задумался.

— Если бы это было возможно... Тогда... тогда надо устроить так, чтобы я знал, что делается кругом, — сказал он затем, тщательно подбирая слова. — Но первым делом я бы основал большой госпиталь, где могли бы лечиться все больные, все, кого нельзя до конца вылечить. Да, это был бы лучший в стране госпиталь, и вы, Клавдия Михайловна, были бы его заведующей...

После этих слов Алексея все скрылось в полной темноте. Поначалу Павел не видел вообще ничего и не понимал, где находится, но затем перед глазами у него начали проступать едва заметные очертания длинного коридора с множеством дверей, очень похожего на коридор, который он уже видел в одном из прошлых снов. За одной из дверей, кажется, должна была находиться комната, в которой Алексей с сестрами занимались французским языком...

Спустя несколько мгновений в коридоре стало шумно — откуда-то появилась целая толпа людей. Паша услышал топот, потом стук в двери, а потом чей-то резкий голос:

— Просыпайтесь! В городе неспокойно, на дом могут напасть! Одевайтесь и спускайтесь в подвал!

— Что случилось? — послышался из-за ближайшей к Павлу двери встревоженный женский голос. Мальчик узнал его — это была та самая Анна, комнатная девушка, плакавшаяся в поезде.

— Одевайтесь и выходите! — крикнул в ответ мужчина, стучавший в ее дверь. Другие почти не различимые в темноте мужские фигуры в это время продолжали колотить в остальные двери, тоже требуя, чтобы спавшие за ними люди немедленно спустились в какой-то подвал.

Прошла еще минута, и ближайшая дверь приоткрылась. Коридор осветился слабым огоньком свечи, и из комнаты выглянула Анна, прижимавшая к груди две или три небольшие подушки.

— Быстрее, быстрее! — принялись подгонять ее сразу несколько голосов. — Надо спрятаться, если не хотите, чтобы анархисты вас всех здесь перебили!

Анна забежала в соседнюю дверь, и почти сразу вернулась в коридор вместе с Ольгой и Татьяной. Втроем они заглянули в следующую комнату, откуда к ним навстречу выскочили Мария с Анастасией. У Татьяны на руках был маленький черный бульдог, у Анастасии — рыжий спаниель и еще какая-то крошечная лохматая собачонка.

— В подвал, в подвал, быстро! — командовали разбудившие их мужчины, указывая в теряющийся в темноте дальний конец коридора.

Распахнулись остальные двери, в коридоре стало еще светлее, и Паша увидел еще несколько знакомых лиц. Тот мужчина, которого он только что видел пишущим письмо, тот, кто раздавал детям конфеты, и тот, у которого сестры Алексея учились готовить — все трое растерянно оглядывались, как будто бы не до конца понимая, что происходит. А потом появились родители Леша и он сам — отец держал его на руках.

И все они, вместе с разбудившими их людьми, двинулись в конец коридора, где, как

оказалось, была еще одна дверь. Видимо, за ней была ведущая в подвал лестница, потому что именно туда и ушли обитатели дома. Павел двинулся было за ними, но дверь захлопнулась перед его носом, и он снова остался один в пустом темном коридоре.

Дальше некоторое время не происходило вообще ничего. Но и сон не заканчивался, словно Пожарский должен был увидеть что-то еще, так что он ждал, напряженно вслушиваясь в тишину и стараясь уловить хоть какой-нибудь звук.

И дождался: внизу загрохотали выстрелы.

А потом завыли собаки.

...Павел распахнул глаза и обнаружил, что сидит на своей кровати и что комнату заливают дверной свет. На часах было без пяти семь, вот-вот должен был зазвонить будильник. Он был у себя дома, и ему просто приснился кошмар. Сначала несколько спокойных снов, а потом кошмар. Но все это было во сне, ничего из того, что он увидел, на самом деле не было...

Мальчик откинулся обратно на подушку, мгновенно обессилев от охватившего его облегчения. Но на тумбочке рядом с кроватью запищал будильник, и этот привычный звук мгновенно прогнал эйфорию, вернув Пожарскому его способность рассуждать логически. Он ведь давно уже понимал, что видит все эти сны о прошлом не случайно. Что они связаны с его другом Алексеем и что все, что он видит, когда засыпает, когда-то происходило на самом деле. Все это было. В том числе и стрельба по беззащитным людям в запертой комнате.

Все это было, но это был еще не конец, внезапно понял Павел и, вскочив с кровати, принялся торопливо собираться в школу. Если он увидел эти события прошлого, значит, это было для чего-то нужно. И его друг Леша, кем бы он ни был и откуда бы ни появился, говорил, что ему, Паше, надо будет что-то сделать. И они говорили об этом с его родителями и сестрами, когда Павел был у них в гостях — в голове у него теперь вертелись обрывки воспоминаний о том разговоре, но они по-прежнему были такими неясными, что он не смог бы сказать, о чем тогда шла речь.

Хотя он ясно помнил, что Лешина мама даже выразила сомнение. В какой-то момент Павел услышал, как она тихо сказала мужу: «Ники, ты уверен..? Подумай о маме мальчика...» И Лешин папа посмотрел на нее и молча утвердительно кивнул головой. Этот эпизод Паша вспомнил вчера, когда пытался рассказать непривычно притихшим родителям о своем друге — стараясь, конечно, не наболтать лишнего.

Во всяком случае, одно он знал теперь точно: все это время ему помогали подготовиться к одному важному делу, и эта подготовка только что завершилась.

А еще Алексей дал ему понять, что он должен побывать в гостях у Зайчика, и можно было уже не сомневаться, что этот визит тоже как-то связан с его делом. Значит, ему все-таки надо будет навестить депутата. И наверное, с этим не стоит тянуть. Сегодня, например, у них всего пять уроков, так что освободится он довольно рано...

Эта мысль заставила уже почти готового к выходу Павла снова сесть на кровать и задуматься. Допустим, он приедет к Зайчику — это сделать нетрудно. Но что дальше? Что он вообще может против взрослого мужчины, не говоря уже о том, что этот взрослый обладает немалой властью? Перед глазами у Пожарского вдруг снова встала картина из его последнего сна — люди, спускающиеся в подвал, захлопывающаяся за ними дверь, грохот выстрелов...

Не ждет ли его самого подобная участь?

А если он никуда не пойдет и не станет ничего делать, не ждет ли она других людей? Может быть, многих?

Электронные часы показывали восемь утра. Павел со вздохом поднялся — какое бы решение он ни принял, для начала ему все равно надо было сходить в школу.

На улице было солнечно — редкость для петербургской осени, и возможно, поэтому попадавшиеся ему навстречу прохожие были в хорошем настроении. Цокала каблуками улыбающаяся девушка в деловом костюме — у Павла мелькнула мысль, что она, наверное, недавно устроилась на работу, которую до этого долго искала, и поэтому так радуется. Пожилая женщина ковыляла, тяжело опираясь на палку, но на ее лице тоже была улыбка — скорее всего, она давно не выходила из дома, потому что болела, но теперь ей стало лучше, и даже короткая прогулка по ближайшей улице стала для нее большим достижением. Мужчина средних лет шел с мрачным видом, пиная ногой попадающиеся ему на пути камешки — может быть, он поругался с женой и теперь думает, как с ней помириться?

Что-то во всем этом было странное. Паша не сразу понял, что — но внезапно ему стало ясно, что именно не так. Он снова смотрел на людей не так, как привык, снова видел в них хорошее, как в тот день, когда Леша предложил ему посмотреть на мир его глазами. Но ведь Леша сейчас не было рядом? Пожарский завертел головой, почти уверенный, что его друг сейчас возникнет у него за спиной, но нет — сейчас он действительно был один. Да и света вокруг прохожих он не видел. Нет, все попавшиеся ему на пути горожане выглядели самыми обычными людьми. Просто теперь он знал, что в каждом из них непременно есть что-то хорошее.

В директоре школы, яростно за что-то отчитывающем стоящего перед ним понурого старшеклассника, хорошее, несомненно, тоже было. Хотя сейчас заметить это было непросто.

— ...только в школу и из школы вместе со мной! И дома тоже — никакого компьютера, никаких СМС-ок, никаких игр!!! — ревел Арутюн Левонович на втягивающего голову и плечи рослого парня, такого же смуглого и черноволосого, как и он сам. — И нечего морщиться! Радуйся, что не в тюрьме!!!

— Да, папа, — бурчал в ответ подросток с самым несчастным видом. Но директор, по всей видимости, посчитал, что еще не закончил воспитательную работу, и добавил к своему монологу еще пару фраз на армянском, после чего младший Григорян сник окончательно.

Взбегающих на крыльцо Пожарского и других школьников отец с сыном даже не заметили. Зато у самого Паши увиденная им сцена у входа в школу стояла перед глазами во время всех пяти уроков.

«Григ тоже ничего не мог сделать против Зайчика, — вертелось у него в голове. — Но Леша сказал, что его сына не посадят, и вот, Арсен на свободе! Потому что Леша сильнее Зайчика. И Леша на моей стороне, вместе со всей своей семьей. Значит, я тоже могу быть сильнее этого депутата...»

И все время, пока он шел после уроков к метро, спускался под землю и трясся в шумном вагоне, с каждой секундой приближавшем его к дому Игоря Савельевича, Пожарский повторял про себя эти слова: «Я могу быть сильнее».

От метро «Приморская» вдоль Смоленки Павел шагал к одному из монструозных домов «на курьих ножках» — творению позднего СССР. Высоченный монолит здания опирался на нелепо хилые опоры. Он казался гипертрофированно уродливым футуристическим пауком,

который вот-вот, перебирая коротеньким тонкими лапками, добежит до набережной, бултыхнется в речку и поплывет под водой в залив, а оттуда — в океан, став еще одним морским чудовищем из грез пьяных моряков.

Кем при этом станут населяющие дом люди, мальчику думать не хотелось. Тем более, что одним из них был депутат Зайчик.

Павел понятия не имел, что будет делать, когда окажется в его квартире, у него не было никакого плана. Однако с каждым шагом в нем крепла ясная решимость, а мутные сомнения исчезали из головы, словно их выдувал оттуда резкий прибрежный ветерок. Так что он твердо подошел к парадной «куронога» и набрал код на домофоне.

— Это Пожарский, Павел Пожарский, — сказал он в микрофон, когда трубку подняли.

— Открываю, — услышал он ответ и вошел в парадную.

— Мальчик, ты к кому? — подозрительно спросила из застекленной будки бдительная консьержка.

— К Зайчику, Игорю Савельевичу, — ответил Пожар и вошел в лифт, затылком ощущая, что потерявшая жизнь мадам сверлит взглядом его спину.

Когда он подошел к нужной квартире в длинном, устланном потертым линолеумом, коридоре, ему пришлось еще раз звонить в ничем не примечательные двери. Паша чувствовал, что через глазок его внимательно рассматривают. Продолжалось это довольно долго, но затем наконец загремели замки и дверь открылась. Однако не полностью — оставаясь на цепочке. Зайчик, как черепаха из-под панциря, высунул лысеющую голову на жилистой шее в коридор, посмотрел на обе стороны и лишь потом снял цепочку и впустил мальчика.

— Привет, Павлик, — сказал он в своей обычной мутно-приторной манере. — Прости, что продержал — у меня в этой квартире довольно ценные вещи, надо быть осторожным.

И Паша Пожарский вступил в эту квартиру, словно Бильбо Бэггинс в логово дракона-клептомана.

В домашней обстановке Зайчик растерял немногие внушительные черты, которые у него местами все-таки наблюдались, когда он выступал в парламенте или на митинге. Здесь этот маленький человечек в старом растянутом свитере и «трениках» был похож на местного забулдыгу. В полуседой его бороде застряли крошки — похоже, только что перекусывал. Впрочем, глубоко посаженные темные глазки под большим морщинистым лбом бегали и блестели, как обычно, весьма живо.

Стоя в тесноватой прихожей, Павел обвел взглядом квартиру, которая была совсем не похожа на обителище крупного политика. По советским стандартам она, наверное, считалась элитным жильем, но сейчас обшарпанная «трешка» выглядела довольно убого. Вдобавок квартира производила впечатление нежилой: насколько мальчик мог заметить, она была плотно заставлена старым хламом, а на вешалке висел только плащ Зайчика.

— Я тут не живу вообще-то, — со смешком подтвердил депутат Пашины мысли. — Квартира досталась от родителей, а мы с женой в коттедже за городом обитаем. Тут только всякое барахлишко храним, которое выбросить жалко. Ну и я свои клины. Ты проходи, проходи, не разувайся, тут убираются раз в месяц, скоро вот опять будут.

Пожарский вспомнил, что его мама как-то мельком упомянула принадлежащий Зайчику элитный коттедж с бассейном в Курортном районе.

Проведя Павла через зал, посередине которого стоял дорогой полированный дубовый стол, неизвестно зачем привезенный в эту обитель хлама, депутат ключами со связки отпер дверь боковой комнаты и жестом пригласил гостя туда.

— Тут у меня не все, — скороговоркой продолжал тот, — самое ценное дома, за стальной дверью, хе-хе. Но и тут неплохие вещи имеются.

Насколько Павел заметил, в этой квартире входные двери тоже были из солидной стали, оснащены множеством современных запоров, да еще и на сигнализации. Но реплика о том, что самое ценное не здесь, его обеспокоила — вдруг и клыч цесаревича тоже в коттедже?..

Он шагнул в комнату и застыл.

Кривоватые стены советской работы были закрыты обширными, обтянутыми материей, щитами, а на них четко выделялись десятки смертоносных предметов, которыми можно было бы, как прикинул Павел, вооружить приличный отряд, способный, например, взять штурмом какой-нибудь средневековый замок.

Сабли, пшаги, палаши, рапиры, штыки и багинеты, ножи, кортики и кинжалы самых разнообразных форм и заточек. Паша заметил почти под потолком огромный двуручный меч XVI века и даже пару еще более архаичных — чуть ли не «каролингов». Восточного оружия тоже хватало — шашки, карabelы, ятаганы, крисы, кончары, бeбуты, дао, катаны и вакидзаси.

Павел почти забыл, зачем он пришел сюда. Вдыхая упоительный запах железа и оружейного масла, он не мог оторвать взгляд от этого впечатляющего арсенала.

— Ну, что ты хочешь рассмотреть поблизости? — спросил Зайчик.

Было видно, что ему тоже приятно смотреть на свои сокровища и показывать их — его глаза возбужденно блестели, обычно серое лицо слегка порозовело, на кончике носа выступили капельки пота.

— Смотри, вот там — револьверо-кастетостилет апашей, парижских бандитов

девятнадцатого века, мальчишкам такие вещи нравятся, — рассказывал он, увлеченно тыкая пальцем с обломанным грязным ногтем в предметы коллекции. — А вон подлинный томагавк сиу. Думаю, попробовал крови бледнолицых... Все стальные томагавки, кстати, производились в Европе или белыми поселенцами Америки, а потом продавались индейцам — у них своих кузнецов тогда еще не было. Или вот из той же оперы — кавалерийский боевой молоток, сделан в шестнадцатом веке в Германии. Красавец, правда?.. Есть еще испанские ножницы-кинжал восемнадцатого века. Но это больше для девочек...

Однако Паша уже заметил нечто, от чего вздрогнул, и тут же очарование коллекции покинуло его. В углу комнаты, на прикрытом стеклом стеллаже, среди еще нескольких предметов он увидел маленькую саблю. Пожарский тут же узнал ее, хотя видел всего лишь один раз и во сне. Но это был он — клыч наследника!

Помимо своей воли мальчик сделал пару шагов и, не отрывая взгляда от сабли, оказался рядом с витриной.

— О, я вижу, ты знаток, — голос Зайчика, кажется, слегка дрогнул. — Здесь у меня очень, очень ценные образцы. Я их поэтому держу за бронированным стеклом.

— А что это за вещи? — спросил Пожарский, понимая, что свой интерес к клычу выдавать никак нельзя.

— Ну как тебе сказать, — помедлив, ответил депутат. — Они... с судьбой. Знаешь же, как древние говорили: «Вещи имеют свою судьбу»... Ну вот, например — японский клинок. Он трофейный — купил его за ящик водки у наследника одного деревенского деда, который привез его в сорок пятом с войны на Дальнем Востоке. Меч снят с убитого японского офицера. Рукоять заводская, двадцатого века, но сам клинок гораздо старше — шестнадцатый век, как минимум. Есть большая вероятность, что он работы великого мастера Сэндзи Мурамаса. Доказать это невозможно, но я верю. Правда, в самой Японии его мечи не любят...

— Почему? — история Павла заинтересовала.

— Говорят, что они «жаждут кровопролития». Ими было убито много людей, причем часто предательски.

— Злой клинок... — задумчиво проговорил мальчик.

— Именно так, — согласился Игорь Савельевич, радостно улыбнувшись, словно такое определение доставляло ему удовольствие. — А вот охотничий нож. Современный, откован в России, златоустовский дамаск. Но я абсолютно точно знаю, что он принадлежал Шамилю Басаеву — подарок от почитателей. Как я его достал, рассказывать не стану... Представляешь, сколько крови на этом клине!..

Павел посмотрел на воодушевленное лицо Зайчика, перевел взгляд на длинный нож, по лезвию которого шла гравировка, изображающая оленей, и ему стало противно.

— Тычковый скифский кинжал, — продолжал коллекционер. — Из одного кургана в Краснодарском крае, до которого археологи так и не добрались... Оригинальная форма, правда?..

— А можно катану посмотреть? — спросил Павел первое, что пришло ему в голову. Ему хотелось только, чтобы хозяин коллекции открыл витрину.

Зайчик немного помедлил — Паша даже подумал, что он откажет, но потом он все-таки полез в карман за связкой ключей, выбрал один электронный и с явной неохотой отпер витрину, взял оттуда меч и протянул его мальчику.

«Видно, сильно ему нужны подписи членов совета моей мамы...» — промелькнула у

Паши мысль.

Делая вид, что разглядывает действительно превосходный клинок, Павел украдкой смотрел на клыч, о котором Зайчик не сказал ни слова. В отличие от прочих экспонатов этой выставки, он покоился в потертых красных кожаных ножнах, хотя Пожарский знал, что все время держать в них клинок вредно. Очевидно, хозяин коллекции не хотел выставлять напоказ приметную надпись. Так-то сабля и правда была, как говорил Алексей, очень простой на вид.

Наконец Павел решился. Будто насмотревшись на катану, он протянул ее хозяину и, пока тот не опомнился, повернулся к витрине и вытащил оттуда клыч.

— Стой, стой! — заверещал Зайчик.

— Почему? — сделав наивное лицо, спросил Паша, держа саблю обеими руками.

— Это... Да тут ничего интересного нет, просто старая детская сабля. Наверное, сделана для какого-то офицерского сынка в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. Сам не знаю, почему ее здесь держу... Не вытаскивай из ножен... клинок треснувший, сломаться может!

Но мальчик уже почти полностью обнажил саблю, причем настолько легко, что не оставалось сомнений — за ней и за ножнами тщательно ухаживали.

Лезвие блеснуло в упавшем через решетчатое окно солнечном луче. Клинок был великолепен — ни единой щербинки, благородная полировка, острейшая заточка. Павлу даже не хотелось дышать на него — казалось, сталь может оскверниться этим.

«Ангел наш, родимый красавчик, великий государь цесаревич, — начал Павел читать вившуюся по изогнутой стальной дорожке надпись с твердыми знаками и ятями, — клянемся тебе быть всегда достойными милости твоего батюшки...»

— Пожарский, немедленно положи эту вещь на место! — взвизгнул Зайчик, но тот продолжал читать: «...Веруй, что жизнь наша принадлежит державному отцу твоему и тебе, так будем завещать и детям нашим. Казаки лейб-гвардии Атаманского полка».

— Это сабля наследника Российской Империи, украденная из Эрмитажа, — тихо, но твердо проговорил Павел, подняв глаза на трясущегося от злобы депутата. — А вы вор, Игорь Савельевич...

Пожарский понятия не имел, как решился сказать такие слова взрослому, да еще и столь высокопоставленному. Слово бы их произнес кто-то за него.

Однако Зайчик, как ни странно, успокоился, перестал трястись. Возможно, просто взял себя в руки.

— Ты за ней и пришел, как я полагаю? — спросил он со змеиной усмешкой. — Откуда только узнал?.. Ну конечно, конечно, как я сразу не понял — твоя мамаша эту историю раскопала! Вот ведь...

Он прибавил грубое слово, и Павел потемнел от гнева, до боли сжав рукоять сабли. Но тут вновь, как и во время последней стычки с Зомбиком, на него вдруг сошло великое спокойствие.

— Я заберу эту саблю и сдам ее в полицию, — холодно проговорил он. — И напишу там на вас заявление.

Он ожидал, что Зайчик «поплывет» от его твердости, как недавно Зомбик. Но, похоже, воздействовать на взрослого было гораздо труднее, чем на подростка. Депутат только расхохотался.

— Какой ты у нас гро-озный! — глумливо протянул он. — Прямо жук навозный... Это я

на тебя заявлю. Сажать тебя еще рановато, но уж жизнь испорчу, будь уверен. Из гимназии выпрут, и нигде учиться не будешь, кроме как в спецшколе. С углубленным изучением педерастии, хе-хе... А мои ребята с твоей маманей разберутся... Там у вас этот есть... Васютин, Зомбиком его зовут, кажется?.. Правда, что-то он в последнее время про тебя слышать не хочет. Ну да есть еще у меня люди, и поопаснее. Они такое могут с твоими предками сделать, что в страшном сне не приснится... А тебя я к шестнадцати годам все равно посажу, и уж постараюсь, чтобы сидеть тебе тяжело было.

— За что это, интересно, вы меня посадите? — спросил Павел, твердо глядя в лицо противнику, хотя сердце его все же екнуло.

— Ну как же, — продолжал глумиться Зайчик, — я тебя пригласил в квартиру с ценной коллекцией, а ты попытался украсть экспонат. А когда я тебя за этим застукал, угрожал мне оружием... Для спецшколы вполне достаточно. А уж потом я постараюсь на тебе еще что-то навесить, придумаю.

— Зачем же придумывать? — полным скрытой ярости голосом ответил Павел. Конечно, злобный тон депутата заставил его похолодеть, но угрозы родителям привели в ярость.

— Что?! — вытаращился на него Зайчик.

— Придумывать, что я вам угрожал оружием, — пояснил Паша, полностью вынув саблю из ножен. — Я ведь и правда...

Ему было уже все равно. Он готов был броситься на этого насмехающегося мерзавца и рубить его. Насмерть.

Коллекционер слегка побледнел, но издевательский тон не оставил.

— Ну-ну, попробуй, — сказал он, взяв катану за рукоять обеими руками. — Это же с моей стороны чистая самооборона... Хм, даже любопытно будет.

Он держал меч довольно умело, а вот Пожарский понятия не имел, что делать с обнаженной маленькой саблей. Но ему было все равно — он напрягся, готовясь перейти в атаку.

— Теперь хватит, — раздался позади спокойный знакомый голос, и Павел увидел, как Зайчик опустил катану, а глаза его полезли на лоб.

Облегчение, которое испытал Паша от появления Алексея, было всеобъемлющим. Однако тот был непривычно холоден и даже грозен.

— Как вам уже сказал мой друг, вы — вор, — высокомерно обратился он ко все еще пребывающему в ступоре мужчине. — А вещь эта вам не принадлежит. — Алексей кивнул на саблю. — Поэтому сейчас мы ее заберем и уйдем отсюда. А вам мой совет — передумать свою жизнь.

Похоже было, что Зайчик быстро оправился от потрясения, вызванного появлением из ниоткуда Алексея. И немудрено: Игорь Савельевич был человеком современным, практичным, по образованию математиком, и ни в какие мистические явления не верил. Суть любого чуда для него заключалась в том, что лично он чего-то в его механизме не видит.

— Ах вы... — разразился депутат грязными ругательствами. — У вас тут, выходит, банда шпаны целая! Пока один меня разговорами отвлекал, второй в квартиру залез!.. — Его тон стал еще более визгливо-неприятным, чем всегда. — Ну я уж с вами разберусь, поганцы! Вы передо мной щас на коленях ползать будете, просить, чтобы я вас отпустил...

Леша спокойно смотрел на бушующего политика, не обращая никакого внимания на опасный предмет в его руках. А вот Паша опять забеспокоился, придвинулся к другу, не

ослабляя хватку на сабле.

Кажется, от спокойствия Алексея Зайчик все больше зверел.

— Ты что на меня пялишься, звереныш?! — заорал он. — Ты ко мне в дом вломился, оружием угрожаешь, я же вас щас обоих покрошу, и ничего мне за это не будет!..

То, что Алексей был без всякого оружия, Игоря Савельевича абсолютно не заботило. Однако тот так и стоял, молча взирая на бушующего депутата, на глазах теряющего человеческий облик.

И правда, истерика Зайчика достигла какого-то патологического градуса. Это было даже странно — словно одно присутствие Алексея погружало его в безумие. Поглядев в побелевшее лицо хозяина квартиры, в его налитые кровью глаза, Паша по-настоящему испугался. Если в том, как депутат угрожал мечом ему самому, было что-то не очень серьезное, то теперь, похоже, этот человек был готов сотворить все, что угодно.

И он тут же подтвердил это делом. Сделав скользкий шаг к Алексею, он обеими руками поднял меч и нанес мальчику страшный удар.

Да, видно было, что Игорь Зайчик знает, как управляться с катаной. Парализованный ужасом Павел решил, что клинок, как будто радостно взвизгнувший от предчувствия крови, разрубил его друга пополам. По крайней мере, он ясно видел, что удар пришелся между плечом и шеей и лезвие легко пошло дальше.

И тут оцепенение Павла сменилось безумной яростью. Он закричал и рванулся вперед, чтобы отомстить за друга.

Но был остановлен рукой Алексея — вполне живого и, кажется, невредимого.

И не только Лешинной рукой, но и глазами Зайчика. Дикая злоба и жажда крови на его лице мгновенно сменилась выражением беспредельного ужаса. Бессильно выронив катану, упавшую на пол с легким звоном, он остановившимся взглядом смотрел на Алексея.

— Как видите, ваши предшественники уже сделали то, что вы сейчас хотели, — столь же спокойно и с легким презрением произнес Леша. — Уверяю, ни вы, и никто другой в этом мире больше не в силах причинить мне вред.

Сказав это, он повернулся к своему другу.

— Пойдем, Павел, нам тут больше нечего делать.

Но теперь Паша увидел то, от чего застыл депутат, и сам испытал такой ужас, словно на него разом обрушились небеса.

Катана Зайчика ничем не повредила Леше, даже не поцарапала его, но наискось разрезала белоснежную футболку, которая была надета у него под распахнутой курткой. Нижняя часть футболки повисла большим лоскутом, открывая худую мальчишечью грудь. И на ней, на чистой гладкой коже, зияли четыре страшные круглые черно-лиловые дырки! Не было сомнений, что это пулевые отверстия. И не было сомнений, что каждая из этих ран смертельна, особенно та, что темнела напротив сердца.

Немудрено, что даже рациональный ум Зайчика не выдержал такого зрелища.

— Уходите, уходите, — лепетал он, беспомощно махая рукой. — Скорее.

Не говоря ни слова, Алексей направился в прихожую, потянув за собой все еще входящего в себя Павла, который только что окончательно удостоверился в своих самых невероятных предположениях. Больше не было места ни сомнениям, ни отговоркам, и это несказанно пугало мальчика. И конечно, безумный ужас вызывали в нем эти страшные раны.

Впрочем, Алексей заправил лоскут футболки на пояс и застегнул куртку, скрыв их.

В зале, куда они вышли из комнаты с коллекцией, он повернул к Паше серьезное лицо и

спросил:

— Ты больше ничего тут не хочешь сделать?

И Павел вспомнил — да, он не сделал еще одну вещь. Хотел, но забыл.

Вложив саблю в ножны и переложив ее в левую руку, правую он сунул во внутренний карман, достал оттуда прекрасный «Вояджер танто», махнул им, открывая лезвие, и изо всей силы всадил его в блестящую гладь роскошного дубового стола. Там и оставил.

— Злой клинок, — тихо произнес Леша, одобрительно улыбаясь.

Внизу он молча посмотрел на неприятную консьержку, схватившуюся за телефон при виде двух выходящих из парадной мальчиков, один из которых нес саблю. Под его взглядом та стушевалась и положила телефон на место.

Друзья стояли среди свай, вблизи казавшихся могучими опорами, а вовсе не тонкими ножками. Но все равно не могли отделаться от впечатления, что они попали в какую-то бетонную сеть.

Алексей заговорил. Голос его был тих, тон не выражал ни малейшей экспрессии. Но Павел от его слов содрогался.

— Нас разбудили среди ночи, сказали, что на дом могут напасть и надо всем собраться в подвале. Сестры и Аннушка, мамина комнатная девушка, спрятали на себе драгоценности, как обычно при переездах — они надеялись еще, что нас сейчас куда-то повезут. Но мама и папа, конечно, знали, что нас ведут убивать... И нам всем это передалось — уже в подвале. Я накануне зашиб ногу, она, как всегда, распухла, я не мог ходить. Папа нес меня на руках. В подвале было много солдат, грязно и ни одного стула. Мама попросилась сесть — у нее тоже болели ноги. Комендант дома принес два стула, папа усадил меня на один, который был в углу, мама села на другой. Папа стоял так, чтобы прикрыть меня и придерживал за плечо — мне было трудно даже сидеть. Он знал, что сейчас умрет, но до конца надеялся, что Бог спасет хотя бы меня. И мы все... мы тоже надеялись. Я смотрел на грязные стены и думал, неужели это последнее, что я вижу в жизни...

Пашин друг на мгновение замолчал, потом его голос зазвучал снова:

— Комендант стал что-то говорить — приговор, но я не понимал слов, в ушах звенело. Папа переспросил: «Что?» Он все прекрасно понял, но пытался тянуть время. Еще Евгений Сергеевич, врач, спросил, растерянно так: «Нас что, никуда не повезут?» Он только сейчас понял... И папа им сказал: «Вы не ведаете, что творите». Но тут один из них — такой брютет, со злым лицом... Он выхватил пистолет и выстрелил в папу. И сразу убил. Мама, девочки и Аннушка закричали и кинулись друг к дружке — обняться перед смертью. Но все солдаты стали стрелять. Мама умерла, Таня и Настя сели на корточки в углу и прикрывали от пуль головы руками. Евгений Сергеевич тоже упал, но был жив, он приподнялся, лежал, опершись рукой на локоть, будто отдыхал. Еще там были Иван Михайлович, наш повар, и Алексей Егорович... Алоиз его звали на самом деле... папин камердинер... Они, когда мы сели, отошли к стене, я не видел, как их убили. Наши собаки — их Таня и Настя принесли — страшно были. Их тоже пристрелили.

Алексей снова сделал паузу, на этот раз более долгую. Павел оцепенело ждал, пока он продолжит.

— А я все сидел на стуле, — продолжился жуткий рассказ. — Просто застыл, не мог пошевелиться. И я не был ранен. Когда убили папу, один из них стрелял в меня, но не попал. Он не стал больше стрелять, просто смотрел на меня, потом опустил револьвер и выбежал из комнаты. И больше ни одна пуля меня не задела... Там было много дыма, плохо видно. Они,

кажется, сперва и не разглядели, что я жив. Тот чернявый заставлял одного солдата добивать сестер штыком, а тот не хотел. Тут Аннушка с пола закричала, радостно так: «Я жива, Бог меня спас!» Она подушки с собой несла, когда нас вели — для меня, на всякий случай — и пули в перьях застряли. Тогда брюнет выхватил у солдата винтовку, отнял подушку и приколол Аннушку. Она за штык держалась, но он пригвоздил ее к полу, много раз бил, всю исколол. Потом подошел к Насте — она мертвой притворилась, но он увидел. Наступил ей на обе руки сапогами и выстрелил в грудь. Ольгу и Евгения Сергеевича добил комендант из револьвера. Таню тоже. Тогда они и увидели, что я сижу. Комендант подскочил ко мне, выстрелил несколько раз в упор. И я умер.

— Ваше высочество, — с дрожью в голосе произнес Павел, склоняясь в глубоком поклоне и обеими руками протягивая цесаревичу его саблю.

Но тот жестом остановил его.

— Я больше не высочество. Высочество теперь ты. И это твоя сабля.

Паша изумленно вскинул голову. А Алексей Николаевич Романов или тот, кем он теперь был, торжественно продолжал:

— Потомок по отцу князя Димитрия Пожарского, Рюриковича, возведшего мой род на престол, потомок по матери Чингизидов Валихановых, тебе, Павел Пожарский, суждено возродить Российскую Империю и занять трон, на который мне так и не довелось взойти. Ты сделаешь это — если пронесешь свой крест по жизни достойно, не поддавшись малодушию и соблазнам.

Эти слова Павел будет помнить до самого конца своей долгой жизни. Но сейчас он совершенно не воспринимал их — его охватило великое горе от осознания того, что он видит своего друга в последний раз. Алексей ничего не сказал об этом, но Паша откуда-то знал точно — они расстанутся, здесь и сейчас, бесповоротно.

От суровой непреклонности этого знания мальчик разрыдался.

— Ну, ну, Паша, перестань, — произнес Леша уже своим обычным тоном. — У тебя еще будет много друзей. И соратников, и слуг. И врагов тоже будет много. От этой точки жизнь твоя станет лишь возрастать. Даже если бы мне не было позволено посетить тебя, ты все равно исполнил бы то, что тебе предназначено. Но я должен был научить тебя верить... Ну, и мне просто хотелось побыть здесь, у вас, вернуться — хотя бы ненадолго...

Паша перестал рыдать, и хотя слезы продолжали обильно стекать по его щекам, он вдруг успокоился, и даже... Странно, но в душе его ширилась лучистая радость.

— Саблю отнесешь в Эрмитаж, — продолжал наставления Алексей. — Позови там кого-нибудь из научных сотрудников, скажем... Да вот, хоть Ольгу Геннадьевну спроси. Отдай ей и молча уходи. В свое время клыч к тебе вернется, не сомневайся.

Пожарский молча кивнул.

— Ну, вот и все, — завершил цесаревич. — Здесь мы распрощаемся. Но, конечно, еще увидимся — потом, не в этом мире... До свидания, Павел. Мне было хорошо и интересно дружить с тобой.

Паша хотел броситься другу на шею, но понял, что не сможет этого сделать — несмотря на то, что он пока еще видел Алексея, их уже разделяла некая грань, для Павла пока непреодолимая.

Мальчик просто смотрел в лицо своего друга, пытаясь навечно запечатлеть в памяти его черты, улыбку, все то блаженное состояние, которое он испытывал в присутствии этого чудесного... Кого? Да, все равно человека!

Пожарский не уловил момент, когда Алексей исчез из его глаз. Просто только что стоял здесь — и вот его не стало. Лишь в голове у мальчика какой-то до боли знакомый, и одновременно незнакомый, из иного мира, голос словно бы прошептал: «Бедный Павел, бедный князь!»

В одиночестве он вышел из-под бетонных лап мрачного дома, и его охватил свет заходящего над заливом роскошного осеннего солнца. Он смотрел на него, и оно его не ослепляло. И чем больше он всматривался, тем больше проступали на этом мерно струящемся с небес мощном сиянии очертания фигур.

Он видел их одновременно и в невообразимой дали, и так подробно, словно они находились на расстоянии вытянутой руки. Видел Семью — Царя, Царицу, четырех Царевен и... Цесаревича. А рядом с ними и за ними было еще много, много людей. Павел узнал ту женщину из сна, которая говорила в храме с мамой Алексея. Елизавета Федоровна... А рядом с ней — мужчины в старинной офицерской форме, мужчины и женщины в старинной штатской одежде, и еще монахини, и монахи, и священники, и епископы, и множество других людей — сотни... может, тысячи... Они стояли молча и не двигались, но все были живыми — Павел явственно ощущал это. Не земной человеческой жизнью, а иной, высшей, которую мальчик еще не в состоянии был понять, но возможность которой распирала его душу восторгом.

Все эти люди смотрели на него, и он понимал, что их взгляды проникают в его душу, вплоть ее до малейших секретных уголков. Казалось, это должно было смутить или испугать его. Но Павел Пожарский отныне стал другим — он знал, что так нужно и что это хорошо.

А потом небесное сияние постепенно растворило в его глазах образы святых и мучеников и превратилось в колоссальный, раскинувшийся на всю вселенную, крест. Который, в свою очередь, стал Лицом. Знакомым, много раз виденным на иконах, словно бы родным — но и нездешним, надмирным. Бесконечно добрым и неприступным. Любящим, сострадающим и неуклонно судящим.

Лицом Бога.

Великая радость, какой он никогда не испытывал, и вообще не подозревал, что может такая быть, затопила Павла. Не выпуская из рук сабли, он рухнул на колени прямо посреди тротуара и, не обращая внимания на удивленные, жалостливые и опасливые взгляды прохожих, впервые в жизни сотворил настоящую молитву.

30 лет спустя

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Он твердил «умную» молитву на протяжении всего этого длинного, блестящего, волнительного, радостного и безумно тяжелого дня. Продолжал и теперь, когда все уже свершилось и утвердилось в истории.

«Павел II Пожарский, Император и Самодержец Всероссийский, Московский Киевский, Минский...» — машинально читал он титул, вившийся по серебряному кубку, стоящему перед ним на столике. Кубок явно был из коронационных даров, непонятно было, зачем его принесли сюда, в его священный для всех домашних кабинет в подмосковном дворце, куда он сейчас удалился, чтобы хоть несколько минут побыть одному.

Он не был один с рассвета, когда, после пары часов сна, начал готовиться встретить самое важное событие в своей — а может, и всей страны — жизни. И он ужасно устал еще к моменту коронации. После литургии и миропомазания в Успенском соборе, ощутив на плечах тяжесть горностаевой мантии, а на голове — короны, он опустил на Алмазный трон Алексея Михайловича, благословляемый двумя архангелами, искусно вышитыми на спинке стародавними армянскими златошвеями. Ноги гудели после трехчасового стояния, особенно левая, почти оторванная лет десять назад во время одного из покушений, но чудесным образом пришитая хирургами.

Рядом, на изящное золоченое тронное кресло в стиле рококо, на котором некогда восседала государыня Елизавета Петровна, опустилась жена. Теперь императрица...

Но долго отдохнуть не удалось. Предстоял торжественный выход царской четы на Красное крыльцо, а потом — путь на главную площадь страны, к красностенному и синеглавному шатровому храму Державной иконы Богородицы и Новомучеников Российских. Он стоял на месте мавзолея, несколько лет назад вместе со своим обитателем перенесенному из столицы.

Отсюда, с высокой паперти, сидя на «царском месте» под гранитным шатром, император принимал парад. Снова снять нагрузку с ног было великим облегчением, но все равно приходилось держаться прямо и торжественно, стараясь забыть о все нарастающей боли в спине. А после прохождения войск, показавшего всему миру, что возрожденная Империя не менее могуча, чем все ее предшественники, площадь заполнилась ликующим народом, размахивающим имперскими флажками и триколорами. И тогда он пошел в толпу.

Этого не было предусмотрено церемониалом, по которому Император должен был лишь поприветствовать подданных сверху. Но он понял — словно эта мысль была ему внушена свыше — что сейчас должен поступить именно так. Выйти к народу и слиться с ним. Только в этот день. Только на этом месте.

Это, конечно, чуть не вызвало сердечный приступ у начальника охраны. Да, площадь, Кремль и все подходы к ним были под надежным контролем. Да, на кремлевских стенах и всех остальных возможных позициях по периметру сидели десятки контрснайперов. Да, в толпе было рассредоточено множество чинов Императорской службы охраны. А сама толпа непрестанно снималась на сотни камер, даже с парящих над площадью дронов, и вся информация в режиме онлайн поступала в аналитический центр ИСО, оснащенный

множеством специалистов, оперативно препарировалась ими и уже в виде конкретных рекомендаций поступала прямо на мобильный дисплей начальника охраны. И да, под парадным мундиром на императоре был почти невесомый, но сверхпрочный бронежилет.

Но все равно это было безумно рискованно — слишком много сил в мире хотели смерти нового Российского самодержца, сил, подчас обладающих чрезвычайным могуществом.

— Я здесь, Пожар, — раздался у Павла над плечом знакомый тихий голос.

Старый друг, телохранитель, десятки раз спасавший ему жизнь. Сегодня он официально стал императорским камердинером, хотя, наверное, понятия не имел, что это слово значит. Но имея его за спиной, Павел чувствовал себя более защищенным, чем в подземном командном пункте.

А за другим плечом государя молча стоял старший сын Алексей, теперь цесаревич...

— Я знаю, Сережа. Пошли, ребята... — тихо ответил царь и спустился по лестнице в народ, встретивший его оглушительным ревом.

Рукопожатия, улыбки, благословения, поднятые на руки дети... Все прошло замечательно, хотя, конечно, стоило немало седых волос царской охране.

До сих пор Павла поддерживала только нервная энергия — он даже не поел на трапезе в Грановитой палате, кусок не лез в горло. Лишь жадно выпил стакан воды.

Он посмотрел на стоящие на столике графин с коньяком, вазу с фруктами и коробку гаванских сигар, но покачал головой. Может быть, потом. Сейчас еще предстоит праздничный ужин в кругу семьи — жены, детей и стареньких родителей. И самых ближних соратников, прошедших рядом с ним все эти безумные годы тяжелых трудов, борьбы, боев, заговоров, предательств, горьких отступлений и невозможных побед.

Но сейчас он был один. Хотя, наверное, теперь он всегда будет один...

«Ты отвечаешь за все, когда ты на самой вершине. Это как очень высоко в горах — там ведь холодно, мало воздуха и страшно. А ты один», — раздался из глубин его памяти дорогой голос.

Государь и правда почувствовал, что задыхается. Кровь гулко стучала в ушах, во рту появился железный привкус.

«Воздуха!»

Завтра все начнется заново: прием делегаций со всего мира, председательство на заседании Госсовета, бал у столичного мэра, общение с народом на праздничных гуляниях и масса прочих дел. И вообще, самое трудное только начинается. «Ты отвечаешь за все»...

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Царь перевел взгляд на лежащую у него на коленях маленькую кривую саблю, с которой он не расставался с того момента, когда во время приема делегаций со всех концов Империи ему поднес ее директор Эрмитажа. Кажется, его допустили к нему сразу после делегации малороссов.

Угодливо склонившись перед государем, директор — совсем ветхий, в дурацком шарфике поверх пиджака — долго рассказывал ему, что пару месяцев назад в госархиве было чудом найдено письмо цесаревича Алексея. Видимо, последнее его письмо. Было вообще непонятно, каким образом оно попало в Москву из Екатеринбурга после убийства. Очевидно, было доставлено вместе с прочими вещами расстрелянных в Ипатьевском доме, а потом затерялось.

Директор еще многословно рассказывал удивительную историю эрмитажной сабли, но Павел уже не слушал его. Он был слишком опытен, чтобы допускать на лицо эмоции, но в

душе рыдал, читая письмо, переданное ему вместе с саблей.

«Тому, кто будет иметь власть сделать то, о чем я прошу. Тут скучно и тяжело. Я боюсь, всех нас скоро убьют. Я знаю, что это не конец. Мы просто станем жить другой, лучшей жизнью. Но все равно мне страшно. Все, кого я любил, уйдут туда со мной. Мой папа больше не царь, а я больше не его наследник. Я не знаю, что будет после нас с Россией. Думаю, будет очень плохо, но она сохранится. И поэтому я оставляю единственное посмертное распоряжение. Надеюсь, оно будет исполнено. Мой офицерский клыч, даренный мне казаками Атаманского полка, я завещаю отдать тому, кто вступит на Российский Престол, когда смута закончится. Пусть его отдадут ему в день его коронации. И пусть просят его молиться за душу Алексея, так и не взошедшего на этот Престол, и за души его семьи и слуг. Бог да хранит Россию. Алексей Романов».

Павел не выпускал клыч из рук весь день, с ним был и на Красной площади. Он понимал, что все мировые СМИ уже пестрят его фото с этой сабелькой и ее историей, и маститые аналитики гадают, что новый хозяин России хотел этим сказать. Потому что весь мир по опыту знал, что просто так он ничего не делает.

Но на сей раз это было именно «просто так». Павел не в силах был выпустить из рук Лешину саблю, которую в последний раз держал тридцать лет назад.

«Надо озадачить ребят из ведомства связей с общественностью, — подумал он, — чтобы срочно изобразили смысл моего послания и запустили в оборот».

Но эта мысль тут же затерялась среди нахлынувших воспоминаний.

Один человек точно узнает саблю. Игорь Савельевич Зайчик, как ни удивительно, все еще был жив. После отсидки — не за давнее соучастие в хищениях из Эрмитажа, а за другие, куда более серьезные прегрешения — он стал иконой и моральным образцом оппозиции. С инвалидного кресла он поливал возрождение царизма самыми последними словами и уверял, что Россия вот-вот станет свободной. Но, конечно, ни слова не говорил и не скажет о том, что лично знал проклятого узурпатора в его детстве. Тем более промолчит и о сабле. Разумеется, Павел давно бы мог заставить его замолчать множеством способов, но полагал, что вреда от старика немного, а как лицо оппозиции он даже бывает полезен. Да и, честно говоря, в глубине души испытывал к нему нечто вроде благодарности...

Император медленно вытянул саблю из ножен, читая надпись: «Ангел наш, родимый красавчик, великий государь цесаревич, клянемся тебе быть всегда достойными...»

Рыдания вновь подступили к горлу. Не выпуская сабли, он встал с кресла и подошел к божнице с неугасимой лампадой. В центре иконостаса мерцал образ Святых Царственных мучеников.

Павел опустился на колени и стал горячо молиться.

— Все будет хорошо, Паша, — раздался за его спиной знакомый голос, и он ощутил на плече дружескую руку.

Царь резко обернулся. Позади было темно и пусто.

Больше книг на сайте - Knigoed.net